ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Комитет по социальной политике

Санкт-Петербургское государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

**В. П. Барышков, А. Н. Вашурин, Г. А. Величко,
С. В. Кудряшов, И. В. Мишина**

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗАХ

МОНОГРАФИЯ

Под общей редакцией Т. Н. Барковой

Монография опубликована на средства внутреннего научного гранта СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Санкт-Петербург
2021

УДК 37.01
ББК 74.58
340

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского государственно института психологии и социальной работы

Рецензенты:
***Горшков Александр Сергеевич** — заведующий Институтом развития образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ;*
***Чимаров Сергей Юрьевич** — профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ, доктор исторических наук, профессор.*

Защита исторической памяти как педагогическая основа организации воспитательной работы в вузах: Монография / В.П.Барышков, А.Н.Вашурин, Г.А.Величко [и др.] / Под общей ред. Т.Н.Барковой. — СПб., 2021. — 224 с.
ISBN 978-5-6046439-9-0

В монографии защита исторической памяти становится предметом системного междисциплинарного исследования и рассматривается как основа организации воспитательной работы в современных российских вузах, важнейшее средство реализации актуальных задач укрепления национальной безопасности, воспитания у молодежи приверженности к духовно-нравственным ценностям. Фундаментальное философское исследование содержания и структуры исторической памяти сочетается в монографии с рассмотрением прикладных вопросов организации патриотического и духовно-нравственного воспитания студентов в современных социокультурных условиях.

Монография предназначена для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за реализацию молодежной политики и воспитательной деятельности, преподавателей гуманитарных дисциплин и специалистов по воспитательной работе высших учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами защиты исторической памяти и организации воспитательной работы в вузах.

© СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», 2021
© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-6046439-9-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 5

ВВЕДЕНИЕ 6

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 9

1.1. Понятие и структура национальной безопасности 10

1.1.1. Социальный риск и технологии гражданской безопасности 10

1.1.2. Парадигма конфликта в теории национальной безопасности 28

1.1.3. Парадигма мира в теории национальной безопасности 37

1.2. Концепт секьюритизации и политика памяти 44

1.2.1. Современные школы критического исследования безопасности 44

1.2.2. Мнемоническая безопасность 56

1.2.3. Политика памяти 64

1.3. Историческая память и время 72

1.3.1. Субстанциальная и реляционная п арадигмы времени 72

1.3.2. Символическое пространство исторической памяти .. 84

1.3.3. Социокультурная обусловленность коллективной памяти 91

1.4. Историческая память в контексте культуры 104

Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ 126

2.1. Особенности исторического сознания и патриотического самосознания современной российской молодёжи 126

2.2. Системообразующие компоненты патриотического воспитания вузовской молодежи 136

2.3. Формы и методы развития патриотического самосознания современных студентов 146

Глава 3. ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗАХ: ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ... 158

3.1. Социальные технологии формирования исторической памяти студенческой молодёжи ... 158

3.2. Защита исторической памяти как задача воспитательной деятельности в процессе преподавания исторических дисциплин в вузах ... 164

3.2.1. Роль исторической науки и псевдоисторического «научпопа» в формировании исторических знаний подрастающего поколения ... 164

3.2.2. «Без срока давности»: изучение фактов геноцида советского народа немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны в процессе преподавания истории студентам вузов ... 170

3.2.3. Методические принципы воспитательного процесса по защите исторической памяти в ходе изучения истории ... 192

3.3. Защита культуры и исторической памяти как педагогическое основание духовно-нравственного воспитания студентов ... 196

3.3.1. Защита культуры и исторической памяти как способ реализации задач духовно-нравственного воспитания студентов в современных социокультурных условиях ... 196

3.3.2. Принципы реализации актуальных задач защиты культурного наследия и исторической памяти в ходе воспитательной работы в вузах ... 199

3.3.3. Реализация задач защиты исторической памяти в рамках музейно-педагогических программ для студенческой аудитории ... 207

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ... 213

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 222

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. **Баркова Татьяна Николаевна** — проректор по инновационному развитию и работе со студентами Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доцент кафедры управления социальной сферой, кандидат социологических наук — введение, заключение, общая редакция текста
2. **Барышков Владимир Петрович** — профессор кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор философских наук, профессор — глава 1 (разделы 1.1–1.3)
3. **Вашурин Андрей Николаевич —** доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат философских наук — глава 3 (раздел 3.2)
4. **Величко Галина Анатольевна —** доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук, доцент — глава 2, глава 3 (раздел 3.1)
5. **Кудряшов Сергей Витальевич —** доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат культурологии — глава 1 (раздел 1.4)
6. **Мишина Ирина Васильевна —** декан факультета психолого-социальной работы, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат культурологии, доцент **—** глава 3 (раздел 3.3.).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования проблемы защиты исторической памяти определяется необходимостью решения задачи системной организации и повышения эффективности воспитательного процесса в вузах, создающего условия для развития уважительного отношения обучающихся к историко-культурному наследию своей страны, традиционным духовно-нравственным ценностям, определяющим фундамент культурного суверенитета российской нации и возможности всестороннего развития личности.

Концепт «защита исторической памяти» является производным от понятия «политика памяти», трактуемого в настоящее время как сохранение памяти о прошлом, необходимой для политической консолидации нации[1]. Защита исторической памяти определяется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одного из приоритетов, определяющих характер воспитания подрастающего поколения, обеспечения устойчивости и преемственности духовных традиций, защиты от деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь, предотвращение фальсификаций и искажений интерпретации исторических событий, являющихся основой духовной консолидации и гражданской идентичности российского общества[2].

Защита исторической памяти выступает в настоящее время педагогической основой организации воспитательной работы в российских вузах, то есть деятельности, направленной на организацию воспитывающей среды и управление разными видами деятельности воспитанников с целью создания условий для их приобщения к социокультурным и духовно-нравственным ценностям народов Российской Федерации, полноценного развития, саморазвития и самореализации личности при активном участии самих обучающихся. Воспитательная работа в деятельности любого вуза носит систем-

---

[1] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Вторая мировая война: защита исторической памяти и противодействие ее фальсификации: Монография / Под ред. А. И. Балашова. — СПб.: Изд-во Коновалова А. М., 2020. — С. 4.

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/.

ный, плановый и непрерывный характер. Основным средством ее осуществления является выстроенная в вузе, на основе Рабочей программы воспитания и Плана воспитательной работы, воспитательная система, соответствующая специфике профессиональной подготовки обучающихся.

В настоящей монографии авторский коллектив поставил перед собой следующие задачи:

- провести историко-культурологический анализ условий возникновения концепта исторической памяти, а также обзор основных концепций, определяющих содержание понятия исторической памяти;
- осуществить философское осмысление исторической памяти в системе категорий, определяющих процесс исторического познания, проведя сравнительный анализ категорий исторической памяти, исторического сознания и самосознания;
- выполнить многомерную междисциплинарную оценку значения исторической памяти в реализации актуальных задач воспитательной работы в вузах в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами;
- идентифицировать состав факторов формирования гражданского, патриотического, нравственного сознания современного российского студенчества;
- выявить методологические основания воспитательной деятельности, нацеленной на развитие исторического сознания и самосознания студентов, в условиях современной информационной и социокультурной среды;
- уточнить состав принципов, форм, социальных технологий, способных выступить средством реализации задач защиты исторической памяти в педагогической среде вуза.

В процессе исследования применялись общенаучные (историко-генетический, структурно-функциональный, системный) и эмпирические методы (анализ нормативно-правовых актов, реконструкция социокультурного поля).

Представленные в монографии результаты исследования, проведённого авторским коллективом Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы — единственного вуза, подведомственного Правительству Санкт-Петербурга, могут служить основанием при разработке методических рекомен-

даций по организации воспитательной работы в вузах, направленной на формирование исторического сознания студенчества, уважительного отношения к историко-культурному наследию и традиционным духовно-нравственным ценностям.

Монография предназначена для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за реализацию молодежной политики и воспитательной деятельности, преподавателей гуманитарных дисциплин и специалистов по воспитательной работе высших учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами защиты исторической памяти и организации воспитательной работы в вузах.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Постановка вопроса о связи между исторической памятью и национальной безопасностью влечёт за собой ряд задач, представляющих не только теоретический, но и практический интерес. На исходе XX в. трудно было предположить исследование такой связи в числе научных направлений как в области социальной теории, так и в историографии, несмотря на укоренившиеся в советский период тезис о «борьбе идеологий» в области истории. Такие утверждения воспринимались ритуально и им ритуально отдавалось должное в научных работах историков. Что касается социальных теоретиков (в псевдомарксистском изводе), то столь важная роль всеобщей и отечественной истории (за исключением истории партии) вкупе с общественным историческим сознанием в недалёком будущем могла показаться несбыточной гипотезой.

За минувшие три десятилетия обстановка изменилась кардинально. Теперь речь идёт не столько о культурной дани прошлому, сколько о самых непосредственных «включениях» исторического сознания и коллективной памяти в формирование национальной идентичности, и в легитимацию политических систем. Такие функции объективно включает культурную память в число факторов, обеспечивающих безопасность и одного, и другого.

Задач, следующих из формулировки темы, как минимум, три:

- очертить область национальной безопасности;
- прояснить концепт исторической памяти;
- раскрыть отношения между ними, или, в обратном порядке, — прояснить отношения между двумя этими системными комплексами и уже, исходя из отношений, понять, с чем мы имеем дело.

Таким образом, характер изложения будет носить поисковый, а значит, гипотетический характер.

1.1. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1.1. Социальный риск и технологии гражданской безопасности

Национальная безопасность тесно связана с социальной безопасностью, прежде всего, по линии государства-нации и национальной идентичности, обеспечения их функционирования и развития. Национальная безопасность таким образом, есть безопасность этно-национальной общности, идентичности. Термин «безопасность» широко используется в различных направлениях социального и гуманитарного знания. При этом, в каждом из направлений, от социологии до правоведения, имеются разные трактовки данного термина.

Современное общество в целом надо признать кризисным, поскольку оно собственной деятельностью и в собственной деятельности порождает кризисы как резкие сломы устоявшегося порядка вещей. Условия социальной жизни российского человека в границах различных исторических периодов новейшего времени балансируют по большей части на грани нормы и в этом отношении выражаются в таких понятиях как кризис, катастрофа, война, риск. Подобное состояние повседневности выражается в различных поговорках, сформировавшихся под воздействием вполне обыденных обстоятельств на протяжении продолжительного исторического времени существования российской цивилизации. Одна из них — «не было бы счастья, да несчастье помогло». На подобном фоне термин «безопасность» воспринимается как сравнительно «мягкий», хотя порождает такую проблему как соотношение безопасности и свободы: больше безопасности, меньше свободы.

Тема национальной безопасности задает конструктивный тон обсуждению ситуации кризиса, катастрофичности в России, так как выводит на технологический уровень проблему противовеса неконтролируемым рискам, опасностям, угрозам. Национальная безопасность рассматривается в таком случае с точки зрения менеджмента возможных угроз в кризисных ситуациях (Г.Г.Почепцов). Суть политики по обеспечению национальной безопасности, состоит в локализации, нейтрализации и защите от явлений, которые рассматривается в качестве факторов, подрывающих безопасность.

В социальной теории безопасности кризисы разделяются на: а) известное неизвестное и б) неизвестное неизвестное. В первом случае речь идет о том, что на объектах промышленности, транспорта, ядерной энергетике, и в других социотехнических системах мы знаем, что авария возможна. Возможность нам известна, только неизвестно, когда и как это может произойти конкретно. Есть другие варианты подобных ситуаций, которые необязательно связаны с аварией. Сегодня это может быть компьютерное мошенничество, хакерские атаки и т. п. Наряду с техногенными угрозами в настоящее время вполне вероятны и ожидаемы экономические кризисы, этно-национальные конфликты, социально-политические потрясения и цивилизационные столкновения. При таком положении вещей обеспечение безопасности общества становится первостепенной задачей государства. Вместе с тем, необходимую ответственность за свою безопасность в различных сферах жизнедеятельности несут и граждане. «Быть готовым ко всему» — такой должна быть официальная политика, — пишет американский исследователь Сэм Блэк[3].

Факторами, неблагоприятными для национальной безопасности (степенями опасности) являются угроза, вызов, риск[4]. Как будет очевидно далее, в этот перечень следует добавить, по меньшей мере, понятие «кризис», продуцирующий названные опасности: кризис-риск, кризис-вызов, кризис-угроза. Риск самая слабая степень опасности. Он связан с зарождением негативной тенденции развития, уменьшающей возможности реализации национальных интересов в определенной сфере. Это вероятность выхода опасного фактора из-под контроля, когда опасность зарождается и существует еще в потенциальном виде. Вызов есть более значительное отклонение от устойчивого состояния, когда тенденция уже проявилась и набирает угрожающий характер. Проявившийся опасный фактор становится маркером конкретных отрицательных явлений, наносящих ущерб национальным интересам. Ситуация еще не носит необратимый характер, но требует быстрого реагирования с целью предупреждения или снижения ущерба. Таким образом, риск и вы-

[3] *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000 (http://www.natahaus.ru).

[4] *Веруш А. И.* Соотношение категорий «риск», «вызов», «угроза» в теории национальной безопасности/Научные труды республиканского института высшей школы. 2018. № 17. С. 24–30 (https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/207168/1_18-024-030. pdf).

зов характеризуют зарождение, проявление и нарастание опасной (кризисной) тенденции.

Неблагоприятный фактор выходит из-под контроля и провоцирует комплексную кризисную ситуацию (кризис), несущую угрозу национальной безопасности. Система — безопасность социума и устойчивое развитие государства — становится нестабильной и разбалансированной. Кризис не следует, вместе с тем, считать аномалией. Он может создать угрозу в результате накопления отрицательной динамики. В.Сурков, современный политтехнолог, отечественный политический мыслитель и идеолог-государственник, развивает концепцию кризиса на основе идеи, что в мире в целом действуют универсальные закономерности, одна из которых, говоря языком физики, — возрастание энтропии, а на языке философии, утечка гармонии и смысла из повседневного существования[5]. Энтропия в замкнутой системе возрастает, иными словами, хаоса (беспорядка) всегда становится больше. Соответственно, всюду наблюдается хроническая убыль порядка и стабильности на фоне прогрессирующих турбулентностей и распада. Как результат неопределенных «многомятежных хотений» собственных граждан надвигается лавина социального хаоса. Где же он сейчас? — задается вопросом В.Сурков. И утверждает, что вытесняемый из обеих реальностей (материальной и виртуальной) хаос уходит в слепые зоны общественной жизни.

Хаос проявляется в стихийном распространении не явных коллективных практик, направленных не против мейнстрима, а параллельно ему. Люди не хотят быть против. Они хотят быть параллельно, не пересекаясь с системой без крайней нужды. Возникает массовая дисполитизация населения как широкое распространение точечной лояльности и одноразового патриотизма. Во все более монолитной с виду структуре общества образуется все больше лакун и полостей, заполняющихся неизвестно чем.

Прямой угрозы для установленного порядка перешедший в режим молчания и параллельной общественности беспорядок не представляет. Но он накапливается. Если приходит время этой угрозы, она обрушивается на существующий порядок вещей, не формулируя

---

[5] *Сурков В.* Куда делся хаос? Распаковка стабильности/ Актуальные комментарии. 20 ноября 2021 (https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336. html).

внятных целей. Хаос, как образно выражается В.Сурков, достигает «уровня ада».

Технологии гражданской безопасности. В соответствии с теорией национальной безопасности, характерными чертами кризисных ситуаций являются: интенсивность, напряженность, неожиданные повороты происходящих процессов, что затрудняет их восприятие и понимание. Поскольку национальная безопасность включает безопасность государства, общества, личности, будет, думается, методологически оправданным перенести отмеченные общие принципы и положения на уровень личности.

Сложность кризисной ситуации обусловлена ее новизной. Это новая ситуация, к которой мы оказываемся неготовыми. Человек в принципе плохо принимает решения во внезапно возникших обстоятельствах. Как правило, они сопровождается стрессовыми психологическими состояниями. В стрессовых ситуациях, как показали исследования, начинают работать более древние участки мозга, приближающие нас к животным. Поэтому затруднена выработка качественного решения. Другие исследования говорят, что в подобных ситуациях у человека возникает иная биохимия крови, и это тоже затрудняет выработку правильного решения.

Число кризисных ситуаций разного уровня в повседневной жизни достаточно велико, но мы не обладаем объективно точным инструментальным знанием, как с ними работать. Кризисные ситуации в обыденном представлении — это хаос, игра без правил. Вместе с тем, всякая технология деятельности предполагает, что успех приходит к тому, кто играет по определённым правилам, которые можно усвоить на основе обучения и тренировки. Так можно предупредить неуправляемое развитие ситуации. Главным правилом работы в момент кризиса должна быть предварительная подготовка к нему. Тогда он перестает быть новым и неожиданным. Когда человек движется в соответствии с заранее разработанным сценарием поведения, он не ощущает себя в безвыходной обстановке.

В качестве одного из основных методов исследования кризисных ситуаций может использоваться сценарный анализ[6]. На первом этапе

[6] *Малышев Е. В.* Научные основы исследования кризисных ситуаций, влияющих на национальную безопасность России // Технологии гражданской безопасности. 2013. Т. 10. № 2 (36). — С. 92–96.

составляется перечень внешних и внутренних факторов, оказывающих наибольшее воздействие на безопасность в рассматриваемом временном интервале, а также организаций и лиц, способных повлиять на состояние безопасности государства. В ходе второго этапа делается выбор изменяемых переменных и определяются наиболее значимые и независимые из них. Вслед за этим проектируются наиболее вероятные сценарии. На третьем этапе разрабатываются стратегии в соответствии с составленными сценариями. Каждому рассматриваемому сценарию соответствует наиболее благоприятная стратегия. Необходимо выбрать стратегию, которая максимизировала бы выигрыш по безопасности при любом варианте развития ситуации и обеспечивала бы минимальный уровень риска.

В настоящее время, проходящее под знаком пандемии COVID-19, важна, как полагают эксперты, выработка стратегии. Становится понятно, что пандемия будет постоянным условием существования человечества. На смену одному катастрофическому вызову, вполне вероятно, придёт другой. Необходимо выстраивать свою жизнедеятельность с учётом новых условий, создающих различные риски во всех областях реальности.

Кризисные ситуации достаточно трудны для преодоления в силу их относительной динамичности и следовательно, особой темпоральности. Важнейшая характеристика таких событий — ощущение дефицита времени. Здесь-то и приходит на помощь предварительная подготовка, тренинг. Временной параметр закладывается в тренировках заранее, как бы «консервируется», и навык действий «на время» реализуется, когда требуется быстрота реакций. Иными словами, в кризисных ситуациях меняется рисунок действий по сравнению с действиями в штатных обстоятельствах. Собранность, алгоритм в поведении, способность принимать решения в быстро меняющихся условиях придают деятельности экстремальный, рисковый, но устойчивый характер.

Кризисные ситуации, как видим, порождаются риском и продуцируют риски. Даже в обычной жизни, осуществляя некие действия, субъект сталкивается с обстоятельствами, предполагающими неоднозначные решения. Применение новой технологии, возникновение новых направлений деятельности обусловливают не только дополнительный полезный эффект, но и определенную степень риска. Ситуации, не имеющие однозначного решения, можно назвать риско-

выми. Итак, риск возникает, там, где присутствует неопределенность, когда требуется выбор из альтернативных решений. Однако этого недостаточно. Рисковая ситуация возникает, когда развитие событий из стадии неопределенности вступает в стадию нестабильности, и возникает необходимость выбора. «Риск выбирают в «затруднительных положениях», то есть вынужденно, когда «что-то» поставлено на карту».[7]

Рисковое время. Рисковость времени есть его онтологическая характеристика, состоящая из неопределенности, непредсказуемости «заложенных» в нём возможностей. Такая наполненность есть онтологическое свойство времени текущего, прошлого и будущего. Новые смыслы со временем обнаруживаются в минувшем и существенным образом отличаются от фактологической стороны прошлого, поскольку обнаруживаются его потенциальные ресурсы. Важно также отнесение «непредсказуемой» современности к будущему, которое наполняется множественностью вариантов осуществления, поразительных для неподготовленного или консервативного сознания.

Существенно, однако, не просто восприятие онтологической множественности времени, но деятельность в условиях полифонии возможностей. Это особый тип деятельности, вырастающий на основе неопределенности и негарантированности результатов. Такая деятельность неизбежно является рискованной в различных областях — экономической, политической, социальной. Причём, она зачастую сопряжена с экзистенциальными рисками, рисками существования.

В исчерпывающем содержании социальная кризисность и рисковость раскрывается в условиях чрезвычайно неоднородного режима «времени коронавируса»[8]. «Естественные образцы» социального времени разрушаются и заменяются другими. Под воздействием ограничений и режимов изоляции по всему миру меняются социальные ритмы жизни. Расписание дня подверглось глубочайшим преобразованиям. Четкое деление рабочего и домашнего времени внезапно потеряло смысл. Разнообразные профессиональные и домашние обязанности стали распределяться в рамках того, что воспринимается как бесконечные дни, неупорядоченные недели и неразличимые

[7] *Андреева О. А.* Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог: ТИУиЭ, 2000. — С. 90

[8] *Эрлль А.* Миры памяти в эпоху коронавируса // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (17). — С. 14–34.

месяцы. Новые ежедневные ритмы во многом напоминают дневной распорядок средневековых людей, когда рабочее место (пекарня, гончарная мастерская, кузница) было частью жилья.

В то же время в разных мирах временного опыта ритмы коронавируса выглядят по-разному. Смешение ритмов в комфортабельном существовании среднего класса не идёт в сравнение с рисками (прежде всего, инфицироваться) для рабочих, которые, не имея социальной страховки, вынуждены продолжать работу. Для медицинских работников ритмы профессиональной деятельности приближаются к изматывающим.

Существенные затруднения возникли в различных странах с вакцинированием населения из-за нежелания людей подвергаться риску, пусть и по мифическим опасениям. Самым опасным оказывается риск тяжёлого заболевания и смерти от новой инфекции.

Насколько современники готовы к такой экстремальной ситуации, то есть какова доля тех, кто готов к этому, насколько интенсивным может быть элемент рисковости в их жизнедеятельности? Зависит это, помимо социокультурных и цивилизационных механизмов, от индивидуально-антропологических предпосылок к адаптации в подобных условиях. Вероятно, существует социально-антропологический тип — люди риска, которые соответствуют рисковому времени и для которых — это время рисковать. По своим экзистенциальным и социальным ритмам они соответствуют ритмам рискового времени, ритмам рисковой эпохи.

Здесь же, на наш взгляд, следует искать критерии, меру риска. Разумеется, допустимость и интенсивность риска обусловлены целостными характеристиками сложной социоприродной системы. Вместе с тем, такой компонент как человеческая деятельность с её способностью самонастраиваться, синхронизироваться, выступает одной из доминирующих характеристик и, значит, требует анализа и оценки. Такая точка зрения соответствует пониманию неопределенности как субъективной характеристике бытия.

Неопределенность — это состояние ума субъекта или уровень его знаний о конкретной ситуации. В.С.Диев следующим образом характеризует эту теоретическую позицию: «Хотя уровень знаний о конкретной ситуации не является независимым от самой ситуации, тем не менее, неопределенность есть атрибут не ситуации, а знания

субъекта о ней»[9]. Известно, например, что разработчики американской ядерной программы допускали возникновение цепной реакции при применении атомной бомбы, чреватой уничтожением живого на земле, но, несмотря на такой риск, пошли на «эксперимент».

Время выступает как характеристика становления. Такие понятия как бытие — существование — становление — время образуют, центральный блок темпорализма. Определим время как длительность и последовательность явлений, процессов, событий. Ритм определяется как последовательность длительностей.

Ритм и синхронизация. Ритм есть свойство объективного времени. Он выражает временную упорядоченность мира. Ритм понимается как более или менее равномерное чередование, как некоторое повторение в процессе, а отсюда вытекает и соразмерность временных величин. Ритмичность есть периодическая повторяемость процессов.

Ритмичность присуща различным явлениям природной, социальной, антропо-экзистенциальной действительности. Вопрос состоит в том, как названные ритмы согласуются друг с другом. Другой вопрос заключается в том, как такая согласованная ритмика порождает вполне определенные способы, в частности, рисковые формы индивидуальной и социальной жизни.

Согласование ритмичности различных систем есть синхронизация. В.В.Розен удачно синтезировал имеющиеся в литературе взгляды на данный предмет[10]. Сложная эволюционирующая система представляет собой не жёсткую структуру, разложимую на составные элементы, а гибкую сеть целостных взаимосвязей. Эта сеть образована путем тесной кооперации и координации обширного множества специализированных элементов системы, поэтому импульс в одном месте порождает множество ответных импульсов в различных частях системы. В результате происходит быстрая и весьма тонкая «самонастройка» системы на меняющиеся условия внешней или внутренней среды, что и является основой синхронизации.

Особенность процессов синхронизации природных систем состоит в том, как пишет В.В.Розен, что, настраиваясь («попадая в резонанс») с процессами, протекающими вовне, эволюционирующая

---

[9] *Диев В.С.* Риск: оценка и принятие решений // Философские науки. Новосибирск, 2010. № 4. — С. 15–32.

[10] *Розен В.В.* Становление идей современного естествознания. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011.

система становится как бы частью более общей системы, законам и ритмам которой она подчиняется.[11] Происходит «встраивание» одной сети в более широкую сеть связей.

Предрасположенность, предпочтение, предназначение. Для формирования любого оценочного суждения по поводу риска, тем более, практического действия в этой парадигме, необходимо наличие предпосылок: а именно предрасположенности к выведению в приоритет именно такого рода ценности. Прежде, чем будет вынесено положительно суждение, должна существовать некоторая установка восприятия или перцептивная установка, позволяющая почувствовать и через это чувство, через такую интуицию прийти к отчетливому пониманию и постулированию высказываний вполне определенного положения дел. Таким образом конституируется ценность риска.

Из предрасположенности возникает предпочтение, а затем следует предназначение. Согласимся с определением предназначения, данным В.Н. Томалинцевым. Предназначение — это естественная наклонность, выражение предрасположенности к определенному типу деятельности, заданная особенностями психофизиологической организации индивида[12]. Критерием предназначенности того или иного способа деятельности, тех или иных средств деятельности является удовольствие: чтобы человек ни делал, если он делает с удовольствием, это есть признак предназначенности, признак ценностного качества его жизнедеятельности. Таков критерий совпадения ритмов общества и деятельности личности в рисковое время.

Ритм человека, личностный ритм зарождается под влиянием различных факторов. Как справедливо замечает В.Н. Ярская, физические, психологические и физиологические ритмы имеют огромное значение в структуре времени человека, с какой бы точки зрения мы их ни рассматривали — как врожденные, приобретенные или космического происхождения [13].

В момент зарождения человек оказывается под воздействием комплекса климатических, гидрологических, гелиобиологических

---

[11] Там же.

[12] *Томалинцев В.Н.* Экстремаль России: Прогноз развития. — СПб.: Фонд Отечество, 2007.

[13] *Ярская В.Н.* Время в эволюции культуры: философские очерки. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989.

воздействий, которым именно в данный момент присуща определенная ритмика, определенная, возможно, уникальная синхронизация. Данная синхронизированная совокупность воздействий сохраняется в памяти организма как некоторая константа, матрица, которая впоследствии оказывает влияние, среди прочих условий, на способность выбора человеком соответствующих ему форм социального и индивидуального существования. Она выступает основанием предпосылочности, заданности жизни человека.

Следует учитывать, что большинство узких специалистов скептически относится к самой возможности влияния, например, космических процессов и явлений на земную биосферу, на жизнь отдельного человека и на историческое развитие социальных систем, поскольку подобное влияние, как правило, ближе к «слабым», чем к «сильным» взаимодействиям, и его нелегко обнаружить. Однако традиция, идущая от А.Л.Чижевского, находит продолжение и в настоящее время. В.И.Пантин подчеркивает, что в значительном числе современных работ отмечается корреляция многих биологических и социальных процессов с космическими и гелио-геофизическими факторами (например, труды международных пущинских симпозиумов «Корреляция биологических и физико-химических процессов с космическими и гелио — геофизическими факторами»)[14].

Интродукция в биологической теории (преднамеренное или случайное переселение особей какого-либо вида в новые для них места обитания) раскрывает одну из загадок ритмического сообщения: при смене ритма, в данном случае при переходе из природы в культуру, сохраняется ритмический стержень, ритм тела. Между двумя ритмическими поверхностями — природной и культурной — находится носитель ритма, претерпевающий метаморфозу, то есть — то, что живёт собственным ритмом, сопротивляясь навязанному. Интродуцент выживает в случае совпадения ритмов и погибает в случае кардинального несовпадения. Но и в первом случае происходят многочисленные мутации[15].

---

[14] *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.likebook.ru/books/view/173096/?page=1 (дата обращения: 22.08.2021).

[15] *Маковецкий Е.А.* Социальная онтология ритма // Социальная аналитика ритма. Сбор. материалов конференции. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 104–125.

Синхронизация, самонастраивание осуществляется и в антропо-социальных системах. Здесь имеют существенное значение, например, формы социальной солидарности между людьми.

Таким образом, способность к принятию рискованных решений или действию в рискованных условиях, так же как степень (интенсивность) рисковости заданы некоторыми исходными антропологическими и социальными характеристиками человека. Если наличие предпосылочности к рискованной деятельности у более или менее значительной части населения совпадает по ритму с некоторым набором социальных условий рисковой эпохи (общества риска), то осуществляется их взаимная синхронизация и формируется системная целостность, в которой ситуация риска является атрибутом повседневности и затрагивает каждого человека.

Традиционно риск понимается как вероятность некоторого (обычно неблагоприятного) исхода. Риск можно также рассматривать как «меру опасности», которая в некоторой конкретной ситуации угрожает жизни или здоровью человека, а также всему тому, что входит в систему его духовных и материальных ценностей.

Риск не оправдан в экстремальных ситуациях, поскольку они сами являются либо его следствием, либо причиной. Когда он допускается, то представляет собой неоправданный риск. Неоправданный риск не исправляется оправданным, следовательно, выход из экстремальной ситуации заключается в возврате к нарушенной мере, к тому состоянию, которое было приемлемым. В экстремальной ситуации возврат к нарушенной норме, к утраченной нормальности становится приоритетно желанным. Возврат к мере снова восстанавливает нормальное поле рисковой жизнедеятельности. Иной путь ведет развитие событий по пути углубления кризиса.

Казалось бы, риск и безопасность — это различные полюсы деятельности. Но в действительности они есть условия развития. По У.Беку, риск есть систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, порождаемыми процессом модернизации. Риск, как было сказано, уменьшает свободу. Однако многочисленные ошибки, технические сбои, природные катастрофы демонстрируют насколько повышение безопасности ограниченно в своих издержках по сравнению с масштабом неопределенности. Риск — важнейший аспект социальной деятельности вообще и процесса принятия решений в частности. Порой риск в деятельности более безопасен,

чем бездеятельность. С другой стороны, анализ социальных рисков позволяет выйти на разрешение проблемы безопасности и устойчивости общественного развития, осмыслить механизмы минимизации рисков и оценить их эффективность, снизить уровень производства рисков и добиться более равномерного их перераспределения [16].

Многие полагают, что риск сопряжен исключительно с ущербом. Однако существуют серьезные аргументы в пользу амбивалентности (двойственности) риска, сочетания в нем как негативного, так и позитивного. Если воспроизводство рисков понимать только как накопление ущерба, то тогда бы мы постоянно жили в мире катастроф, поскольку массовая аккумуляция ущерба приводила бы к преодолению «порога бедствия» (Н.Луман). Если же катастрофы все-таки пока еще не стали частью повседневности, то объяснить это можно только тем, что накопление ущерба часто компенсируется раскрытием позитивного потенциала риска, либо нейтрализуется другими рисками [17].

На разных уровнях мы постоянно сталкиваемся с теми или иными вариантами кризисных ситуаций. Самым простым из них является конфликт. Его, в отличие от кризиса, конфликтология считает нормой, поскольку кризисная ситуация чревата разрушением системы. Ошибкой является лишь разрешение конфликта неправильными способами, а в принципе конфликты способствуют увеличению жизнестойкости системы, поскольку вскрывают ее «болевые точки». Отсюда и повышенное внимание к разумному разрешению конфликтов, а не их игнорирование.

Выяснение основ безопасности в условиях неопределенности и риска состоит в определении факторов, влияющих на неё. Есть факторы, которые обеспечивают безопасность, и факторы, которые лишь участвуют в обеспечении безопасности. Различаются социосистемные, духовные, культурные, демографические основы безопасности.

Среди основных понятий теории безопасности выявляются такие, как собственно безопасность, жизнеспособность, развитие, жизнеобеспечение, независимость, защита, охрана, самооборона, выживание. Безопасность — состояние защищенности жизненно важных

---

[16] *Афанасьев И.А.* Философские основания теории социальных рисков. Саратов. 2006. — С. 4.

[17] *Ефременко Д.* Коммуникация риска как научная проблема и как вызов системе образования // «ALMA MATER». 2006. № 8. — С. 23.

интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы — совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития.

Национальная безопасность иногда определяется именно как степень защищенности личности, общества и государства. Экономическая безопасность рассматривается как устойчивое состояние национальной экономики. Под военной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов (в том числе независимости, суверенитета и территориальной целостности) от военных угроз. Английский философ и государственный деятель XVII в. Ф. Бэкон определял безопасность как предусмотрительность, а опасность как беспечность.

В новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [18].

Безопасность может создаваться тремя путями: а) прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; б) упреждающей нейтрализацией источников опасности; в) развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов.

Соответственно, различаются две парадигмы безопасности*:* парадигма защищенности и парадигма самоутверждения [19]. В парадигме защищенности безопасность понимается как **отрицание опасностей,** следствием чего является собственное самоутверждение. В парадигме самоутверждения безопасность, наоборот, понимается как **утверждение себя,** а отрицание опасностей имеет вторичный

---

[18] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792).

[19] *Рыбалкин Н. Н.* Философия безопасности: Учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. — С. 223.

характер и рассматривается в качестве необходимого условия самоутверждения.

Парадигма защищенности основывается на борьбе с угрозами (опасностями), которая составляет суть обеспечения безопасности: «Я нахожусь в безопасности потому, что своевременно обнаруживаю и предотвращаю опасности». Менталитет защищенности приводит к отождествлению безопасности с жизнедеятельностью. Необходимой предпосылкой обеспечения безопасности в рамках данной парадигмы является определение угроз безопасности, на устранение которых и направляется деятельность.

Последовательная реализация идеи защищенности неизбежно порождает потребность в наличии опасностей, которые персонифицируются в образе врага. «Я нахожусь в безопасности лишь постольку, поскольку Я сильнее своих недругов и всегда готов бороться с их угрозами». Отсутствие опасностей и врагов разрушает саму идею безопасности, вследствие чего развитие становится неопределенным и «небезопасным».

Парадигма самоутверждения базируется не столько на *внешнем* отрицании и борьбе с опасностями, сколько на развитии собственных внутренних сил. И потому опасность представляет собой не только то, что отрицает мое существование, но и, прежде всего, то, что угрожает моему самоутверждению: «Я нахожусь в безопасности не потому, что не существует угроз, а потому, что Я силен настолько, что они не представляют для меня опасности». В медицинской терминологии это звучит так: «Я здоров не потому, что непрерывно лечусь, а потому, что укрепляю свой организм».

Необходимой предпосылкой развития (а не обеспечения безопасности) в рамках парадигмы самоутверждения является определение конкретных опасностей (личности, обществу, государству, интересам, ценностям, образу жизни и т. п.), а не угроз безопасности, как в парадигме защищенности. При этом в основе деятельности лежит необходимость не «защищенности» интересов, а их реализации.

Парадигма самоутверждения исторически характерна, например, для американского менталитета. Однако самоутверждение предопределяет необходимость противопоставления окружающему. Невозможно утвердиться «вообще». Это можно сделать лишь по отношению к иному, которое должно быть устранено, если оно препятствует реализации тех или иных жизненных интересов. В результате наличие

иного и исходящей от него опасности становится предпосылкой самоутверждения, что вызывает потребность в существовании опасностей.

Аналитики считают, что в новой Стратегии безопасности военная часть в сравнении с предыдущим документом (Стратегия 2015 г.) становится менее значимой, чем социально-экономическая. Это отражает мысль, что мы достаточно защищены, потому и не считаем необходимым это акцентировать. И другой момент: мы перестаем воспринимать военно-политический компонент нашей государственности как единственную точку силы, с опорой на которую мы куда-то можем интегрироваться. Значит, возник какой-то более комплексный подход[20]. На первый план выдвигается приоритет внутренней социально-экономической модернизации, то есть, внутреннего развития.

Один из вопросов — классификация уровней и форм национальной безопасности. По формам безопасность делится на социальную, политическую, экономическую, военную, техническую, экологическую, энергетическую, информационную (обеспечить собственную информационную безопасность), безопасность личности, психологическую, физическую, психическую.

По уровням национальная безопасность разделяется на: 1) национальную, или безопасность социума; 2) государственную; 3) корпоративную, или безопасность бизнеса; 4) личную, или гражданскую. Они классифицируются по степени общности структур безопасности — общий, средний и частный уровни. Значение государственной безопасности осознается с возникновением централизованного государства как основа социальной безопасности. Безопасность бизнеса осознается как насущная задача по мере формирования корпоративных интересов. В настоящее время она изучается в предметном поле менеджмента, как науки об управлении и администрировании. К примеру, в курсе «Основы безопасности бизнеса» и специальных руководствах.

Субъектом безопасности является не только государство или корпорация, но персонифицированный человек, личность во всей уникальной совокупности социальных связей в отличие от государства или юридического лица. Личная безопасность отличается от инди-

---

[20] *Скоробогатый П.* Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. — С. 50–54.

видуальной безопасности. Индивидуальная безопасность — это мера физической, моральной и психической неприкосновенности при внешних посягательствах в ограниченных рамках физического пространства, которая обеспечивается применением индивидуальных средств защиты и самообороны (к примеру — при обеспечении индивидуальной физической безопасности, пистолет, газовый баллончик или прием каратэ). Личная безопасность — комплексное состояние человека и совокупность условий, обеспечивающих ему целевое саморазвитие. Разумеется, личная и индивидуальная безопасность тесно между собой связаны.

Проблемы безопасности рассматриваются сегодня как первостепенные на государственном уровне и все более оказываются актуальными на уровне личном. Основой общей заинтересованности в этом отношении выступает, как было сказано, фундаментальная неопределенность, неравновесное состояние, хаос и самоорганизация в глобализирующемся мире. Деятельность, действие в таком мире требуют безопасности.

Стабильность среды в прошлом была гораздо более высокой. Принятие решения замыкалось на высших уровнях иерархии, поэтому сегодня мы чувствуем себя так неуютно, когда надо решиться поменять, к примеру, место работы. Любая инновация и любое решение, способные повлиять на окружающий социум, его будущее, рискованны. Современникам придется учиться жить и действовать, учитывая связь и сбалансированность риска и безопасности.

В концепциях безопасности выделяют: а) концепцию феномена безопасности, где раскрывается природа и сущность безопасности; б) концепцию безопасности объекта как понимание системы безопасности конкретного объекта. Концепция обеспечения безопасности объекта включает: знание феномена безопасности, знание объекта безопасности, знание деятельности субъекта по обеспечению безопасности.

На сегодняшний день национальная безопасность Российской Федерации стала включать все новые референтные объекты, а также подразделения. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ (от 02.07.2021), национальная безопасность включает в себя следующие приоритеты: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность;

5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Военная безопасность. По существующим военно-теоретическим взглядам, война — сложное общественно-политическое явление. Военные науки изучают вооруженную борьбу и другие насильственные формы и способы обороны страны. Для других наук в первую очередь важны проблемы обеспечения военной безопасности, решения оборонных задач невоенными средствами. Общая направленность международных и внутренних процессов, может порождать угрозы безопасности страны, формируя их природу и характер. Военная наука призвана не только исследовать характер военных угроз стране, но и вырабатывать предложения по основным направлениям их парирования и необходимые практические рекомендации.

Современная теория войны предполагает достижение соответствующих целей не только не столько за счет применения военной силы, сколько иными скрытыми воздействиями в рамках стратегии непрямых действий. В военной теории изменилось соотношение между тактикой льва (сила и честность) и тактикой лисицы (мистификация и искусное притворство). В скрытом противоборстве особое значение имеет применение хитрости и всевозможных уловок. Появились формы противоборства с применением информационных и иных скрытых технологий. Основная и важнейшая теоретико-прикладная проблема, порождаемая этими факторами, вытекает из противоречия между существенно возросшим значением в вооруженной борьбе информационной сферы и традиционно принятыми взглядами на вооруженную борьбу как силовое противоборство боевых элементов.

Важнейшим вопросом, имеющим военное и особенно международно-правовое значение, является выработка критериев степени обеспеченности военной безопасности (состояния защищенности) государства[21]. Тогда в качестве критериев обеспеченности военной безопасности могли бы быть приняты следующие:

---

[21] *Скворцов А.* Основные проблемы военно-научных исследований в России сегодня // Вестник аналитики. 2002. № 4. — С. 69–79.

- военная безопасность обеспечена полностью, если военные угрозы, которые могут реализоваться, не способны нарушить нормальное функционирование всех систем государства и общества, а реализация тех, которые способны их нарушить, пресекаются собственной военной мощью;
- военная безопасность обеспечена относительно, если все возможные военные угрозы, которые могут реализоваться, не способны нарушить нормальное функционирование систем государства и общества, а реализация тех, которые способны нарушить нормальное функционирование, предотвращаются за счет системы коллективной безопасности;
- военная безопасность не обеспечена, если есть такие военные угрозы, которые могут реализоваться и способны при этом нарушить нормальное функционирование всех систем государства и общества, поскольку располагаемой военной мощи недостаточно для их парирования.

Обеспечение военной безопасности Российской Федерации опирается не только на военную силу, а основывается на создании и поддержании такого политического, международного и военно-политического положения страны, которое бы исключало возможность для любого государства или союза государств путем любых видов воздействия ослабить роль и значение РФ как субъекта международных отношений.

Развитие военной организации должно осуществляться как развитие единой целостной функциональной (боевой) системы с выработкой критериев оценки её способности обеспечивать военную безопасность на основе представлений о наличии у нее системных качеств.

Несмотря на «обычность» такого порядка, как война, военные условия, боевые действия, они зачастую порождают у людей экспрессивную, эмоционально-взрывную реакцию, психозы. Такое состояние можно определить как психотравматический синдром, характерный для переживания боестолкновения. Даже не шоковая, а осознанная реакция на присутствие постоянной угрозы способна создавать психогенную депрессию. В условиях опасности сама жизнь становится рискованным технологическим экспериментом. Это влечет за собой изменение отношения к жизни, заставляет жить одним днём, игнорировать отдаленные последствия собственной деятельности и целеполагания.

1.1.2. Парадигма конфликта в теории национальной безопасности

Военная деятельность социума, её стратегия и тактика, так же как военные технологии, глубоко проникают в повседневную жизнь современного человека и трансформируют ее, привнося туда принципы, формы и методы борьбы, заимствованные из военно-организационной и боевой областей. Такое заимствование в отчасти преобразованном виде используется на различных уровнях жизнедеятельности социума: как на уровне общностей (в экономической и политической сферах), так и на уровне индивидуальном и межличностном.

С уровня личной безопасности начинает складываться поле социальных интересов как презентация на социальном уровне личных целей, осуществляется социализация индивидуальных задач, достигая формы общего интереса. В условиях общенационального кризиса, человек уходит в свою частную жизнь и здесь стремится обрести опору (стратегия индивидуального спасения). Этому соответствует западная мифологема «Мой дом — моя крепость». Для нашей же действительности необходимы, как считает, например, Г.Г.Почепцов, совершенно иные мифологемы, поскольку мы жили под лозунгом типа «Первым делом, самолеты», где социальные характеристики преобладали над характеристиками индивидуальными.

Исторически любая цивилизация занята тем, что стирает индивидуальные различия. Университеты придуманы для того, чтобы давать однотипное образование, книгопечатание изобретено для того, чтобы печатать полностью одинаковые тексты библии. То есть идут мощные унификационные процессы, для которых одинаковость важнее разнообразия. Имидж в этом плане также является стиранием индивидуальности по строго заданным канонам. Поп-певец, чтобы выжить, должен стать таким и никаким иным. Он, однако, и способен удовлетворить запрос массы, поскольку его внутренний индивидуальный ресурс для этого достаточен.

Следует различать три соотносимых понятия: личная безопасность — безопасность личности — безопасная личность. По существу, в этих понятиях фиксируются различные аспекты проблемы безопасности человека. Безопасность человека можно представить, во-первых, как состояние его жизнедеятельности (актуальная или си-

туативная безопасность), во-вторых, как комплекс свойств личности, характеризующих ее возможности в обеспечении своей безопасности и безопасности тех систем, в которые она включена. Предлагается ряд подходов к обеспечению безопасности человека [22].

Концепция безопасности личности. Предполагает внешнее вмешательство по устранению опасностей или перемещение человека в безопасную среду («программа защиты свидетеля»). Это «ограждающий», или объектный, подход, поскольку сам человек выступает как объект безопасности, для которого создают необходимые условия. Здесь безопасность — устранение опасности (Лучший способ избежать ДТП — пользоваться автомобилем в случае крайней необходимости).

Концепция личной безопасности. Исходит из признания активности и самостоятельности человека, из рассмотрения его как субъекта собственной безопасности. Безопасность рассматривается в данном случае как самосохранение и саморазвитие в различных системах. Она соотносится с имеющимися у человека устойчивыми личностными структурами.

В рамках данного подхода фактором, обеспечивающим безопасность, выступает способность к этому самого человека. Его безопасность обеспечивается, в частности тем, что он как целостная самоопределившаяся личность устойчив к негативным информационно-психологическим воздействиям. Фактором, участвующим в обеспечении безопасности в данном случае, выступает формирование особых личностных образований, способствующих подобной устойчивости: а) личностной целостности (наличия собственного центра, интегрирующего все подструктуры «Я» и позволяющего выполнять управляющие функции) и б) субъектности (способности личности регулировать, организовывать свой жизненный путь в соответствии со своими целями и ценностями; превращать опасности в обстоятельства собственного развития).

В рамках того же подхода предлагается обучать человека предвидению и распознаванию опасностей, способам поведения в опасных, рисковых ситуациях (уклонению от опасностей и их преодолению), формировать готовность к обеспечению безопасности. В такой го-

[22] *Лызь Н.А.* Развитие безопасной личности: психолого-педагогический подход // Педагогика. 2006. № 4. — С. 68–75.

товности как личностном образовании можно выделить: 1) когнитивно-инструментальный аспект (определяющийся особенностями предмета деятельности) — знания об опасностях, умение их распознавать, владение способами действий по обеспечению безопасности, достаточный для осуществления этой деятельности уровень развития интеллектуальных, волевых и других качеств; 2) интенциональный аспект (определяющийся потребностями и ценностями субъекта) — субъективная значимость безопасности, интенция на ее обеспечение, наличие соответствующих мотивов деятельности.

Формируя готовность к самообеспечению безопасности, мы переходим в обеспечении безопасности от оградительных мер к повышению защищенности объекта через его развитие. Готовность к обеспечению безопасности образуется как единый комплекс понимания практических приемов повседневной деятельности людей. Примером арсенала таких приемов может быть начавшая развиваться в России на рубеже XX и XXI столетий стратагематика (учение о стратагемах)[23]. Строительство плана отличает целенаправленную, даже ситуативную, концентрированную деятельность от спонтанных, повседневных обывательских козней и сплетен, основанных на эмоциональных всплесках или состояниях. Этому и посвящена стратагематика.

Стратагемность — элемент культуры традиционного китайского общества, китайское искусство хитроумия. За несколько столетий до н.э. в Китае выработка стратегических планов — стратагем — вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями. Знание древних стратагем, составление хитроумных планов стало в Китае традицией. Стратагемы, то есть неортодоксальные пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических и личных целей, представляются общечеловеческим феноменом. Стратагемность (учения о хитроумных планах) имеет универсальное применение в любых сферах жизни, на любом поприще и в любой стране для исследовательских и практических целей. В рамках стратагематики могут быть исследованы такие проблемы, как «хитроумные замыслы в политике», «стратагемная социология», «психология коварных замыслов», «философия хитрости». Стра-

[23] См.: *Мясников В.С.* Антология хитроумных планов // Зенгер Х. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во Эксмо, 2004. — С. 5–27.

тагемность — это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни. Стратагемность мышления и поведения эквивалентно понятию игры.

Успешно пользоваться стратагемами может тот, кто всесторонне подготовлен, кто, изучив особенности стратагемного мышления и действий, может обеспечить выигрыш в состязании даже с более сильным или хитрым противником, если тот не обеспечил себе такую же подготовку. «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике», — учил Сунь-Цзы.

«Представители Запада, — пишет фон Зенгер, — поражены «стратагемной слепотой», хотя в своей повседневной жизни они постоянно являются жертвами стратагем и часто сами применяют их в зависимости от ситуации, иными словами, без всякой теории и без подлинного предварительного расчета»[24]. Стратагемность была серьезным оружием китайских политиков, военных, дипломатов. Благодаря устной традиции, историческим хроникам и художественным произведениям эффективность применения стратагем была очевидной и для широкой публики.

Суть стратагемного подхода выразил в «12 золотых принципах» китайский мыслитель Сунь-Цзы (V в. до н.э.) в своём «Трактате о войне», известном также как «Искусство войны Сунь-Цзы»:

1. Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; 2. Если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; 3. Хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; 4. Хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; 5. Заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; 6. Если у него все полно, будь наготове; 7. Если он силен, уклоняйся от него; 8. Вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; 9. Приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; 10. Если его силы свежи, утоми его; 11. Если его ряды дружны, разъедини; 12. Нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает.

В войне, учил Сунь-Цзы, устанавливаются на обмане, действуют, руководствуясь выгодой, производят изменения путём разделений и соединений[25].

---

[24] *Зенгер Х. фон.* Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — С. 28.

[25] *Сунь-Цзы.* Искусство стратегии. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгара, 2006. — С. 101.

Одной из сторон, например, коммуникативно-информационного взаимодействия является манипуляция — как на социальном, так и на межличностном уровне[26]. Манипулятивный подход — важная составная часть профессиональной культуры в разных областях деятельности, в том числе в политике и бизнесе. Суть манипуляции заключается в том, что манипулятор, преследуя свои цели, скрыто, неявно стремится возбудить у адресата (человека, которым манипулирует) намерения, не совпадающие с существующими у него актуальными желаниями. Как подмечает П. С. Таранов, манипуляция есть использование самого человека (его свойств, характера, личности) для затеваемых с ним (блокировка, переориентация или расправа) нечестных «игр»[27]. Манипуляция в межличностном общении имеет место тогда, когда возникающий у манипулятора замысел внедряется с помощью специальных ухищрений в психику адресата и заставляет последнего действовать в соответствии с разработанной для него программой поведения, которую он изначально воспринимает как свою собственную. Таким образом, с одной стороны, в ходе манипуляции манипулятор осуществляет скрытое программирование мыслей и намерений адресата, а с другой — адресат не осознаёт оказываемого на него воздействия и не знает конечной цели манипулятора. К манипуляции прибегают тогда, когда прямое принуждение или обман невозможны или нежелательны. Манипуляция считается успешной в той мере, в которой манипулятору удаётся переложить ответственность за нужное ему событие на адресата. Однако ответственность не может быть просто передана — она должна быть принята в результате свободного выбора. Но как раз свободы манипулятор предоставлять и не хочет. Вместо этого он так организует воздействие, чтобы у адресата создалась иллюзия собственной свободы в принятии решения[28].

Весьма примечательно заканчивает Х. фон Зенгер свое обращение к русскому читателю — «Я хочу, чтобы эта книга помогла русским читателям быть «простыми, как голуби», но в то же время «мудрыми,

---

[26] *Барышков В. П.* Макиавеллизм и стратагемность как способы политической и повседневной деятельности // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, Вып. 1. — С. 116–120.

[27] См.: *Таранов П. С.* Интрига: способ выживания. — М.: Эксмо, 2005. — С. 474.

[28] См.: *Корнетов Г. Б.* Парадигма педагогики манипуляции // Школьные технологии. 2006. № 1. — С. 46.

как змии». Это слова из напутствия Иисуса апостолам, которые считаются также и заповедями разведки.

Чтобы осмыслить необходимость для себя стратагемного поведения, следует принять некоторые принципы жизни и деятельности. Во-первых, надо относится к себе как проекту, определенного рода продукту, который нуждается в собственной реализации, то есть в самопроизводстве и продвижении на рынке экономическом или рынке тщеславия. Вы являетесь проектом, что означает потенциал, наличие некоторой совокупности нереализованных возможностей (сил — духовной, душевной; костно-мускульной энергии; средств определенной деятельности), которые могут быть использованы целенаправленно в ваших интересах, а значит, с большей полнотой. Во-вторых, целенаправленность означает очевидное представление о следующем: а) о тех или иных элементах (приемы, способы, формы) общения. б) о целях, ради которых они используются в) о системе воздействия, в которой они применяются.

Принятие подобных принципов в корне меняет ситуацию — увеличивает значение технологических операций, необходимых в жизни, если есть желание концентрированно, экономно, а не расточительно использовать отпущенные вам возможности и ресурсы.

Концепция безопасной личности. Во главу угла ставит не столько рассмотрение средств защиты от внешних опасностей, сколько обращение к человеку как источнику угроз для самого себя, как к основной причине возникающих опасностей. Безопасность рассматривается здесь как минимизация количества создаваемых для самого себя опасностей. Особое значение в данном случае имеет профилактика в отношении производимых опасностей.

Безопасная личность — человек, строящий свою жизнь в единстве с обществом и природой, реализующий свой потенциал с помощью системы смысловой регуляции жизнедеятельности, обладающий готовностью к обеспечению безопасности и способный поддерживать свою безопасность за счет преобразования опасностей в фактор собственного развития [29].

В области исследования личной безопасности лежит и тема личной профессиональной безопасности. В руководстве «Опасность и личная профессиональная безопасность работника органа право-

[29] *Лызь Н. А.* Указ. соч. С. 71.

порядка» главным для уяснения сущности экстремальной ситуации считается понятие «опасность». Опасность — это стресс-фактор, отражающий осознание работником органа правопорядка того обстоятельства, что поведение правонарушителей, действие стихийных сил природы, авария или катастрофа могут причинить ему физический и психологический вред, привести к несчастному случаю, а возможно, к гибели. Осознание опасности обычно сопровождается сильными эмоциональными переживаниями, отрицательными психическими состояниями, преодолеть которые возможно лишь благодаря высокой профессиональной подготовленности и натренированности. Предполагаются также владение надежными и безопасными методами деятельности, сформированная личностная установка на выживание, психологические качества, позволяющие адекватно оценивать обстановку, принимать оперативные и правильные решения, не терять самообладания в минуты опасности.

Стратегии в условиях кризиса предполагают, по крайней мере, как уже говорилось, осознание кризисной ситуации. Идентифицировать угрозы национальной безопасности на личном уровне можно описательным методом. Отечественный философ В. Н. Порус предлагает одну из возможных стратегий — обжить катастрофу. Он формулирует несколько предпосылок для реализации такой адаптивной стратегии. Первое — катастрофа должна быть осознана. Второе, с катастрофой нельзя примириться. Третье, надо принять на себя ответственность за нее, отказаться от роли зевак или комментаторов [30].

Как катастрофа может быть осознана? Первая реакция — истеричной констатации и растерянности, открывшаяся перспектива оказаться «у края бездны». Вторая позиция — неприятие, невосприимчивость, отторжение собственно темы грозящего «ада»: уснуть, забыться. Третья позиция, позиция безотчетного и безудержного активизма. Четвертая: констатация тревожного положения дел, по принципу: «предупреждён, значит, вооружён». Здесь уместна ассоциация с позицией П. Чаадаева в 30-х годах позапрошлого века, которая привела к появлению русского самосознания и сыгравшая неоспоримо положительную роль в национальном культурном процессе. Очевидно, что В. Н. Порус благожелательно относится именно

[30] *Порус В. Н.* Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005, № 11. — С. 35.

к четвёртой позиции, поскольку она открывает перспективу развития с выходом из обстоятельств угрожающего краха.

Следующий вопрос: в чем состоит катастрофа? Российский народ и Россия как государство оказываются в ситуации непрерывной войны и военных угроз на протяжении многих столетий. Такое состояние можно назвать состоянием «абсолютного риска». Жизнь в подобных социальных и исторических условиях требует специфических форм организации социума и деятельности человека. В этом отношении заключение «общественного договора», образование государства по учению Т. Гоббса можно рассматривать как минимизацию риска. У Гоббса человек перестает зависеть от судьбы, он является единственной силой, которая участвует в конструировании окружающего мира. Это конструирование необходимо для того, чтобы сделать окружающую среду безопасной и предсказуемой. Опасности и неопределенность понимаются как имманентные окружающей среде, настоящие и будущие последствия которых нуждаются в устранении. Поэтому главный способ противодействия заключается в минимизации риска, как на индивидуальном уровне, так и на уровне социума[31].

Войну нельзя приветствовать, нельзя ей радоваться. С другой стороны, роль войны в жизни общества отмечалась с древнейших времен. Гераклит Эфесский, относя это к миру в целом, говорил: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно [= «за счет другого»][32].

В классическом китайском обществе, например, законы не служили защитой отдельной личности и никакой независимый суд не был способен помочь человеку в его праве. В древнем китайском обществе, где отсутствовала юриспруденция, служащая интересам личности, стратагемика (практическое знание уловок, необходимых для выживания в жизненной битве) должна была давать человеку жизненно необходимую опору[33]. Иная тема, хочется так жить, или нет. Но такова норма повседневности. В блогосфере, в средствах

---

[31] *Афанасьев И. А.* Философские основания теории социальных рисков. — Саратов: СарГСЭУ, 2006. — С. 13.

[32] Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989. — С. 201.

[33] Зенгер Х. Указ. соч. С. 46.

массовой информации уже вполне буднично обсуждаться тема бытового шантажа и манипулирования в семье.

После всего сказанного о состояниях и факторах кризиса в обществе, которые выводят на передний край тему национальной безопасности, а также непосредственным образом касаются безопасности его граждан на групповом и индивидуальном, персональном уровне, нельзя забывать об ограничениях такого подхода не только в методологическом, но и в мировоззренческом планах.

Стратагемность — только один из способов мыслить и конструировать социальную реальность. Мыслить стратегически, — значит, мыслить в парадигме «кто кого». Это парадигма противоборства, соперничества, конфликта, войны. Другой способ мыслить — мыслить политически, — то есть, добиваться исчезновения проблемы, что означает разрешать конфликт не на пути подавления соперника (как противника и «врага»), а путём разрешения противоречия, лежащего в основании проблемы. Проблема определяется как противоречие между потребностью и возможностью её удовлетворения, которое с необходимостью требует своего разрешения. В случае стратагемного подхода, акцент переносится на усилия по «исчезновению» противника, на которого возлагается ответственность за существование проблемы: нет оппонента, нет проблемы.

Технологический подход к социальному манипулированию получил нарицательное обозначение «макиавеллизм»[34]. Но применение такого подхода как в теории, так и на практике имеет ограничение. Макиавеллистские стратегии на уровне индивида могут быть успешны лишь до тех пор, пока на уровне общества в целом они отвергаются. Там, где все макиавеллисты, макиавеллистские практики невозможны.[35] Отсюда можно сделать вывод: овладение макиавеллистскими способами поведения большинством людей и включение их в культуру социума делают применение этих способов, в том числе в политике, бессмысленным.

---

[34] См.: *Руслина А. О.* Макиавеллизм и стратагемность в западной и восточной культурах // Человек. 2007. № 6. — С. 45.

[35] См.: *Руслина А. О.* Указ. соч. С. 49.

1.1.3. Парадигма мира в теории национальной безопасности

Помимо войны, существует мир, фундированный на принципах морали, взаимопомощи, солидарности и сострадания. Наряду с общегражданским вызовом безопасности не может исчезнуть запрос на свободу, вольность, гармонию и покой. Эти основополагающие ценности совместного существования людей открывают горизонты наполнения человеческой жизни её подлинным содержанием: счастьем, радостью и благоразумием. Существуют консенсусные, конвенциональные и коммуникативные стратегии и технологии социального общежития. Такой взгляд на состояние социальности может быть определён понятием «экоперсонализм»[36].

Экоперсонализм — концепция, согласно которой основу собственной жизнедеятельности индивидов составляет возделывание ими совместной среды обитания (социальной экосреды). Центральным здесь выступает соотнесение места и среды. В концепции экоперсонализма «место» есть «обиталище, или дом, персональности»[37], а совместная среда обитания есть совмещение персональных сред в социальную среду (в экосреду). Ром Харре говорит о среде, открывающейся с той позиции, которую я занимаю в матрице социальных и исторических традиций. Он подчеркивает, что «*Любое место во всеобщей матрице социальной жизни является ядром какой-либо среды*»[38].

Обратим внимание на различие концептов «среда обитания», «окружающая среда», «окружающий мир». Понятие окружающего мира было введено Я. Икскюлем и широко использовалось Дж. Гибсоном. Как полагает Р. Харре, человек живёт не в объективном физическом мире, а в мире, созданном его взаимодействием с этим объектив-

---

[36] *Барышков В. П.* Обоснование экоперсонализма // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы. Сбор. научных трудов Всероссийской конференции VII-й Аскинские чтения. Саратов: КУБиК, 2017. — С. 183–188.

[37] Прим.: Экос и Ойкос. (Производные выражения — «экономика» — законы ведения домашнего хозяйства; «Ойкумена», экумена — освоенная, обжитая часть мира.) И тот и другой термин образованы от одного греческого корня οἶκος — обиталище, жилище, дом, имущество.

[38] *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и в науках о человеке. — М.: Канон+, 2009. — С. 66.

ным миром, — в окружающем мире. Этот окружающий мир состоит из возможностей, которые человек открывает своей активностью. Окружающий человека мир включает в себя других людей, социальные группы и институты. Рассматривая их по аналогии с объектами внешнего мира, Р.Харре также видит не отдельных людей или социальные группы, а наборы возможностей, которые предоставляет некоторому индивиду другой человек или социальная группа. «*Концепцию профессора Харре можно охарактеризовать как конструктивизм: мы конструируем мир, в котором живём*», — замечает А.Л.Никифоров [39]. С позиции Р.Харре, истинная мысль говорит нам не о мире, а о результатах нашей деятельности в мире: с изменением целей и средств деятельности будут меняться и её результаты, т.е. истины. В данной концепции знание — это мнение не о мире, а о результатах взаимодействия с ним. Знание соотносится с действием.

Конструктивистски-реалистическое понимание основано на реляционности в её соотнесении с эссенциализмом и находит применение в истолковании ценностей как содержании личностного бытия человека. Обычно под ценностным отношением с миром понимается отношение на основе некоторых ценностей. В аксиологическом дискурсе следует различать термины «значение» и «значимость». Значение — это функция, роль, например, в выражении: некое явление «имеет большое значение», или в популярном сегодня выражении: некоторое событие «значимо» (в ряду других). Последнее выражение имеет формальный характер как высказывание о неопределенной значимости в иерархии, на выявление которой говорящий не претендует. Такое высказывание не обязывает к смыслу и подчёркивает функциональное значение предмета.

Значимость же есть оценка — не просто характеристика функциональной роли предмета, явления, деятельности, но, прежде всего, выражение смысла, содержащегося в том или ином положении дел, в том или ином порядке этих дел, в определенном положении вещей. Некоторый предмет может иметь большую значимость для меня — «это для меня многое значит», — не имея существенного значения (места, роли) в более общих структурах порядка. Допустим, артефекат, обнаруженный археологами, имеет значение для воссоздания фрагмента

[39] *Никифоров А.Л.* Онтологический конструктивизм и эпистемологический агностицизм// Эпистемология и философия науки. 2014, № 4. — С. 38.

исторической реальности, или для «черных копателей», как добыча на продажу; но может иметь и значимость творческого открытия, исследовательского достижения для кого-то из этих археологов.

В повседневной, обыденной деятельности человек решает текущие задачи под влиянием некоторого внешнего порядка, определенных установлений, или институций. Однако ответить на вопрос, что он делает, осуществляя те или иные действия и совершая конкретные поступки, человек может лишь с рефлексивных позиций. Не всегда люди в состоянии подняться над ситуацией и перейти на позиции рефлексивности смысла, значимости. Как правило, они не размышляют над смыслом выполняемых операций, если уже установлено целеуказание и намечены средства достижения цели.

Исходно ценностное действие есть действие органическое, «естественное», непроизвольное. Оно в значительной степени находится в сфере чувственной интуиции (чувство ценности), и в этом отношении вне рациональной плоскости. Значимость находится под покровом значения. Предметный мир, с которым человека роднит их общая вещная природа, как представляется, лежит в сфере значений. Значимость присутствует здесь имплицитно, как внутренний регулятив органических действий.

Ценности можно выразить в идеях, обосновать их логически, но сами они не суть идеи, а то, что можно характеризовать как некий путь жизни, образ жизни или как определенный способ бытия человека в мире, способ отношения с миром. Ценности составляют всеобщее, как смысл пространства души индивида, придающее ему целостность. Такой трактовке ценности отвечает следующее определение. Ценность — невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности, которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие»[40].

Мы будем понимать под ценностью структуры сознания, которые обусловливают идеальные установки — предпочтение или отказ, выступающие предписаниями человеческого действия на основе очевидной для человека причастности миру в форме предварительного его доопределения. Действие на такой основе выступает ценностным действием.

---

[40] Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2001. В 4-х. т. Т. 4. — С. 321.

Экоперсонализм — концепция персональности индивидов и совместной среды их обитания на основе соотнесенной значимости[41]. Концепт «экоперсонализм» лежит в дисциплинарном пространстве персоналистической аксиологии. Учитывая данный подход, следует сравнить выражения: «дом персональности» и «персональный дом Иванова». Последний соответствуют Иванову как персонифицированному статусу. Исчезнет статус у Иванова, исчезнет и персональный дом. В случае «дома персональности» речь идет об обиталище персональности как места, где находится неповторимость, уникальность сокровенных смыслов человека. Таким же образом соотносится *бытие личности* Иванова (персональное место в некоторой социальной структуре) и *личностное бытие* Иванова как смысловая ткань его существования в различных социальных формах.

Как правило, в литературе не проводится различие между терминами «бытие личности» и «личностное бытие». Думается, что это следствие такого характера социальных наук, когда люди *«не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях»*[42]. При специальном определении феномена личностного бытия реализуется персоналистический подход в онтологии. Личностное бытие есть особый модус бытия личности, а именно: участное (М.К.Мамардашвили) бытие, причастное бытию в целом. В личностном бытии воплощается цельность личности как особого и обособленного образования, укорененного в реальном мире. Человек в модусе личностного бытия рядоположен бытию мира, с ним соотносится как равноценная и самодостаточная величина. Личностное бытие есть живое, не механическое, не функциональное состояние человеческого существования. Оно имеет характерное право в качестве активного и дееспособного органического фрагмента реальности — составляет и наполняет эту реальность. В личностном бытии реализуется потенция мира как предпосылка возможностей, возникающих в деятельности человека.

В социально-философском контексте различаются и отчасти противопоставляются институциональный (функциональный) человек

---

[41] Прим.: тут надо учитывать идеи П.Бурдьё (хабитус) и Т.Рошака (экологический персонализм).

[42] *Кемеров В. Е.* Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011, № 1. — С. 15

и человек ценностный (бытие человека в пространстве уникального смысла). Концепт «институциональный человек» раскрывает социальную функциональность бытия личности. Он лежит в русле решения проблемы «личность-общество», традиционной для русского дискурса персональности. В большей степени касается социальных уровней бытия человека, его социальных качеств. Это тема формирования социальных свойств человека и человеческих свойств социальной системы. Такому ракурсу проблемы отвечает выражение: «определить роль личностного начала в процессе формирования институтов и институализации».

Рассмотрение соотношения человека ценностного (личностного бытия) и человека институционального может осуществляться при допущении, что рефлексируется их разноплановость как уровней бытия человека — уровень собственно человеческого бытия (бытие персональности) и уровень социального бытия человека. Проблемой в таком случае становятся основания их сопряжения в едином дискурсе. На первый план выходит конфликт институционального и ценностного оснований личностного бытия, поскольку есть якобы институциональные основания личностного бытия. Тем самым, институциональность переносится внутрь пространства личностного бытия.

Личностное бытие может существовать лишь как цельность, целостность, (вероятно, через конфликтность) сокровенных смыслов. Институциональность, помещенная в это пространство, должна восприниматься как сокровенность, что вряд ли происходит в силу функционально-ролевой природы институциональности. В этой связи представляется сомнительным существование «институциональной структуры личностного бытия». «Институциональный человек» есть форма бытия личности. Бытие личности выступает в свою очередь внешним планом личностного бытия. Без ядерного образования на уровне личностного бытия не может осуществиться бытие личности в любой реальной и подлинной форме.

Выражение «участное отношение» акцентирует ориентацию деятельности людей не на внешние для них цели, а на самих людей, на качество их деятельности. С этой позиции правомерно выражение «нация — в каждом». Не единицы и «винтики» составляют нацию. Как таковые они ничтожны. Ничтожна, в итоге, и нация. Нация есть не механизм, а среда осуществления каждого индивида, кумуляция творческой энергии, прежде всего, в источниках этой энергии. На-

ция — это родники жизни, бьющие в каждом её «участнике». Лишь участное отношение человека способно изменить его жизнь. Идея человекоразмерности социальных систем становится не просто данью гуманистическому подходу, но необходимым основанием для достоверного социально-гуманитарного анализа организации общества в её фундирующих основаниях. Культивируется отношение к бытию любого как к уникальному самоценному индивидному бытию.

А. Смирнов, отводя упрёк в понимании им нации как «суммы индивидов», приводит слова Энтони Смита; «*националист не требует, чтобы индивидуальные члены (нации) действительно были похожими (друг на друга), а только того, чтобы они ощущали прочные узы солидарности и, следовательно, действовали единообразно во всех вопросах национальной важности*»[43].

В публицистике тема персональности достаточно активно обсуждается. Писатель В. Ерофеев видит ситуацию так: «*мы должны в какой-то степени…уважать все ценности, даже если они чудовищны. Потому что мы сами взрастили эти ценности. Это наш продукт — такие ценности. Это же часть русского мира. Мы ответственны за него…Я имею в виду ценности, но не людей, которые через эти ценности убивают других людей*»[44]. Таким образом, он отделяет ценности от конкретных людей — носителей этих ценностей. Представляется, такое разделение не вполне обосновано. Признавать ценности означает признать и их носителей. Признавать, не значит принимать. Признать факт существования определенных ценностей и людей, эти ценности провозглашающих, и признать ответственность и за то, и за другое — есть зрелая национальная позиция. Что касается преступных деяний, то за них человек должен нести ответственность в соответствии с законом.

Термин персонализм указывает на гуманизм как компонент в концепте «экоперсонализм». От заботы о себе следует продвигаться к заботе о среде. Провозглашенные в настоящее время ценности носят, очевидно, не лицемерный, не абстрактный, но, в прямом смысле слова, конструкционный характер. Конструкционные ценности отличаются от конструктивистских ценностей. Создание конструк-

---

[43] *Смирнов А.* О «сумме индивидов», «лингвистическом идеализме» и «носителе суверенитета»: Ответ. Б.Г. Капустину // Логос. № 1 (58), 2007. — С. 211.

[44] *Ерофеев В.* Интервью «Эхо Москвы» 17 октября 2016 г. // Режим доступа: http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1856854-echo.

ций в последнем случае осуществляется в соответствии с заранее существующими схемами (И.Кант). Конструкционные ценности выступают как конструкции самих этих схем. Сегодня достаточно фактических свидетельств (количество которых растет день ото дня), чтобы констатировать: структуры и институты выхолостились, выбились из сил. Они не способны к регенерации без очеловечивания их экзистенциально-антропологическим смыслом. Ситуация пониженного жизненного тонуса может быть преодолена посредством социального эгоизма: думая об устроении соседа, думаешь о себе. «Работавшие» в период неопределенности и расточительности, в мобилизационный период выживания и «собирания уделов», конструкционные ценности не в состоянии выполнять сегодняшние и, тем более, завтрашние задачи. На место конструкционных ценностей и соответствующих управленческих действий должны быть установлены — и приняты — ценности экзистенциальные. Этим не просто будут начертаны линии горизонта. На основе экзистенциальных ценностей — ценностей существования — человеку откроется воплощение реальных перспектив. Человек живёт не для того, чтобы умирать**.** «Бросовое» отношение к своей и чужой жизни нравственно утомляет, психологически выматывает, потому что лишает будущего детей, а вместе с ним, отнимает будущее, настоящее и прошедшее у старших поколений. Отнимает смысл жизни.

Новой стратегией выступают эко-программы сбережения и развития человека, которые поддерживают технологическую оснащенность жизнедеятельности каждого в социальной среде. На основе принципа «дать удочку, а не накормить рыбой» осуществляется действенно-позитивное освоение людьми совместной среды обитания как собственной. В.Е.Кемеров справедливо полагает, что «*Проблема гуманизации обезличенных структур общества обостряется, прежде всего, в области практической. Решающими являются не идеологические или теоретические мотивы, но поиск ресурсов, обеспечивающих развитым обществам возможность сохранить…динамику*»[45].

Предлагаемый концепт «экоперсонализм» выражает методологическую установку на синтез персонализма и ценностного подхода в социальном анализе практических проблем цивилизационной динамики, прежде всего, российского общества.

---

[45] *Кемеров В.Е.* Указ. соч. С. 15

1.2. КОНЦЕПТ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Как было отмечено выше, широкое распространение в мире сегодня получили противоборства с применением информационных технологий. Информационная война, как и война психологическая, носит в определенной степени скрытый характер, в ней оказываются «спутанными» реальный отправитель сообщения и реальный «получатель» его. Важной особенностью информационной борьбы является то, что как сам факт её, так и последствия ее ведения не всегда являются очевидными для того, против кого она ведется. Область науки, в которой изучают этот фактор условно можно обозначить как «военно-коммуникативная». Это прикладной аспект коммуникативных исследований. В целом данную область можно определить как область порождения и обработки информации с боевыми целями. В скрытом противоборстве особое значение имеет применение хитрости и всевозможных уловок. Например, резкое изменение целей, картины мира получателя информации должно рассматриваться как определенное информационное вторжение, представляющее опасность для получателя.

В Стратегии РФ защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти — один из приоритетов безопасности.

1.2.1. Современные школы критического исследования безопасности

Всё вышесказанное укладывается в так называемую реалистскую (реалистическую) концепцию безопасности, которая фокусируется на физической или ментальной природе реально существующей угрозы. Главное здесь — существование угрозы в реальности, возникшей из реальных отношений и противоречий реально существующих объектов или сторон действительности, то есть, из отношения вещей. Сегодня реалистическая концепция дополняются рядом новых подходов, появление которых было связано с конструктивизмом и постмодернистскими теориями. Конструктивизм представляет мир не как данный, сам по себе, а как сконструированный людьми. Новые подходы зачастую объединяют под общим наименованием «критического направления» в изучении безопасности, в первую оче-

редь, международной. Они не просто дополнили, а составили альтернативу традиционному, реалистическому пониманию концепта «безопасность».

Авторы, работающие в русле «критического направления», поставили под сомнение многие идеи, на которых базировались традиционные концепции. Ими было существенно расширено само понятие безопасности, а в сферу изучения включены не только сами угрозы безопасности и способы реагирования на них, но и процесс конструирования этих угроз в массовом сознании.

В традиционных концепциях речь первоначально шла об изучении «угроз, их применения и управления военной силой». В качестве центрального актора полагалось государство, вокруг которого структурируется процесс обеспечения безопасности. Но является ли государство единственным объектом безопасности, то есть тем объектом, на защиту которого должны быть направлены первостепенные усилия? Поставив вопрос о референтных объектах безопасности, исследователи должны были изучать и проблему «политики безопасности». Под этим термином понимались, как замечает В. Ю. Апрыщенко, не мероприятия в области обеспечения безопасности, а то, как мы знаем о безопасности. Безопасность была понята как сконструированное явление. Речь шла не о механизме обеспечения безопасности разными общественными институтами, а о конструировании смыслов безопасности в процессе социального и интеллектуального производства, что означало перевод проблемы в поле эпистемологии и онтологии [46].

Перемещение акцентов в вопросах безопасности из сферы реальной практики в область лингвистической онтологии (понятия референтности) и эпистемологии (теории познания) сформировало примечательный угол зрения: проблемы безопасности стали пониматься, в первую очередь, как вопросы знания не о проблемах безопасности, а о знании безопасности в смысле К. Кастанеды: «ты хочешь знать о пейоте?» — спрашивает Кастанеду Дон Хуан. Онтологическое звучание приобретает знание о знании. Имеется в виду знание сокровенное, знание «изнутри», с которым ты *буквально* срастаешься. Посредством знания ты попадаешь в другую реальность, где

[46] *Апрыщенко В. Ю.* Память как безопасность // Новое прошлое. № 3, 2016. — С. 86–108.

становишься самой реальностью, о которой это знание. Знание замещает реальность. Иными словами, в очередной раз подчёркивается значение знания, которое становится предметной реальностью, с той особенностью, что природа этого предмета особая — духовная. Онтологический и эпистемологический планы становятся одним. Такое знание сродни знанию магическому. К знанию, которое само становится реальностью относимы разнообразные практики, более того, можно говорить о «практиковании знания» определенным образом, в том числе с манипулятивными целями.

В плане практическом областью обсуждения становится дискуссия о смыслах, как сражение на магических мечах. Недаром в данном дискурсе возникает образ «воителей». Здесь, как представляется, мы попадаем в область постмодернизма и современных фантазийных практик. Они, правда, получают вполне легальное звучание в сфере международной политики и информационно-идеологической коммуникации на государственном уровне. Информационное содержание перемещается из сферы международной в область внутренней идеологической политики и обретает формы государственных программ образования и воспитания. Независимо от такой замысловатой траектории речь идёт о важнейших реперных точках и триггерах, которые стягивают в узлы рассеянную энергию духовной динамики.

В русле такого (лингвистического) поворота проводились исследования в Копенгагенской и Валлийской (Уэльская) школах критического исследования безопасности, а также в Парижской школе культурной безопасности.

Копенгагенская школа безопасности (теория секьюритизации). Наиболее известное достижение Копенгагенской школы — теория секьюритизации (апеллирование к угрозам). Эта теория раскрывает механизм целенаправленного конструирования образа угрозы. Традиционные подходы задают вопрос о том, «как нам стать более защищенными», а теория секьюритизации обращается к тому, «как проблема становится проблемой безопасности»[47].

В теории секьюритизации, в отличие от традиционных подходов, оценка реальности той или иной угрозы зависит не столько от объек-

[47] *Якушина О.* Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 1. 2012 // Режим доступа: https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1.

тивных факторов, сколько от политического выбора, результата действий политических акторов и аудитории. Согласно теории секьюритизации, чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно сделать широко обсуждаемой, а затем «секьюритизировать» — т. е. объявить «экзистенциальной угрозой» выживанию государства, нации, общества. Чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом — быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности. Кроме того, общество легче убедить в необходимости чрезвычайных мер, когда проблема ассоциируется с прошлыми бедами (например, в случае давней вражды с соседним государством)[48].

В структуре процесса секьюритизации современные исследователи[49] выделяют следующие составляющие, каждая из которых обладает определенными характеристиками: 1) агент (субъект) секьюритизации; 2) референтный объект (некто или нечто, чему угрожают); 3) референтный субъект (нечто, представляющее угрозу); 4) речевой акт; 5) аудитория; 6) контекст; 7) функциональные акторы (субъекты, обладающие властными полномочиями в сфере обеспечения безопасности).

Ключевая роль в процессе отводилась действиям секьюритизирующих акторов (1), придающих проблеме статус угрозы безопасности референтного объекта (2) (будь то международная система, национальное государство, этническая группа или отдельная личность) посредством «акта секьюритизации» — убеждения релевантной аудитории (3) в такой необходимости, в том числе с помощью функциональных акторов (4), которые, не будучи инициаторами процесса секьюритизации, оказывают существенное влияние на его динамику. Секьюритизация признаётся состоявшейся только в случае восприятия аудиторией дискурса секьюритизирующего актора.

«Референтный объект — тот объект, по отношению к которому считается, что существует экзистенциальная угроза; «то, что по-

[48] *Володькин А. А.* Значение теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уивера для изучения внешней политики государств Балтии в постсоветский период // Беларусь в меняющемся мире: история и современность. — Минск: БГУ, 2019. — С. 84.

[49] *Гайдаев О. С.* Эволюция и современный этап развития теории секьюритизации в контексте глобального информационно-психологического противоборства. YOUTH WORLD POLITIC, 2019, № 1, С. 57–67.

стулируется как имеющее потребность в необходимом выживании и находящееся в настоящее время под угрозой»[50]. Проблемы безопасности рассматриваются с той точки зрения, что должна быть угроза для чего-то, и такие условия приводят к необходимости использования экстренных мер. Другими словами, это попытка взять объект из области нормальной политики и придать ему статус чрезвычайного приоритета, сказав, что «мы должны сделать что-то с этим, и мы должны сделать это сейчас и быстро, потому что в ином случае, то, что нам дорого, исчезнет или будет серьезно повреждено». Тем самым секьюритизация выводит нас за рамки нормальной политики»[51].

Секьюритизация как дискурсивное конструирование угроз безопасности. Ключевые пункты в ранней теории секьюритизации: безопасность как речевой акт, национальная безопасность как главный объект анализа, идея о негативном значении безопасности.

Расширительная трактовка безопасности. К концептуальным основам Копенгагенской школы относится ряд исследовательских принципов: прежде всего, расширительная трактовка безопасности (включающая невоенные угрозы), когда безопасность понимается как субъект больший, чем нечто, связанное с военными угрозами, а также идея о множестве референтных объектов безопасности и их взаимозависимость.

В 1983 г., увидела свет работа британского исследователя-международника Барри Бузана, составившая эпоху для целого поколения авторов в области теории международной безопасности — «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях». Б.Бузан убедительно показал ограничения в теоретических конструктах политических реалистов о преобладании силы, а также подверг критике школу исследований мира, поскольку в обоих случаях в фокусе исследования оставались главным образом проблемы войны и мира, а безопасность выступала лишь производной от силы или следствием установления мира.

Б.Бузан приходит к идее, ставшей впоследствии стержневой для исследований Копенгагенской школы: безопасность имеет множество референтных объектов, а безопасность одного не может быть

[50] *Григорьева К.С.* Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021. № 24 (3). — С. 62.

[51] *Якушина О.* Указ. соч.

адекватно оценена без привязки к безопасности другого. Б. Бузан выделил три уровня анализа безопасности: 1) уровень индивида (безопасность индивидов); 2) уровень государства (национальная безопасность); 3) уровень системы (международная безопасность). В центре внимания находилась именно национальная безопасность. Б. Бузан предложил классифицировать угрозы ей по пяти секторам: военный, политический, экономический, инвайронментальный (экологический), социетальный (социальный). Анализ секторов находился в фокусе его внимания.

В случае социальной безопасности внимание фокусируется на идентифицируемых объектах страха (например, мигрантах), которые могут угрожать жизнеспособности ранее сформировавшейся идентичности. Как подчёркивают эксперты по вопросам миграции, организующей концепцией социальной безопасности в теории секьюритизации является идентичность. «Угрозы идентичности, — подчеркивают Б. Бузан с соавторами, — всегда представляют собой конструирование чего-то как угрожающего неким «мы»[52].

Впоследствии другой из основателей Копегагенской школы, датчанин Оле Вейвер, писал, что книга Б. Бузана оказала на него влияние в части, касавшейся идеи поиска правильного «баланса» между индивидуальной, глобальной и национальной безопасностью. Он утверждал, что концепт безопасности определяется на уровне государства. Вопросы безопасности должны пониматься сквозь призму «национальной безопасности».

Другой вехой в идейном оформлении критических исследований безопасности стал выход в 1998 г совместной книги Барри Бузана, Оле Вевера и Яапа де Вилде «Безопасность: новая система анализа». Авторы следующим образом определяют понятие безопасности — «это когда проблема обозначается как представляющая собой экзистенциальную угрозу указанному референтному объекту», и добавляют, что «произнося слово «безопасность», представитель государства объявляет чрезвычайное положение, таким образом заявляя право на использование любых средств с целью устранения угрозы»[53].

---

[52] *Григорьева К. С.* Указ. соч. С. 64.

[53] *Декальчук А. А.* Проникновение философских концепций в теорию международных отношений (Случай теории речевых актов Джона Остина и теории секьюритизации Оле Вевера) // Философские науки. № 8. 2013. — С. 39–50.

О. Вейвер в своих работах призывал вместо того, чтобы рассматривать все новые и новые проблемы как источники потенциальных угроз, рассматривать угрозы как важные, но не экзистенциальные вопросы, обсуждать и решать их посредством стандартного политического диалога и политических процедур. То есть, он понимал, как угрозы «делаются» и предостерегал от их произвольного умножения. О. Вейвер полагал, что вместо децизионистской политики (когда моральные или правовые предписания являются результатом решений, принимаемых политическими акторами), следует искать возможность для политического диалога. Децизионистская политика закрывает возможность публичного обсуждения вопросов безопасности и переносит их в сферу оперативного реагирования и чрезвычайных действий.

«Акт секьюритизации» выступает как дискурсивная практика. Именно О. Вейвер оформил теорию секьюритизации в виде готового научного продукта. Он, также как Б. Бузан, обращается к теории речевого акта лингвиста Дж. Л. Остина. Надо заметить, что у исследователей, изучающих идейное содержание и интеллектуальную судьбу Копенгагенской школы, есть определенные расхождения в трактовке ряда вопросов, и в частности, о соотношении типов речевых актов при формировании концепта секьюритизации.

Дж. Л. Остин выделяет три типа речевых актов:

1. Локутивный акт (locution — оборот речи, изречение) представляет собой факт произнесения высказывания. Этим актом определенному высказыванию придается значение.
2. Иллокутивный акт (il-внутри), иллокуция, компонент смысла высказывания (обеспечивающий указание на значение высказывания), отражающий коммуникативную цель говорящего. Акт устанавливает значение высказывания вместе с перформативной силой (высказывание как действие) и является конвенциональным. Пример: «Он призвал (или посоветовал, потребовал)».
3. Перлокутивный акт (per — посредством) служит намеренному воздействию на адресата и достижению какого-то результата. Данный акт не является конвенциональным. Пример: «Он убедил меня». Перлокутивный акт — это часть речевого акта говорящего, а не ответное, посткоммуникативное, действие адресата. Перлокуция состоит в воздействии на информационное состояние адресата, на его настроение, планы, желания и волю.

Рассуждая о безопасности, О.Вейвер характеризует ее как речевой акт, уточняя, что он имеет в виду лишь один из видов этих актов — иллокуцию. Иллокуция — действие, обладающее определенной конвенциональной силой. В случае с безопасностью — это частично информирование об угрозе, предостережение, а также своего рода предложение, обещание использовать все возможные средства для борьбы с угрозой. Конвенциональная сила для О.Вейвера — своего рода энергия, трансформирующая социальную ситуацию между участниками, которая, в свою очередь, предшествует наступлению реальных эффектов и последствий. В отношении безопасности иллокуция предполагает не просто высказывание, а трансформацию социальных отношений как перенос некоего вопроса в специфическое дискурсивное поле безопасности, где участники начинают действовать определенным образом.

Речевой акт интересен не потому, что отсылает нас к чему-то реально существующему — само по себе высказывание есть реальное действие: говоря что-то — что-то считается сделанным (как заключать пари, давать обещание, нарекать корабль) и т.д. Говоря «безопасность», политик переносит ситуацию в особое поле, стремясь получить право действовать для нейтрализации нежелательной динамики. Безопасность, по О.Вейверу, — это не отсутствие угроз, это право на чрезвычайные и решительные действия при постоянном, «фоновом» присутствии угрозы. В свою очередь, небезопасность — это та же самая ситуация, только без адекватных мер по нейтрализации опасности.

Одно из ключевых положений теории секьюритизации: безопасность — это нечто большее, чем абстрактное благо или некая метафизическая сущность. О.Вейвер отказался от абстрактного понятия защиты неопределенного круга референтов от объективно присутствующих угроз. Вместо этого он попытался сформулировать безопасность как речевой акт, в которой элиты, представляя определенные события в качестве угрозы безопасности, легитимизируют право на чрезвычайные и решительные меры.

Если безопасность и небезопасность не формируют бинарной оппозиции, тогда безопасность теряет смысл как некое абсолютное благо. «Мы (к счастью) никогда не будем ходить вокруг и говорить „чудесно, как же нам сейчас безопасно“», замечал О.Вейвер. В определенных условиях безопасность, напротив, можно рассматривать

как негативное явление. «Меньше безопасности — больше политики», — формулирует О.Вейвер главный вывод его исследования в отношении европейской безопасности. Соответственно, больше политики — лучше. Здесь мы обращаем внимание читателя на уже упоминавшуюся выше проблему соотношения стратагематики и политики, когда политика, политический подход, политическое мышление означают усилия по разрешению, «изживанию», «исчезновению» проблемы, а не борьбу против носителей, выразителей проблемы.

Для преодоления сложившегося в Европе статус-кво и выхода из порочного круга взаимоотношений холодной войны О.Вейвер видит в единственно правильном выходе — в «десекьюритизации». То есть надо видеть некоторые «угрозы» как «вызовы», проблемы безопасности — как проблемы политики; открывать больше внутреннего пространства для политической борьбы — даже если правила этой борьбы не кажутся «честными» по абсолютным меркам. О.Вейвер делает оговорку, что безопасность — это больше, чем просто слово. Подразумевается, что за словами должны стоять реальные средства противодействия угрозам: если вражеские войска переходят границу, в распоряжении должны быть собственные военные силы. По О.Вейверу, языковая игра безопасности — прерогатива правящих элит [54].

Как итог обсуждения вопроса приведём аутентичный фрагмент из книги «Безопасность: новая система анализа», на основании которого и осуществляются комментарии к ставшему чрезвычайно популярным в различных областях знания (вплоть до финансовой аналитики) понятию секьюритизации: «В дискурсе безопасности проблема драматизируется и представляется как вопрос наивысшего приоритета; следовательно, применяя к ней ярлык «безопасность», агент заявляет необходимость и право разрешать ее при помощи экстраординарных средств. Задача аналитика, пытающегося постичь это действие, состоит не в оценке объективных угроз, «реально» подвергающих опасности объект, требующий защиты, а в том, чтобы понять процессы конструирования разделяемого всеми понимания того, что будет рассматриваться как угроза и на что нужно будет ре-

[54] *Гайдаев О.С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. — С. 20–32.

агировать как на угрозу. Процесс секьюритизации — это то, что в теории языка называется речевым актом. Он интересен не как признак, отсылающий к чему-то более реальному; произнесение слов само по себе является актом. При произнесении слов что-то делается (например, держат пари, дают обещание, называют корабль и т.д.)»[55].

Парижская научная школа. «Культурная безопасность». Долгое время понятие «безопасность», как уже было подчёркнуто, ассоциировалось, в основном, с военной угрозой и изучалось, преимущественно, с точки зрения политики. Сторонники нового направления в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы и даже биосферу. Культурная безопасность понимается как деятельность широкого круга акторов, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выражать свою идентичность, идет навстречу их культурным нуждам. Интересен факт, что «культурно небезопасным» является любое действие, которое подрывает культурную самобытность и благополучие отдельного индивида.

По мнению сторонников этого подхода, сведение секьюритизации к нарративам агентов заставляет исследователей пренебрегать анализом условий, делающих возможной перформативность этих нарративов, а также изучением повседневных практик других акторов[56]. Под перформативами, — понимаются высказывания, которые не описывают какие-то события, а в отличие от констативных высказываний уже сами являются действиями. Произнести перформативное высказывание означает совершить тем самым соответствующие действия, например, приказать, пообещать, присвоить имя.

Парижская школа, сформировавшаяся вокруг Дидье Биго, изучает проблему того, как представления о безопасности повлияли на повседневную жизнь и как идея безопасности воплотилась в каждодневных практиках. Д. Биго считал, что окончание холодной войны привело не к новому мировому порядку, а к возникновению эры беспорядка — распространению международного терроризма. По его мнению, война с терроризмом породила атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись

[55] *Декальчук А. А.* Указ. соч. С. 41.

[56] *Григорьева К. С.* Указ. соч. С. 64.

временными и исключительными, стали применяться постоянно. Поскольку чрезвычайные меры сделались обычными, такая жизнь стала уделом не только лишенцев, но и в значительной степени обычных граждан. Каждый гражданин превращается в подозреваемого, а под безопасностью понимаются уже не законность и права человека, а надзор и контроль. Поэтому представители Парижской школы предпочитают использовать термины «(не) безопасность» и «(ин) секьюритизация», подчеркивая идею о том, что «любая попытка получить максимальную безопасность всегда провоцирует максимальную незащищенность».[57]

Постструктуралистские по своей методологии, исследования представителей Парижской школы испытали на себе воздействие идей Ж. Деррида и М. Фуко. Тезис о роли языка в процессе конструирования идеи опасности (секьюритизации) они принимают, но им не ограничиваются. Другой опорной идеей является «генеалогическая» история М. Фуко, которая представляет собой разновидность рефлексии по поводу возникновения современности и ее природы. Анализ повседневности власти, проведенный М. Фуко, демонстрирует, что властные отношения располагаются в повседневности и соприкасаются с человеческой жизнью через социальные практики в большей степени, чем через убеждения. Смысл угроз может быть конструируем посредством представления об историческом развитии[58].

Д. Биго определяет культурную безопасность как «способность социума поддерживать его уникальный характер в меняющихся условиях или присутствии потенциальных миграций. Более всего это относится к устойчивости необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в общем». В частности, культурная небезопасность может проявляться как в массовом импорте чужой материальной культуры, так и в интеграции общества или массовом потоке беженцев[59].

---

[57] Там же.

[58] *Апрыщенко В. Ю.* Указ. соч.

[59] *Ваккасова М. В.* Проблемы культурной безопасности в исследованиях Парижской школы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Т. 1 (67). 2015. № 1. — С. 14–20.

В связи с теоретическим пониманием культурной безопасности уместно привести комментарий современного германского историка Штефана Бергера на афоризм «Культура — это чаще всего не то, что у людей есть общего, а то, за что они готовы бороться»: «Конечно, люди активно борются за «правильную» интерпретацию национальной истории. Если в XIX веке историки делали национальные государства «естественными» и «сущностными», то в XXI веке они должны поставить акцент на де-натурализации и де-эссенционализации нации. Если мы можем внести вклад в создание исторического сознания, которое осознает свою сконструированность, история поможет дать более просвещенный ответ на длящуюся националистическую демагогию [60].

Теория секьюритизации закономерным образом находит своё место в парадигме информационных войн. Одна из определяющих установок для понимания секьюритизации состоит в том, что на её основе открывается возможность эффективной информационно-психологической работы, по активному конструированию социальной реальности, а не в адаптации к ней. О.С.Гайдаев замечает, что концептуальный аппарат теории секьюритизации укладывается в общую парадигму информационных войн, позволяя глубже исследовать и детальнее прорабатывать стратегию информационно-психологического воздействия на практике [61]. Её функционал как военного ресурса связан с моделированием контекста, подразумевая конструирование аудитории и самих агентов секьюритизации. Первым этапом информационно-психологической работы рассматривается сбор и анализ информации о целевой стране или регионе: населении, культуре, истории, социальных и экономических особенностях и т.п. На основании полученных сведений специалист разрабатывает соответствующую методику информационного воздействия. В контексте теории секьюритизации каждый элемент и их связь в структуре процесса секьюритизации подлежит изменению.

---

[60] *Бергер Ш.* Национальные историографии в транснациональной перспективе: Европа в XIX и XX вв. Архив Гефтера. 2012 // Режим доступа: http://gefter.ru/archive/6412.

[61] *Гайдаев О.С.* Эволюция и современный этап развития теории секьюритизации в контексте глобального информационно-психологического противоборства // YOUTH WORLD POLITIC, 2019. № 1. — С. 57–67.

1.2.2. Мнемоническая безопасность

Самым распространенным средством моделирования контекста являются «политические мифы» и «политика памяти». Последняя заключается в специфической интерпретации исторических событий, выгодной манипулятору. Здесь история служит также действенным средством конструирования коллективных идентичностей, т.е. моделирования аудитории. При секьюритизация исторической памяти она выступает как референтный объект, то есть то, что нуждается в защите.

Как подчёркивает А.И.Миллер, одной из тенденций последних лет стало то, что «культурная память подверглась секьюритизации, то есть была концептуализирована как напрямую связанная с вопросами безопасности — государств, наций, демократии»[62]. Центральный момент нашего настоящего изложения состоит в определении характера связи безопасности и исторической (коллективной) памяти. На этот вопрос специальное внимание обращает В.Ю.Апрыщенко[63]. Он также как Миллер полагает, что эта связь определяется общим исследовательским полем — тематикой идентичности. Связь между коллективной памятью и безопасностью усиливает исследования «политики принадлежности» (политики идентичности). В эту исследовательскую предметную область в широком смысле включаются коллективные дискурсы и практики идентификации, а также формирование и производство коллективной идеи «себя» и «других», что предполагает конструирование идеи безопасности и формулирование соответствующих политических действий. Выявляется некоторая структура моделируемого контекста — политика памяти, коллективная травма и историческое наследие, которые могли бы рассматриваться как основа коллективных представлений и политики безопасности в различных сообществах.

Отметим ещё раз характерные черты подхода в рамках критических исследований безопасности: а) идея конструирования угрозы; б) конструирование как целенаправленные действия; в) выражаются они в форме речевого акта. Некоторые исследователи

---

[62] *Миллер А.И.* Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия// «Полития» № 3 (94). 2019. — С. 90.

[63] *Апрыщенко В.Ю.* Указ. соч. С. 86–108.

полагают, что в результатах деятельности данного научно-политического направления проявляется важная эпистемологическая проблема о природе и «режиме» знания в постинформационном обществе. Добавим, на наш взгляд, речь идёт не только об эпистемологической, но и о социологической проблеме, о проблеме социологии знания. Кто является производителем информации и знания? Посредством каких механизмов это знание производится и распространяется? Каковы должны быть условия, чтобы речевой акт был успешно усвоен аудиторией? Эти же вопросы составляют академическую повестку изучения прошлого, что находят отражение в исследованиях коллективной памяти. «Смыслы безопасности создаются коллективными воспоминаниями, обусловленными характером общества и политическими процессами, протекающими в нём»[64].

В такой, более общей постановке, вполне уместны дополнительные соображения относительно связи памяти и безопасности. Современный немецкий историк и культуролог Алейда Ассман предлагает перестать видеть в современной памяти катастрофу, то есть предлагает снять с неё печать стигматизации как угрозы культуре, десекьюритизировать её, если использовать терминологию критических исследований. «Алармистские настроения по поводу существующих сегодня форм памяти также «…» просматриваются на горизонте отечественных дискуссий», замечает одна из современных авторов [65]. На основании подобных примеров формирования алармистских (тревожных) настроений мы можем, вероятно, заключить, что процессы секьюритизации (наделение некоторых объектов и явлений статусом угрозы) представляют собой универсальный механизм. Этот механизм, возможно, не носит направленного (как в секьюритизации) характера. Отчасти стихийный, он все же включает речевые акты и другие элементы секьюритизации: референтный объект, агенты секьюритизации, функциональные акторы, релевантная аудитория.

Важно также обратить внимание на то, что выявление угрожающих объектов, явлений, обстоятельств — необходимая составная часть любых адаптивных процессов, а на уровне специализированных видов деятельности — такой же необходимый элемент управ-

---

[64] *Апрыщенко В. Ю.* Указ. соч. — С. 86.

[65] *Мельникова Е.* Рецензия на кн. А. Ассман // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2017. Т. 9. № 2. — С. 169–177. — С. 176.

ленческой технологии. Называние, наречение, некоторая маркировка есть существенный акт в процедурах идентификации угроз. В дискурсивной калькуляции процесса выявления угроз, на наш взгляд, состоит общее значение теории секьюритизации. Рассмотренные характеристики позволяют, как думается, включить секьюритизацию в структуру любого процесса адаптации и идентификации.

Среди функций, которые выполняет историческое знание, обеспечение «мира с прошлым» является одной из основополагающих. Безопасность, таким образом, является одной из сфер общественной жизни, которая испытывает непосредственное влияние исторических представлений, воплощенных в коллективной памяти. Ещё более определенно о связи безопасности и исторической памяти высказывается Д. В. Ефременко. Он полагает, что если исходить из предпосылки, что государство, отстаивая онтологическую безопасность своего сообщества, стремится обеспечить непрерывность бытия собственного Я, то историческая память, поддерживающие ее нарративы и символические практики могут рассматриваться в качестве объектов секьюритизации[66].

Память о прошлом все чаще представлена в контекстах безопасности — начиная с субъективного ощущения безопасности жизненного мира индивида или группы и заканчивая различными измерениями международной безопасности[67]. Историческая память — неотъемлемая часть макрополитической идентичности наций, которым присущ соответствующий уровень консолидации и самосознания, а также связь с государством. Но воздействие на макрополитическую идентичность и устойчивость соответствующего сообщества через историческую память может быть разнонаправленным, ведущим в ряде случаев не к сплочению, а к ослаблению сообщества.

Коллективная память и поддерживающий ее набор нарративов, символических инструментов и практик оказывают существенное влияние на поведение малых и больших сообществ и их реакции на внешние вызовы. В этом контексте попытки воздействия на коллективные представления о собственном прошлом не могут сво-

[66] *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. — СПб., Нестор-История, 2020. — С. 563.

[67] Там же. С. 67.

диться только к «установлению исторической истины» — «как это было на самом деле». Воздействия на представления о прошлом так или иначе оказывают влияние на групповую сплоченность, на идентичность, на отношение к политическим действиям представителей соответствующего сообщества [68].

«Онтологическая безопасность». Д.В.Ефременко обосновывает символическую и историческую политику на государственном уровне потребностями онтологической безопасности сообществ. Он полагает, что термин «онтологическая безопасность» и обращение к соответствующей проблематике в целом позволяет прояснить аспекты политического использования исторического прошлого.[69] Родоначальник первоначального применения этого понятия английский социолог Энтони Гидденс обозначал им уверенность социальных акторов в окружающем их мире, в том, что отсутствуют значимые угрозы их образу жизни и идентичности, постоянству окружающей природной и материальной среды. Подразумеваются эмоциональные и когнитивные основания определения своих социальных интересов, готовности формировать сообщества и действовать стратегически в своей социальной среде. Думается, что значение онтологической безопасности вполне сопрягается по смыслу с представленным выше концептом «экоперсонализм».

О состоянии онтологической небезопасности (insecurity) уместно говорить в том случае, когда функционирование институтов не в состоянии купировать ощущение тревоги у индивидов или сообществ. Изначально построения Э.Гидденса сфокусированы на индивидах и их жизненном мире. Перенос этой логики на социальные группы и устойчивые сообщества открывает, по мнению Д.В.Ефременко, новые аналитические перспективы. Основания для подобной экстраполяции он видит в том, что: а) сообщества могут быть представлены в качестве унитарных коллективных акторов; б) способы редукции / преодоления экзистенциальной тревожности и ощущения небезопасности для индивидов и сообществ во многом являются общими.

Даже в условиях экстраординарной динамики стремление индивида или сообщества сохранить собственную идентичность яв-

---

[68] *Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В.* Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности/ Политическая наука, 2020, № 2. — С. 79.

[69] *Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В.* Указ. соч. — С. 70.

ляется превалирующим, и в этом смысле онтологическая безопасность, как полагает Д. В. Ефременко может оказаться более значимой, чем безопасность физическая. Если исходить из предпосылки, что государство, отстаивая онтологическую безопасность своего сообщества, стремится обеспечить непрерывность бытия собственного Я (иногда допуская при этом понижение порога физической безопасности), то тогда историческая память, поддерживающие ее нарративы и символические практики могут рассматриваться в качестве (референтных) объектов секьюритизации (то есть для них может существовать угроза).

Мнемоническая безопасность как аспект онтологической безопасности. Секьюритизация нарративов и символических практик, есть признание их значимыми для поддержания идентичности и заслуживающими применения защитных мер. Секьюритизация состоит в селекции, «отбраковке» тех нарративов и практик, которые не признаются полезными для поддержания идентичности «как основы дееспособности политического актора. Мнемоническая безопасность в значительной степени совпадает с парадигмой военной безопасности, когда знание всякое, и в частности, знание историческое воспринимается и применяется как оружие. Темы знания как оружия касался в своё время Петер Слотердайк: «знание, как и оружие, лучше скрывать от противника, особенно знание, используемое как оружие», — писал он [70].

Набор секьюритизированных исторических нарративов может стать предметом межгосударственных противоречий и поводом для ведения разного рода гибридных информационных войн. В последнем случае появляются основания и для модификации дилеммы безопасности.

Суть классической дилеммы безопасности состоит в следующем: в ответ на действия государства А лидеры государства В должны либо смириться с предполагаемым понижением порога собственной безопасности, либо предпринять какие-либо активные ответные действия, которые, в свою очередь, могут быть восприняты руководством государства А в качестве угрожающих. В ситуации, когда руководство и политические элиты государств А и В рассматрива-

[70] *Слотердайк П.* Критика цинического разума. — Екатеринбург: Из-во Уральского ун-та, 2001. — С. 115.

ют двусторонние отношения в модальности игры с нулевой суммой (победа одних возможна только при поражении других), вероятность эскалации конфликта существенно возрастает. Фактически наши отношения с Западом, а также с некоторыми другими странами постсоветского пространства соответствуют логике игры с нулевой суммой. Происходит изменение модальности диалога по вопросам исторической памяти: переход от диалога несогласных к диалогу глухих[71].

Дилемма мнемонической безопасности. Конкурентные отношения государственных акторов по вопросам исторической памяти могут трансформировать классическую дилемму безопасности применительно к проблемам идентичности и исторической памяти, в дилемму мнемонической безопасности. Например, есть исторический нарратив, который служит мифом — основанием для некоего государства *X* и играет большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества. Он на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступающими от лица сообщества, которое стоит за государством *Y*. Если институты государства *Y* оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства *X* оказываются перед выбором — либо игнорировать такого рода действия, либо разработать комплекс мер, направленных на противодействие подрыву своего нарратива и дискредитацию исторических установок, значимых, соответственно, для государства *Y*. Это выход на очень опасную траекторию, что мы сейчас и наблюдаем. Мы близки к этому в балто-российских и польско-российских интеракциях по вопросам исторической памяти, в конфликте исторических нарративов с Украиной.

Кратко дилемма мнемонической безопасности может быть выражена так: если в рамках межгосударственных взаимодействий проблематика исторической памяти используется одной стороной как инструмент или даже политическое оружие, то высока вероятность, что и другая сторона постарается заполучить в свой арсенал такой же инструмент или оружие.

«Усиливаются риски того, что секьюритизация исторической памяти обернется переносом в сферу дискуссий о прошлом подходов и инструментария, используемых для защиты безопасности и ин-

[71] *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Указ. соч.

тересов государств», то есть станет оружием»[72]. С позиций теории секьюритизации, разные акторы пытаются использовать трактовки прошлого как наступательное и оборонительное оружие в вопросах легитимности политического режима, оснований суверенного контроля над той или иной территорией, достижения преимуществ одной из политических сил во внутриполитическом противостоянии, одной страны или группы государств — в рамках геополитической конкуренции[73].

Д. В. Ефременко в структуре концепта мнемонической безопасности различает следующие элементы: мнемонический референтный объект; доминирующие мнемонические акторы; мнемонические воины. В трактовке последнего элемента имеются некоторые различия в отечественной литературе: у А. И. Миллера — это мнемонические акторы, занявшие воинственную позицию. У Д. В. Ефременко — это скорее инструменты, реализующие воинственную позицию мнемонических акторов. Вторая трактовка ближе к терминологии боестолкновений.

А. И. Миллер полагает, что «Исследователи, предложившие понятие «mnemonic warriors» (воители памяти) для описания непримиримо настроенных мнемонических акторов, исходят из того, что поведение этих акторов непременно основано на убежденности в правоте собственной интерпретации. Иллюстрацией этого тезиса могут служить многообразные примеры «борьбы с памятниками» — от Украины до США. Однако подобная убежденность отнюдь не является обязательной характеристикой «воителей памяти». Нередко они релятивизируют вопрос об исторической достоверности нарратива, признавая право каждой национальной общности (или группы) на свой нарратив. Они настаивают не столько на том, что их нарратив полон и достоверен, сколько на своем праве считать так, а не иначе. Они озабочены прежде всего утверждением исключительных прав своего нарратива в пространстве своей общности, воспринимая любую его критику как диверсию против ее единства и сплоченности»[74].

---

[72] *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности. — С. 266.

[73] *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Указ. соч. С. 79

[74] *Миллер А. И.* Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия// «Полития». № 3 (94). 2019. — С. 90.

К категории «мнемонические воины» могут быть отнесены: а) государственные и общественные институты; б) эксперты и экспертно-аналитические сообщества по проблемам политики памяти, выполняющие соответствующие функции; в) политически ориентированные сайты в социальных сетях.

Не всякие эксперты по проблемам политики памяти выступают в роли мнемонических воинов. Есть такие, кто осознанно отказался от роли «мнемонических воинов», и считают своей миссией предупреждать национальные и наднациональные политические элиты о серьезных рисках секьюритизации исторической памяти и переноса конфликтов памяти в сферу межгосударственных взаимоотношений [75]. Обеспечивая селекцию политически пригодного прошлого, публичные дискуссии с активным участием представителей политических элит в большинстве случаев способствуют поддержанию устойчивости ядра исторической мифологии соответствующего сообщества. Прошедшие такой квазиестественный отбор исторические нарративы сами могут выступать фактором стрессоустойчивости сообщества, причем стрессоустойчивость надо понимать не просто как способность адекватно реагировать на внутренние или внешние вызовы, но как способность мобилизовать внутренние ресурсы сообщества, которые не задействованы в рутинных обстоятельствах.

Процессы секьюритизации исторической памяти имеют и международное измерение. Дилемма (развилка) безопасности проявляется в том случае, когда укрепление безопасности одного государства воспринимается другим государством или группой государств как угроза их собственной безопасности. Следует учитывать, что основой для такого восприятия служат не только и даже не столько калькуляции объективных факторов безопасности, но также интуитивные ощущения и негативные ожидания в отношении намерений партнера.

Один из финальных штрихов — резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 18 сентября 2019 г. — это не просто дополнение к общей конфронтации между Россией и Западом, но ее глубокая фундаментализация, связанная с обращением к ключевым темам исторической памяти. Резолюция — это попытка симбиоза того, что восходит

[75] *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Указ. соч. С. 81

к европейской космополитической культуре памяти конца XX в., и той интерпретации исторических событий, которая сейчас наиболее удобна для политических элит Польши, Балтии и ряда других европейских стран. Очевидно, что и с российской стороны будут предприниматься усилия по аналитической деконструкции нарратива, который представлен в резолюции Европарламента[76].

Дилемма мнемонической безопасности, как правило, выступает производным от классической дилеммы безопасности. Иначе говоря, под уже существующие противоречия, связанные с военно-стратегической и экономической безопасностью, ориентацией на те или иные союзы и межгосударственные объединения, подводится исторический и символический базис, и конфликт с государством А начинает мыслиться политическими элитами и частью массовых групп государства В как важный и даже конституирующий элемент собственной национально-государственной идентичности.

Дилемма мнемонической безопасности особенно сложна именно потому, что затрагивает наиболее чувствительные стороны онтологической безопасности сообществ. В этих условиях свобода маневра государственных деятелей, представляющих соответствующее сообщество, существенно сокращается, и процесс принятия политических решений может существенно отклоняться от логики рационального выбора. Деятельность политических лидеров при этом в значительной мере переходит в регистр «соответствия чаяниям» своего сообщества[77].

1.2.3. Политика памяти

Теория секьюритизации находит, как мы видели, методологическое применение к осмыслению современных процессов исторической памяти. Коллективная историческая память — это память общества о событиях, деяниях и деятелях — индивидуальных, коллективных и массовых — в истории как прошлом общества. Изучение коллективной памяти в целом может рассматриваться как часть исследований политической культуры в связи с тем, что оно затраги-

---

[76] Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1. — С. 59–80.

[77] *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Указ. соч.

вает культурное устройство политической идентичности и деятельности (Дж.Олик).

К началу двухтысячных годов «политика памяти», или историческая политика, все чаще стала трактоваться не как политизация памяти, а скорее, как сохранение памяти о прошлом, которая необходима для политической консолидации нации[78]. В Стратегии национальной безопасности РФ (от 02.07.2021) в разделе «Защита традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» для характеристики исторической политики используется выражение — защита исторической правды, сохранение исторической памяти».

Выражением крайней остроты исторической политики выступают «войны памяти», или «война на территории прошлого». Прогноз, который дают исследователи на обозримое будущее состоит в том, «войны памяти» «будут продолжать использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» в системе международных отношений. При этом, к сожалению, речь идет не о поиске истины и восстановлении исторической справедливости, а о навязывании собственной системы ценностей другим акторам мировой политики»[79].

«Войны памяти», инициируемые частью политических и интеллектуальных элит Центральной и Восточной Европы, опасны в двух аспектах — внутреннем и внешнем: а) нацеленностью на ревизию международного статуса современной России как страны-наследницы СССР, б) могут спровоцировать (активированием конфликтов вокруг исторического прошлого) напряженность, связанную с расхождениями идентичностей, в том числе представлений о прошлом различных групп российского обществ[80].

Выявляются несколько позиций в отношении к материалу истории и исторической памяти, несколько моделей её понимания: официальная — риторически-правовая; официально-апологетическая; экспертно-аналитическая; теоретико-объективистская; либерально-критическая. Каждая из них имеет акцентированное содержание, внутренние регулятивы, свою логику, риторические фигуры, символические значения. Вместе они создают ландшафт исторической культу-

---

[78] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Указ. соч. С. 40.

[79] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Указ. соч. С. 56.

[80] *Ефременко Д.* Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности. — С. 566.

ры современности — «множественные культуры памяти» (Ш. Бергер). Речь идёт именно об исторической культуре современности, поскольку в культуре современности заключены все имеющиеся модели, как основные (названные нами), так и промежуточные. Каждая из них желает выступать от лица модернизации, за исключением самопровозглашенного консерватизма — «…мы говорим о современном консерватизме, о консервативной повестке, а современная консервативная повестка включает все лучшее из социалистического наследия»[81]. Да и она выступает как «современная консервативная повестка».

Экспертно-аналитическая позиция как системно разработанная, аргументированная и академически полемичная институционально относится к сфере политики памяти, занимаясь в первую очередь государственной политикой в сфере памяти, комментируя её обоснование и совершенствование. Политика памяти, как отмечалось, способна как объединять, так и разъединять. Можно сказать, что здесь проявляется инструментально-прагматический подход к исторической памяти и её использованию как ресурса в обеспечении национальной безопасности, прежде всего, в международной политической повестке в зависимости от того, что признано актуальным для обеспечения национальной безопасности в данный момент. Такой подход с той или иной степенью интенсивности захватывает различные исторические сюжеты, определенную историческую предметность.

В рамках экспертной модели различаются виды историко-политических нарративов (подходов к памяти) — космополитический нарратив, антагонистический нарратив, агонистический нарратив. Исходная позиция космополитического нарратива: «мы все виноваты в убиении евреев, наша тема — это покаяние, никогда больше». Исходная позиция антагонистического нарратива: «говорим о прошлом для того, чтобы уничтожить нашего противника». Исходная позиция агонистического нарратива: «мы уважаем друг друга в своем несогласии».

XIX и XX вв. были временем националистической памяти, близкой к антогонистическим формам. Идея Хабермаса о совещательной демократии лежит в основе космополитической памяти, которая находит сильнейшую поддержку в политике памяти Европейского сою-

[81] *Тесля А.* Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи // Россия в глобальной политике. Т. 18, № 1, 2020. — С. 59–80.

за. Агонистическая память часто отстаивается лево-центристскими социальными движениями.

В новейший период, на исходе XX в., последовательность исторических нарративов несколько изменилась. Первый тип (деполитизация памяти через достижение консенсуса) — космополитическая память — работает с бинарными оппозициями «добра» и «зла», которые в данном случае носят идеологический характер. Ей присущ призыв к «политике покаяния» и появление модели «универсальной виктимизации». Примером последнего служит мемориал Neue Wache (Нойе Вахе — главный мемориал жертвам войны и тирании в Германии), стирающий различия между преступниками и жертвами и создающий «общность катастрофической судьбы, выпавшей всем, и расплывчатый пафос, который каждый посетитель мемориала может адресовать по собственному усмотрению» (А. Ассман).

Как принято считать, исходный момент в развитии принципов «политики раскаяния» связан с военными корреспондентами, появившимися в середине XIX в., которые сообщали своим читателям об ужасах современной войны. Космополитическая память отождествляет себя с либеральной демократией и правами человека, поэтому ее «другие» — это все формы тоталитаризма. Она — саморефлексивна и диалогична, до многоголосия, соотносит себя с памятью о жертвах и стремится вызвать сильные чувства в отношении жертв насильственных конфликтов. По особенностям своей диалогичного характера она ограничена стремлением установить межсубъектный консенсус, который приведет к завершению диалога. После достижения этой цели, те, кто не присоединится к консенсусу, не будут рассматриваться как сторона диалога.

Второй тип (политизация памяти как борьбы до исключения чуждых памятей) — антагонистическая память, включает националистическую память, которая отчетливо отделяет друзей от врагов и заинтересована исключительно в усилении идентичности «мы» посредством исключения из нее «других». Ей свойственны монологичность и ксенофобия, посредством которых чувство принадлежности формируется через разжигание страстей в отношении чужаков.

Третий тип (реполитизирует память как борьбу памятей) — агонистическая память, напротив, открыта для бесконечного диалога в бахтинианском смысле, поскольку признает, что прения по теме дискурса памяти не могут быть прекращены. В ее рамках борьба

памятей воспринимается как политическая борьба, поэтому она направлена на реполитизацию борьбы памятей, которую космополитическая память деполитизирует. Она работает со страстным чувством солидарности. Агонистическая память стремится вовлечь политического соперника в споры и дебаты в демократических рамках и достичь превосходства посредством более убедительной аргументации. В этом и заключается «агон» — агонистическое соревнование.

Подобно антагонистической и космополитической формам, агонистистическая память носит ярко выраженный эмоциональный (passionate) характер, но не в отношении «своих» или «жертв», а применительно к формам социальной солидарности. Другими словами, концепция агонистической памяти озабочена тем же, что и демократические левые, которые ищут способы укрепить социальную сплоченность и социальную справедливость, а также предоставить больше демократии и власти гражданам демократически учрежденных обществ.

Агонистическая память уходит от моральных противопоставлений в той мере, в какой они препятствуют попыткам рассмотрения конфликтов и актов насилия в историческом и социальном контекстах. Радикальный историзм, ведущий к более глубокому пониманию прошлого, предпочитается простым моральным суждениям о прошлом, позволяет представить и обсудить различные взгляды на господствующий национальный нарратив, память о войнах и насильственные конфликты.

Не все позиции памяти приемлемы в рамках агонистической демократии, не только потому что они достойны морального порицания, но также по той причине, что они откровенно фальсифицируют методы исторического исследования, включая критику источников. Отрицание Холокоста и, в более общем виде, отрицание геноцидов, неуважительное отношение к памяти жертв войны и насилия XX в. являются теми позициями, которые агонистическая память также будет исключать, не вступая ни в какие дебаты.

В приведенной последовательности нарративы попеременно сменяют друг друга. Смена исторического нарратива занимает годы и десятилетия. В любом случае это «игра в долгую».[82] «Вплоть

[82] Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи // Россия в глобальной политике. Т. 18, № 1, 2020. — С. 59–80.

до начала 2000-х гг. ключевой темой политики памяти стран Европейского союза была коллективная память о Холокосте, а основной задачей — проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацизма. На основе осознания коллективной вины и ответственности европейских народов (включая и население оккупированных нацистами территорий) за трагедию Холокоста становилось возможным формирование консолидирующего исторического нарратива. Холокост должен был стать нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX в. в одно целое»[83]. Как полагают представители экспертного сообщества, версия европейской политики памяти, в которой ключевая роль принадлежит трагедии Холокоста и видению нацизма как абсолютного зла, вполне совместима с современной российской политикой памяти, в которой Великая Победа над гитлеровской Германией является центральным элементом смысловой схемы отечественного прошлого.

Эта версия все активнее используется и в геополитических целях для конструирования нового ментального фронтира, призванного заново разделить географическое и культурное пространство Европы, «выдавив» из него Россию, но «удержав» при этом другие постсоветские государства, включенные в программу «Восточное партнерство».

В результате рассмотрения различных типов исторических нарративов можно прийти к выводу, что в каждом из них присутствуют риторические практики умолчания, утверждения, неприятия, которые обусловлены влиянием политической ориентации и прямой ангажированностью. В значительной степени на коллективную память воздействуют общественно-политические процессы, глобальные тенденции в позиционировании мировых центров влияния и межгосударственные отношения. Однако понимание подверженности коллективной памяти подобным воздействиям ни в коем случае не должно приводить к нигилизму в отношении этой формы общественного сознания. Как показали актуальные глубокие исследования как западных, так и отечественных авторов, коллективная память имеет присущие ей внутренние характеристики, определяющие

[83] *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. — СПб., Нестор-История, 2020. — С. 567.

собственные векторы динамики. Они представляют собой слагаемые равнодействующих сил.

Основные темы отечественного исторического нарратива — Октябрьская революция и гражданская войн, сталинские репрессии, Победа в Великой Отечественной войне и её трагическое начало, распад СССР. Одна из центральных проблем исторического нарратива — соотношение негативного и позитивного значений исторического опыта и социально-политических практик в истории России в минувшем столетии. К настоящему моменту под воздействием общественно-политических обстоятельств и цивилизационной динамики наметилась определенная тенденция при интерпретации негативного российского исторического опыта в коллективной памяти социума.

Нарратив Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны перестал выполнять, по мнению ряда авторов, функции «мифа-основания» в силу конфликтной основы и социальной разобщенности, каковыми сопровождалась смена политического режима в 1917 г. Существует серьезно обоснованная научная концепция историка-исследователя Б.Н.Миронова о том, что русская революция 1917 г. — побочный продукт успешной модернизации[84]. Можно упомянуть и представление о русской революции как феномене психопатологического состояния. Различные точки зрения, по существу, относят это историческое явление к недоразумению, казусу, маргинальному ряду эксцессов.

Методологически эксцесс противопоставляется закономерности, системности. В соответствии с такой установкой, Советский Союз — это сюжет про сбой, про срыв, эксцесс, а не системный недостаток[85]. Таким образом, мы видим, как негативные исторические смыслы вытесняются на обочину исторической памяти и не то, чтобы противопоставляются мощным нарративам позитивного плана, но обрекаются на забвение. Разумеется, в этих коммеморативных процедурах нет злой воли. Один, даже несколько человек аналитиков, исследователей не могут повлиять на массовое сознание, если в нём нет некоторого, пусть безотчётного, запроса. Однако формирующа-

[84] *Миронов Б.Н.* Этюды исторического оптимизма // Историческая экспертиза. 2020. № 3. — С. 362–376.

[85] *Тесля А.* Указ. соч.

яся тенденция начинает просматриваться в том крене, который всё устойчивее обозначается в научной литературе.

Великая Отечественная война и Победа поддерживают смысловую и эмоциональную связь с советской эпохой, которую уже неспособны обеспечить другие события, то есть теперь этот нарратив выполняет функции «мифа-основания» СССР и его преемника Российской Федерации. Великая Отечественная война и Победа служат важным источником политической легитимности современной российской власти. Сплочение и отпор внешней агрессии стали общим и решающим опытом для большинства населения СССР, независимо от социального статуса конкретных индивидов, дают осознание принадлежности к общему целому[86].

Одна из сквозных тем книги А. Ассман «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (2014) — уход «поколения свидетелей», а вместе с ним «живой памяти-опыта», которая замещается другими медиализированными формами воспоминаний. Другое высказывание относится к той же теме ухода живых свидетелей и свидетельств: «…чем дальше в историческом плане оказываются значимые события от сегодняшнего дня, чем меньше остается их живых свидетелей, тем сильнее искушение для политических элит использовать коллективную память в своих целях, подкрепить ею свою внутреннюю и внешнюю политику»[87]. И одно наблюдение походит, видимо, к этой теме: «показательно, что потенциал памяти о войне в полной мере начал использоваться властью лишь два десятилетия спустя после Победы, когда к руководству страной и партией пришли Л. И. Брежнев и другие представители номенклатуры, чье становление как политических руководителей пришлось именно на военные годы»[88].

В этих высказываниях и наблюдениях по теме ухода из жизни поколений живых свидетелей исторических событий, можно, как представляется, различить несколько смысловых точек. Уход свидетелей и современников минувшего означает потерю особого, и особо ценного, источника, восполняющего коллективную память. Всё ещё помнится, как приглашали ветеранов на праздничные меро-

---

[86] *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне… — С. 561.

[87] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Указ. соч. — С. 41–42

[88] *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне…. — С. 561–562.

приятия, как их можно было видеть на парадах и демонстрациях… Но и это постепенно уходит. Коллективная память меняет форму, некогда в ней жившее окончательно приобретает не ритуальную, а символическую форму и начинает функционировать как знаки, возможно, уже совершенно иного обозначаемого содержания. Здесь появляется тема соблазна использовать доставшийся символический капитал в новой реальности с достаточно прямыми прагматичными целями. Меняются знаки и возглавья, и ничего не остаётся прежним. Итак, это уход натуры, смена формы и значений. Может показаться, что сохранив близость к событию, мы его лучше понимаем.

Такие соображения входят в противоречие с природной, например, научного исторического знания (исторической наукой). Чем меньше времени проходит между историческим явлением и моментом его познания, тем больше трудностей встречается на пути изучения данного явления: не выявлены еще все его последствия, не собраны и не стали доступными многие материалы, из которых можно извлечь информацию. Время не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе. В свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, чего не видели раньше. Что называется, «большое видится на расстоянии».

1.3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ

1.3.1. Субстанциальная и реляционная парадигмы времени

Память связана со временем. Важно различать субстанциальное и реляционное понимание и времени, и памяти. Если время понимается линейно, то существует память о времени (историческая память). Если же под временем понимается длительность и последовательность, то имеется память дискретного события, так как у данного события есть своё время. Исследования памяти обычно задним числом рассматривают современные отголоски исторических событий. Но каким образом исследования памяти могут обращаться с гло-

бальными происшествиями настоящего? Этим кардинальным вопросом задаётся Астрид Эрлль[89].

Субъективность памяти. Чья память: моя, группы, сообщества, человечества? На самом деле, существует и функционирует объективная память дискретного события под «управлением» комплекса параметров, присущая ему также, как ему присуще собственное время. Параметры «памяти события» есть меняющаяся совокупность его отношений с социальными инструментами воспоминания. Причём эти инструменты не всегда контролируются сознательно, так как они носят массовидный, коллективный характер. Одним из параметров памяти выступает характер и состояние общественного сознания, например. С этой позиции, следовало бы изучать не историю событий, а историю памяти о событии; не историю времени только, но и параллельную ей историю памяти об исторических событиях в течении времени.

Такому пониманию коллективной памяти, как мы уже отметили, способствует предварительное различение двух способов мышления — субстантивизм и реляционизм (в том числе и по отношению к памяти). Последний может определяться как процессо-реляционизм. Именно с этих позиций Джефри Олик, современный американский исследователь, призывает исследовать коллективную память, — как процессуальное коллективное прошлое[90]. Память является неразрывной частью прошлого, изучение памяти таким образом составляет направление, называемое историей памяти. Именно в переопределении памяти от субстантивистского (мы называем его субстанциальным) в процессо-реляционном ключе Олик видит свою цель. Прежде чем двигаться дальше вслед за Джеффри Оликом дадим предварительные разъяснения по вопросу определения субстанциализма и реляционизма в онтологическом ключе.

В отечественной литературе в последние четверть века активно обсуждается онтологическая позиция, в рамках которой соотносятся метафизика бытия и метафизика «универсальной относительности». Смысловым ядром метафизики бытия является субстанциализм, или эссенциализм (от лат. essentia, сущность). Метафизика «универ-

---

[89] *Эрлль А.* Указ. соч.

[90] *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. 2012. — С. 40–74.

сальной относительности» представлена различными видами антисубстанциализма, прежде всего, реляционизмом. «Эссенциалисты исходят из принципа первичности умопостигаемой сущности; антиэссенциалисты объявляют первичной реальностью наличное бытие вещей и не мыслят над ней никаких обусловливающих её сверхчувственных структур»[91]. Эссенциализм воплощает в настоящее время неоаристотелевскую традицию. Реляционизм находится в русле кантианской традиции. Субстанциализм и антисубстанциализм орбнаруживаются как соперничающие мировоззренческие модели и способы мышления в различных областях культуры и видах деятельности.

Субстанциализм (эссенциализм), также как реляционность оцениваются различными современными исследователями с прямо противоположных позиций. Одни выступают сторонниками субстанциализма, а вместе с ним сторонниками традиции, устойчивости, неизменности, и обличают реляционность как связанную с волюнтаристски-субъективистскими установками современного мировосприятия, с его неукорененностью в бытии. Субстанциализм неоднороден и может проявляться в различных течениях мысли, включая постмодернизм (см. П. Козловски). Другие констатируют, что в философии и социальных науках термин «эссенциализм» стал почти ругательным. Представители третьей позиции считают возможным равноправное сосуществование рассматриваемых установок.

Проявление оппозиции субстанциальности и реляционности как способов мышления в XX в. иногда относят к периоду появления структурной лингвистики Ф. де Соссюра, а порой — к моменту оформления структурной антропологии К. Леви-Строса. В любом случае экспликация проблемы субстанциальность/реляционность связана с формированием структурного метода. «Новизна структурализма, как писал П. Бурдье, состояла во внедрении в социальные науки структурного метода. В более общем плане, это был реляционный способ мышления, который противопоставлялся «субстантивистскому» способу мышления. Реляционный способ мышления подводит к описанию каждого элемента через отношения, объединяющие его с другими элементами в систему, где он имеет свой смысл

[91] *Пивоваров Д. В.* Категории онтологии. В 2-ух ч. Часть 1: Учеб. пособие. — М., Юрайт, 2020. — С. 67.

и функцию». Достоинства реляционного метода мышления виделись в том, что «удалось разрешить основную трудность, которую составляют не «личные идеи», а участие в разработке и внедрении безличных способов мышления, позволяющих самым разным личностям продуцировать мысли, ранее немыслимые»[92]. Некоторые авторы характеризуют структурализм как подход, устраняющий из языка «любые экстралингвистические факторы», после чего остается абстрактная сетка отношений. Мы полагаем, что в реляционизме в целом устраняются не только экзогенные факторы, но и всякие содержательные элементы. Остаются формальные структуры.

Субстанциализм предполагает единую, всегда равную себе сущность (субстанцию), составляющую собственную природу вещи (эйдос, идею) в неизменном, центральном, главном, глубинном её содержании. Понятием «реляционность» (от лат. relatio) выражаются отношение как основание мировидения. Различаются реляционистская и релятивисткая концепции. Реляционистская концепция артикулирует роль отношения в картине мира и принадлежит онтологии. Релятивистская концепция производна от понятия относительности (познания) и относится к области эпистемологии. Итак, в субстанциализме первична сущность; в реляционизме первично / определяюще — отношение.

Надо различать несколько взаимосвязанных аспектов в теме субстанциализм / реляционизм. Первый — истолкование пространства и времени в этом дуализме; второй аспект — характерные черты и соотношение субстанциальной и реляционной картин мира и способов мышления; третий аспект — проявление данных способов мысли в различных видах дискурсов.

Каким образом возможно отношение само по себе? Первичность «отношения» в антисубстанциализме можно показать на примере синергетики, которую ярко с этой точки зрения характеризует В.А.Кутырев: «Если в диалектике, — пишет он, — воспроизводится процесс изменения некой субстанции-субстрата, то в синергетике того, что меняется, — нет. Это «полет без птицы», птица образуется в результате процесса, который предшествует вещи, то есть по модели деятельности, создания нового, а не познания существующего. Синергетика имеет дело с системами как взаимодействием отноше-

[92] *Бурдье П.* Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 12.

ний и элементов, а не с «вещами», в которых оформляется и конкретизируется тот или иной субстрат[93].

Различие субстанциализма (эссенциализма, субстантивизма) и реляционности (функционализма, конструктивизма, контекстуальности) можно выразить схемой с использованием основополагающих категорий онтологии — «вещь», «свойство», «отношение». Для субстанциализма связь этих категорий можно представить традиционно:

вещь → свойство → отношение,

где «вещь» содержит свою сущность (субстратное обособление субстанции) и сама выступает как сущность. От сущности зависят свойства вещи, которые определяют отношение вещи с другими вещами, в том числе её функции, значение, роль в структуре целого. Также, но с обратным знаком, выглядит схема, описывающая реляционную модель:

вещь ← свойство ← отношение или, что то же,

отношение → свойство → вещь.

Здесь под отношением подразумевается пространственно-временная расположенность. Актуальное отношение (локус и темпоральность) определяют свойства, востребованные условиями существования, свойства формируют вещь. Таким образом, «существование предшествует сущности», на чём настаивает экзистенциализм.

Отсюда следует определение пространства и времени — в субстанциальной модели как самостоятельных (независимых от вещей) сущностей: время — чистая длительность; пространство — пустой объем; в реляционной модели пространство и время есть характеристики, присущие вещам: время как длительность существования и последовательность смены вещами друг друга; пространство как протяженность вещей и их рядоположенность друг относительно друга.

Если опросить студентов-первокурсников, что в их представлении является временем и пространством, ¾ из них ответят в соответствии с субстанциальным пониманием. Задание с демонстрацией объекта: «описать карандаш как пространство и время», как правило,

---

[93] *Кутырев В. А.* Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) // Вопросы философии. 2000. № 5. — С. 18.

приводит к значительному затруднению. На этом основании можно сделать вывод, что на уровне обыденного сознания, а также под воздействием школьного обучения формируется преимущественно субстанциальная модель миропонимания.

Прежде чем говорить о последствиях такого доминирования субстанциализма как формы мировидения и способа мышления, обратимся ещё к одному наблюдению. При вопросе к студентам, что им запомнилось из курса физики в школе, большинство назвали классическую динамику. Как известно, механика как раздел физики тесным образом связана с ньютоновской картиной мира, то есть с господствующими представлениями в эпоху классической науки (XVII–XIX вв.), когда мир был совершенно другим. «Другой мир» современности — мир текучий, прозрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный.

Один из принципов классической механики — принцип относительности. Принцип относительности Галилея устанавливает то факт, что все механические явления протекают одинаково во всех системах отсчёта, которые движутся равномерно и прямолинейно (инерциальные системы отсчёта) — формулировка Инерциальная система отсчёта (ИСО) — это система отсчёта, в которой все свободные тела движутся прямолинейно и равномерно либо покоятся. Это означает, что существуют такие системы отсчёта, относительно которых тела сохраняют свою скорость неизменной, если на них не действуют другие тела или действие других тел скомпенсировано (1-й закон Ньютона). Так, процессы, происходящие на корабле, который стоит у пристани, и те же процессы, происходящие на корабле, движущемся равномерно и прямолинейно, не отличаются друг от друга.

Дело заключается в системах отсчёта. Обратим внимание на формулировки понятия «инерциальные системы отсчёта», приведенные выше. В первой формулировке инерциальные системы отсчёта это те, которые сами движутся равномерно и прямолинейно. Во второй формулировке не система отсчёта движется, а внутри неё движутся свободные тела прямолинейно и равномерно. В первом случае, таким образом, прямолинейно и равномерно движется система отсчёта, во втором случае прямолинейно и равномерно движутся тела внутри системы отсчёта.

Дело в том, что это разные системы отсчета: первая система отсчёта предполагает внешнего наблюдателя, вторая система отсчёта предполагает сопутствующего наблюдателя. Соответственно, мож-

но различать внутренние и внешние системы отсчёта. Происходящие процессы будут выглядеть по-разному для сопутствующего и внешнего наблюдателя. При инерциальном движении со скоростями, близкими к скорости света эти различия становятся велики настолько, что радикально меняют привычную реальность: время замедляется, а размеры тел сокращаются. Большинство физиков, как замечают эксперты-методологи, рассматривают сегодня релятивистские эффекты как относительные, а соответствующие изменения — кажущимися, поскольку наблюдаются они из разных систем отсчета. Во внутренних системах отсчёта эти релятивистские эффекты наблюдаться не будут; во внешних системах отсчета они признаются. Главный вывод, который для нас имеет значение, состоит в том, что «согласно теории относительности все системы отсчета равноправны. То, что наблюдает наблюдатель из каждой системы отсчета существует реально. Поэтому различные наблюдатели видят разные формы мира»[94].

Из этих формулировок можно сделать не физический вывод, что любые движения внутри какого-либо пространства (инерциальной системы отсчёта) с точки зрения сопутствующего наблюдателя не влияют на состояние этого пространства. Чтобы вы не сделали внутри такого пространства, это не будет влиять на характер его движения или покой. Допустим, движутся две шхуны прямолинейно и равномерно друг относительно друга. Накроем их прозрачным колпаком, и понаблюдаем за суетой команд, на том и на другом кораблях… Прозрачный колпак и позиция наблюдателя оказываются внешней инерциальной системой отсчёта, а то, что творится на кораблях, никак на нее не влияет, так же как не влияет движение команд на шхунах на их положение друг относительно друга.

Достаточно себе представить такое пространство или себя представить в таком пространстве, как априори вы откажитесь от целесообразности изменить статус-кво в силу невозможности это сделать. Мышление под влиянием, допустим, социальных и культурных факторов, руководствующееся этим постулатом — возможно, на бессознательном уровне — можно назвать инерциальным мышлением. Противоположным примеру со шхунами может быть пример с па-

[94] *Эрекаев В.Д.* Спецрелятивистские онтологии. Электронный философский журнал Vox. 2015. Июнь. Вып. 18. — С. 261–275.

русной регатой. Чего нет на регате, так это равномерного движения, поскольку главная задача участников состоит в оценке своего местоположения и в его изменении, в опережении соперников, в нарушении пространства покоя. Соответственно, не работает там и инерциальное, субстантивистское мышление. Многие ли готовы к тому, чтобы соответствовать высокой динамике современного мира? Очевидно, таких будет не много, поскольку, как мы отметили, большинство из вчерашних выпускников школ принимают субстанциалистскую позицию, позицию неизменности.

Между тем в условиях нарастающих скоротечности и спонтанности человеку придётся переформатировать себя. Отечественные специалисты, когнитологи и психологи, полагают, что необходимо поддержать лучшие мировые тенденции и воспитывать способность к переменам, в том числе, например, организацией образовательного пространства. В современных условиях и на ближайшее будущее «образование должно стать школой неопределенности, школой поведения в неопределенных ситуациях» (А. Асмолов).

Но одновременно с, казалось бы, непреложной силой продвинутых примеров приходится встречаться с сомнениями в адекватном результате их внедрения на национальной культурной почве. Прежде всего, потому что подобные инновации с трудом приживаются. Сохраняется, безусловно, сила традиции консервативной по своей природе системы образования. Существенны также затраты на перестройку с далеко не ясными перспективами и последствиями, на которые накладываются характерные установки обыденного и, соответственно, управленческого сознания — «от добра, добра не ищут».

В повестке оказывается деконструкция и обновление инструментария, которым пользуется социум для своего продвижения в новых условиях, в том числе в области дискурсивного аппарата. Так, недостатки классического субстанциализма и крайности реляционизма преодолеваются в постсубстанциальной парадигме. Постсубстанциализм включает временность, историчность, процессуальность, незавершенность. Рассмотрим некоторые подходы к описанию постсубстанциальной парадигмы в социально-политической и культурно-антропологической областях.

В. А. Кутырев замечает, что поворот от эссенциализма к реляционизму в гуманитаристике проявился в изменении представлений

о природе языка. Если «обычное сознание» полагает, что значение слова определяется явлениями и предметами, которые оно обозначает, то структурная лингвистика настаивает на первичности связей слов друг с другом. Ф. де Соссюр уподобляет лингвистическую знаковую систему математической. Знаки *a* и *b* друг без друга не могут ничего обозначать. Лишено смысла < *a*, но имеет смысл *b* < *a.* Фундаментальный закон языка: «Один член никогда сам по себе ничего не значит» переносится на понимание всех человеческих связей, культуры, а потом и универсума»[95].

Как уже отмечалось, в современной ситуации неоаристотелевскому синтезу (субстанциализм) противостоит неокантианское направление (функционализм). Основу единства науки неокантианцы усматривали не в наличии единой субстанции, а в единстве функциональной деятельности трансцендентального субъекта. Функция, по И.Канту, есть единство деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление. В этом состоит самодеятельность мышления.

Акт мышления начинается с идентификации посредством отсылки к другому. Это и есть установление связи, отношения с другим. «Кассирер отмечает, что невозможно провести водораздел между нашими знаниями таким образом, чтобы по одну сторону осталось чисто общее, а по другую — чисто частное знание: истинную основу для деления дает лишь отношение обоих этих моментов, только та функция, которую общее исполняет по отношению к частному»[96]. Что касается кантианского функционализма, то его содержание понятно. Вместе с тем следует подчеркнуть субстанциальность кантианской позиции, которая состоит в наличии самой формальной способности устанавливать отношения между частным и общим.

В современной социальной теории происходит отказ от эссенциалистских трактовок общества, что находит обоснование в теории гегемонии современных представителей постмарксизма Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф.Э.Лаклау и Ш.Муфф констатируют кризис

---

[95] *Кутырёв.* Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). — Смоленск: СмолГУ, 2006.

[96] *Пархоменко Р.Н.* Субстанция и функция: функционализм в неокантианстве и у Э.Кассирера // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2017. № 11. — С. 59

эссенциалистского монизма[97]. Что означает, в частности, эссенциализм марксистской теории? Это претензии на знание неотвратимого хода истории в его сущностных определениях. История, общество и социальные агенты (социальные классы), согласно ортодоксальному марксизму, имеют сущность, которая действует как принцип их объединения. Речь идёт об экономическом факторе в социальной теории, когда производительные силы и выросшие на их основе производственные отношения определяют социально-классовые и политические отношения в социуме. Марксистская теория утверждала «общество» как умопостигаемую структуру, которую можно разумно понять, находясь на определенной классовой позиции, и перестроить, как рациональный, прозрачный порядок, посредством основополагающего действия, носящего политический характер.

В чём состоит монизм? Различные субъективные позиции сведены к проявлениям единственной позиции. Множество различий либо редуцируется, либо отвергается как случайное; смысл настоящего открывается через указание его места в априорной последовательности стадий. Главное здесь — монистически понятая необходимость. Монистическая перспектива понимает сложность как систему опосредований. Общественные законы понимаются как обобщающие контексты, которые априорно фиксируют значение каждого события.

Этот набор характерных черт и концептуальных установок теории касается вопроса о степени развития рабочего класса и его роли в социальных преобразованиях. Ортодоксальный марксизм стоял за «чистоту условий» включения пролетариата в революцию. Лишь по достижению ими зрелости и лишь на этой основе, в силу неизбежного хода истории, пролетариат начинает и заканчивает свою освободительную миссию.

Одной из центральных задач своей книги авторы видят в том, чтобы определить специфическую логику случайностей (контингентности, спонтанности). Сама логика спонтанности подразумевает, что получающийся тип объединенного субъекта (социального преобразования) должен оставаться в широком смысле неопреде-

---

[97] *Лаклау Э., Муфф Ш.* Гегемония и социалистическая стратегия. К радикальной демократической политике. Введение и 1 глава // Режим доступа: https://www.academia.edu/29433830.

ленным. Логика спонтанности это логика символического поскольку она действует исключительно через разрыв всякого буквального значения.

Таким образом, к характерным чертам рассматриваемой реляционной модели социального мышления Лаклау и Муфф относятся — спонтанность; ситуативность и негарантированность исхода в противоположность необходимости и закономерности в эссенциальном монизме. Э.Лаклау и Ш.Муфф «отказываются от понимания экономических процессов как своеобразной субстанции социального и рассматривают общество как символическую реальность, «ткань» которой образуется сосуществованием различных дискурсивных (семиотических) систем. Всякая практика осуществляется эффективно, если она включена в поле осмысленного, нагружена определенным значением»[98]. Так, определить человека как представителя среднего класса возможно не потому, что он обладает некими субстанциальными характеристиками, а потому что существует определенный тип социальной стратификации общества. Этот имеющийся тип стратификации напоминает систему отсчёта (общее поле дискурсивности), которая открывает определенную форму видения объекта. О.Ф.Оришева, комментируя специфику трактовки универсального (гегемонию) у Э.Лаклау и Ш.Муфф, отмечает, что для них универсальное — не абсолютные ценностные ориентиры, а «пустое место». То есть, понимается гегемония не содержательно, а структурно: место занимается идеологией, способной выражать общезначимое.

Можно заключить, что Э.Лаклау и Ш.Муфф в определенном смысле продолжают концептуальную линию ревизионистских деятелей Социнтерна (австромарксистов), которые за точку отсчёта вместо Гегеля и материализма выбрали Канта и Маха. Представляется, что чертами общей кантианской основы здесь выступают не содержательный, а формальный, функциональный, структурный элемент социальной теории. Так же к кантианской традиции мы относим субстанциализм, а именно: саму способность вступать в отношения.

Теперь вновь обратимся к процессо-реляционной концепции Дж. Олика. Он пишет, с опорой на Кассирера: «В рамках процес-

---

[98] *Оришева О.Ф.* «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии. Труды БГТУ. Серия V. История, философия, филология. Вып. XVIII. 2010. — С. 137.

со-реляционной критики общепринятые социологические подходы являются в основном субстантивистскими, поскольку предполагают, что социальная жизнь состоит из предзаданных сущностей или субстанций, в которых «по сравнению с понятием о сущности отношение представляется несамостоятельным; оно может внести в него лишь дополнительные и внешние видоизменения, не затрагивающие его собственной природы» (Э.Кассирер).[99] Исследования, построенные на субстантивистских предпосылках, либо рассматривают память как причину изменений, либо задаются вопросом о том, когда и что изменяет саму память. Таким образом, коллективная память рассматривается как вещь или набор вещей, которые можно отделить от исследуемых процессов и которые являются внешними по отношению к ним. Сам же Олик полагает, что память надо трактовать как процесс воспоминаний, воплощаемый в множестве разнообразных практик.

В отношении трактовки памяти как разнообразных практик особенно выразительна концепция коллективной памяти Астрид Эррль. Она рассматривает пандемию COVID-19 с точки зрения исследований памяти. В данном случае не имеет значения, что рассматривается не какой-то «исторический» объект, а современное нам событие. Она настаивает на том, что исследования памяти должны научиться критически анализировать различного рода переплетения прошлого, настоящего и будущего. То, что помнится культурой, образует пространство опыта, который в свою очередь формирует «горизонт ожиданий», т.е. коллективно воображаемое будущее. Существует предчувствие будущего, готовность к нему и способность с ним совладать на основе хранящегося в памяти опыта.

Следует иметь в виду многообразие миров памяти. Когда люди сталкиваются с коронавирусом, то различные памяти активизируются ими в различных контекстах. Коллективная память держится на различных формах опосредования, от устных рассказов до фильмов и социальных медиа. Поскольку коллективная память — это память, передающаяся через медиа, любое коллективное предвосхищение (или его отсутствие) является вопросом предопосредования. В Европе пандемии гриппа не были достаточно опосредованы в прошлом знаменитыми картинами, романами либо же фильмами.

---

[99] *Олик Дж.* Указ. соч. С. 45.

Особенно поразительным примером является грипп-«испанка». Огромное число жертв должно было гарантировать этой катастрофе заметное место в памяти. А между тем, забыта она, прежде всего потому, что не нашлось впечатляющего воплощения этой памяти, в отличие от памяти о мнемонических конкурентах испанки — мировых войнах. Поскольку она не была воображена в виде пандемии, она и не вспоминается как пандемия.

Какой вывод можно сделать из приведенных трактовок коллективной памяти? На наш взгляд, он может состоять в следующем. Так называемые исторические события, явления и персонажи есть продукты нашей памяти, которые функционируют под воздействием комплекса предпосылок, опосредований и ряда других условий, создающих разнообразные миры памяти. Каждое такое событие или явление «обременено» своеобразной оболочкой воспоминаний и представляет собой сложный пульсирующий комплекс влияний, факторов и условий. Их надо изучать на манер естествоиспытателей как в некоторой степени дискретные образования, как кейсы, имеющие параметры входа и выхода. В результате мы проделаем путь от исследования памяти, например, о пандемиях к «миру корона-памяти глобального сообщества», как выражается Астрид Эрлль [100].

1.3.2. Символическое пространство исторической памяти

Историческая память и историческая наука. Духовная жизнь современного российского общества отличается обостренным интересом к истории и многообразием исторических образов прошлого. Историческое сознание оказывает весьма заметное влияние на ценностные ориентации самых различных общественных движений, приобретает необычные социальные оттенки в политической, нравственной, религиозной жизни, становится объектом дискуссий на симпозиумах и конференциях. Дж. Олик передает позицию М.Хальбвакса следующим образом: история — это воспоминание того прошлого, к которому мы больше не имеем «органического» отношения, прошлого, которое не является больше важной частью нашей жизни, в то время как коллективная память — это активное прошлое, которое формирует нашу идентичность.

[100] *Эрлль А.* Указ. соч. С. 28.

Бурный рост исследований по логике и методологии исторического познания в 1960-е — 1980-е гг. сопровождался абсолютизацией роли научной теории в освоении исторической реальности. Сциентистская модель познания на долгие годы захватила воображение историков. Развитие исторического сознания, достигнутый уровень исторического миросозерцания в рамках узко гносеологического подхода все еще ассоциируются лишь с развитием научной теории, с ее системностью и разработанностью методов и научных средств. Обыденное сознание в такой модели видится как духовное образование, находящееся на нижних ступенях деятельности субъекта исторического познания. В действительности, научное и обыденное историческое сознание не может сводиться к «высшим» и «низшим» формам социального отражения, скорее всего проблема заключается в различных способах освоения исторической реальности, где формируется своя логика исторического мышления, по-разному преломляется историческая реальность. Наряду с различием между формами и способами освоения исторической реальности следует обратить внимание на общие черты научного и обыденного исторического сознания. Общей проблемой выступает предметное содержание исторического сознания.

История изучает, прежде всего, прошлое человеческого общества, последовательность событий, ситуаций и процессов в предшествующем его развитии — история как прошлое общества. Историчность общества — это его развитие от прошлого, через настоящее, к будущему. История как прошлое человеческого общества — это минувший этап в его развитии. Именно на познание прошлого общественной жизни направлен интерес исторической науки. Разумеется, и в прошлом общество рассматривается в его развитии.

В некотором смысле историческая наука включает в свой предмет и современность. Она обращается к прошлому современных событий, прослеживает этапы становления современной действительности. Она также фиксирует явления и события современности, «заготовляя» материал для будущих исследователей. В этом и проявляется ее функция социальной памяти. Еще античные историки считали одной из главных своих задач описание событий, нравов и памятников настоящего для того, чтобы будущие поколения не забыли о прошлом, чтобы они его знали. Именно с этого времени берет начало разделение исторических трудов на две группы: те, которые вос-

создавали картины прошлого и те, которые сохраняли облик настоящего для того времени, когда это настоящее само станет прошлым, станет объектом изучения. Исторические произведения второй группы получили широкое распространение в эпоху средневековья. История в средневековом понимании — это современная автору история, для написания которой он опирается на собственные наблюдения и на свидетельства очевидцев. По убеждению средневекового историка, его задачей было передать будущим поколениям деяния своих современников. Ту же цель преследовал обычай назначения придворных историографов и историков при ставках главнокомандующих в различные эпохи.

Главным же объектом исторической науки является прошлое общества. С этим связаны некоторые специфические черты исторического познания. Одной из таких особенностей выступает то, что предмет исторической науки не дан непосредственно. Историческое познание отражает свой предмет не в том виде, каким он является в данный момент, а в том, каким он был в прошлом, через определенную временную ретроспективу. Обращенное к прошлому познание может полагаться лишь на те следы, которая оставила ушедшая эпоха. Здесь значительная роль отводится источникам, позволяющим историку проникнуть в область исторической действительности.

Предмет исторической науки — это минувший этап развития общества как целого в конкретной пространственно-временной определенности. Такое понимание предмета исторической науки дает возможность объяснить ряд особенностей ее развития. Это касается описательности исторических исследований и зависимости исторической науки от смежных социальных и гуманитарных областей. Признак высокого уровня развития исторической науки — синтетичность исторических исследований. Предполагается выяснение сущности исторического явления, существенных, необходимых его сторон. Подобная задача сложна не только для историка, но и для естествоиспытателя. К тому же со времен В. Дильтея и Г. Риккерта необходимость следования в истории общенаучным требованиям подвергается сомнению. Выяснение сущности исторического явления усугубляется в исторической науке тем, что исторических событий уже нет, прошлое закончилось и никогда не повторится. Необходимо восстановить, реконструировать исторические события

в более или менее цельном виде, чтобы представить их и понять. Неудивительно, что историки длительное время ограничивались лишь задачей реконструкции явлений, не обращаясь к их объяснению. Вырабатывались разнообразные средства достижения этой цели. Само описание событий надо было сделать с наибольшей полнотой. А если учесть ее условность и относительность, то единственным ограничением здесь выступает недостаток источников.

Представляется, что общим для исторического сознания на всех уровнях и во всех формах является обращенность к прошлому и его интерпретация. Специализированная форма исторического сознания — историческая наука — профессионально занята реконструкцией событий прошлого.

В то же время историческая память есть вид социальной памяти. В этом значении она включается в область общественного сознания, сознания социальной или исторической общности. И наконец, историческая память выступает компонентом исторического сознания, которое можно рассматривать на общесоциальном, групповом и личностном уровне.

История есть коллективная память людей, память социума о прошлом. Но память о прошлом — это уже не прошлое в собственном смысле слова. Это прошлое, восстановленное по нормам современности, с ориентацией на ценности и идеалы жизни людей в настоящем. Память всегда современна, она — составной смысловой элемент реального процесса, разворачивающегося с нашим участием.

Соцокультурное поле сознания субъекта истории, содержание и средства выражения образов прошлого, неотделимы от феномена исторической памяти. Сохраняя материализованный в предметной и духовной сферах мир прошлого, закрепляя знания о прошлом средствами культуры своей эпохи, историческая память, как одна из форм социальной памяти, выражает освоение человеком времени истории, воплощает реальное бытие истории.

Пронизывая все сферы деятельности и сознания общества, историческая память осуществляет преемственность в истории, заключая в себе как знание о прошлом, так и информацию о настоящем

Рассмотрим роль «текущей» информации в формировании исторического сознания. В исторической памяти социума непрерывно формируются информационные ресурсы и исторический опыт жизнедеятельности общества, без которых не могут обойтись власт-

ные структуры. Известный американский социолог Энтони Гидденс вскрывает прямую связь информационного насыщения властных структур с темпами современного исторического процесса. «Усиление административной власти государства, включая, в особенности, использование информационных ресурсов, составляет одну из самых характерных черт современной эпохи. Современные государства и мировая система в целом предполагают громадное ускорение процессов производства и организации информации»[101].

В новых исторических условиях взаимоотношения государства и исторической памяти не ограничиваются только технологическими потребностями в информации о прошлом и охватывают сложный спектр идеологических и нравственных проблем. Институциональный «терроризм» политики в XX в. дает немало примеров политического переписывания истории. Идеологический диктат политиков и ущемленное национальное самолюбие нации довольно часто подталкивают профессионального субъекта исторической памяти к подновлению, исправлению прошлого. Иными словами, проблема исторической фальсификации не сводится к субъективным мотивам деятельности отдельного историка или школы, а имеет более глубокие социальные и политические основания.

Для каждого нового исторического витка цивилизации информационная среда прошлого образует источниковедческие ресурсы исследования собственной линии движения. Эти ресурсы неуничтожимы неисчерпаемы. По мере использования их эффективность не уменьшается, а возрастает, они становятся общечеловеческим достоянием и прочно входят в информационную культуру человечества.

В массовой социальной деятельности по наследованию опыта и культуры уходящих поколении закладываются элементы массового исторического сознания. В процессе реконструкции предметной и культурной среды прошлого люди формируют образы и облик прошлого. Создавая особую информационную среду, вовлекая новых потребителей и творцов, историческая память формирует обыденно-практический, массовый уровень исторического сознания.

Сциентистская модель исторического познания не учитывает социокультурной зависимости научного исторического сознания

[101] *Цит. по:* THESIS: Теория и история экономических, социальных институтов и систем. М., 1993. Т. 1. Вып. 1. — С. 61.

от обыденного / практического / сознания. Исторический опыт эпохи, выкристаллизованный в различных социальных ячейках памяти общества /память малых социальных групп, память класса, национальная память и т.д., находит свое воплощение в обыденных, повседневных, практических формах исторического сознания больших и малых социальных групп. Именно здесь формируются исходные социальные потребности и интересы в познании прошлого, образуется социокультурное основание, выявляются социальные установки для деятельности историка.

Историческая память является компонентом этнического самосознания. Историческая память отражает историю формирования и развития данного этноса и его членов. Она формируется на базе обыденного сознания. В исторической памяти закрепляются сложившиеся на протяжении длительного времени обычаи, традиции данного этноса, богатство языка, моральные и социальные нормы, культурные и духовные ценности, определенная национальная идея, а также своеобразное понимание исторической правды. Исторический процесс отражается в исторической памяти не зеркально, а преломляется сквозь призму индивидуального, личностного восприятия. В основе исторической памяти лежит закрепление знаний индивида о прошлом. При этом речь идет не только об истории этноса. Имеет значение знание индивидом истории семьи, своей родословной, краеведческие знания, то есть личностная история.

Следы прошлого превращаются в исторические источники, вещественные, поведенческие, знаковые / устные, письменные источники, аудио- и видеоисточники. Научная ценность знакового источника определяется наличием в нем исторического факта, отраженного в сознании конкретной личности средствами духовной культуры своей эпохи и сохраненного в информационной среде исторической памяти. Историческое познание превращается в особый вид информационной деятельности. Труд историка теперь уже опосредованно через множество социокультурных, научных и ценностных компонентов связан с информационной средой исторической памяти.

Еще одной предельно общей чертой памяти общества выступает ее социокультурная определенность, особая система социокультурной деятельности. В коллективной памяти людей в разные исторические эпохи сосредоточены наиболее значимые для сохранения генофонда культура и цивилизованного строя способы, средства

культурного общения и коммуникаций. Три величайших открытия культуры: устная коммуникация, основанная на языке, линейное письмо от пиктографии до печатной книги и электронные технологии передачи информации XX в. явились основанием для трех культурно-исторических типов исторической памяти.

Становление исторического источника начинается с сохранения документов, оставшихся от реального события. Только определенные социальные потребности заставляют человека сохранять сгустки прошлой информации.

Письменные сообщения прошлого, дошедшие до нас в недрах конкретно-исторического типа памяти, имеют особую упорядоченность. Каждая общественная организация создает свои критерии отбора и систематизации письменной информации прошлого. В результате складывается зависимость выработанных принципов систематизации социальной информации прошлого в памяти общества от сложившихся в различные исторические эпохи социальных отношений. Письменные сообщения, сохраненные исторической памятью на основе социальных потребностей в прошлом, составляют наиболее ранний объект исторического знания.

В социуме есть носители, хранители и активаторы исторической памяти, выполняющие соответственно функции: а) источника исторической информации, б) выявления и сохранения ее, в) актуализации, пробуждения исторической памяти. Воспринимая информацию прошлого, социально-организованный мозг субъекта памяти получает знание о прошлом, новую общественную информацию, которая существовала раньше, но была забыта. Возможно, подобная трансляция — важный стимул для возникновения познавательного отношения к событиям прошлого.

Это не простая, например, реконструкция текста, переписанный материал, и только. В недрах социальной памяти происходит отражение прошлого письменного остатка в особенностях общественного сознания новой эпохи, возникает ценностное отношение к прошлому. Созданный исторический образ не просто копия письменного источника, в нем отражается структура субъекта социальной памяти, структура материальной и духовной культуры эпохи. Исторические образы действительности проникают в различные сферы социального мышления, выступают формой осмысления прошлого в политике, праве, морали, религии и т.д.

Следует различать содержание исторической памяти и характерные черты ее на определенном этапе. Содержание — то, о чем помнят, о чем остаются воспоминания. Это одно. Ностальгия о прошлом — черта исторической памяти. Это другое. Об одном и том же можно помнить по-разному, вспоминать, например, с ностальгией.

1.3.3. Социокультурная обусловленность коллективной памяти

Для современной отечественной культуры, переживающей «ренессанс» религиозности оказалась актуальной традиция «дионисийства». Известно сходство «дионисийской религии» с христианством, преемственность дионисийства и христианства. Можно также напомнить идеи о дионисийском характере русской культуры. Эти тенденции отразились и на характере исторической памяти современной России. «Нельзя жить прошлым», «нечего ворошить прошлое» — характерные лозунги периода миллениума. Подъем интереса к отечественной истории в последнее десятилетие XX в. соседствует с желанием «сна золотого». Некоторые темы российской недавней истории уже тогда, казалось, «набили оскомину»; мимо них становилось принятым проходить, как мимо недоразумения, создающего неловкость. Таковы темы сталинизма, массовых репрессий, истории российского тоталитаризма в XX веке.

Исследование подобных тем связано с выявлением определенных архетипов в сознании социума, с их воздействием на историческую память. Архетипично стремление «к порядку» любой ценой после утомления от разгула стихийности и спонтанной вольности.

Одной из социальных функций исторической памяти выступает актуализация информации, заложенной в процессе развития общества. Принято считать, что история учит тому, что она ничему не учит. Уроки истории якобы проходят бесследно для последующих поколений. В действительности они принимают неявную форму и до поры могут оставаться не выявленными или влиять на текущие социальные процессы подспудно. Выражения «мы это уже проходили» или «против этого в обществе существует иммунитет» указывают на действие механизмов исторической памяти. Некоторые из этих механизмов могут быть объяснены с помощью теории импринтинга как системного механизма эволюции общества.

Импринтинг — свойство не забывать, запечатлевать навсегда все воздействия внешнего мира и одновременно свойство забывать или как бы «запечатывать» информацию. В мире живого через импринтинг осуществляется единство отражательной функции рода и индивида. Генетический код поведения животных записан и имеет всеобщее содержание для вида, то есть его нельзя отменить. Вместе с тем каждое живое существо, каждый индивид в период онтогенеза на основе импринтинга получает информацию, записываемую на индивидуальную «перфокарту» и эта запись частично передается и накапливается в видовой генетической программе. В этом смысле генофонд вида есть синтез, накопление всех новаций в общении с миром, которые оказались закреплены в индивиде через импринтинг.

Вполне допустимо, что импринтинг работает не только на досоциальном уровне, но также в жизнедеятельности человека и общества и является эволюционно значимым способом аккумуляции содержания. Благодаря этому механизму система поведения человека (сложно опосредованная и скрытая от контроля разума) постоянно накапливает информацию: образы, ощущения, представления, установки. В этом отношении импринтинг — запечатление внешних факторов, в том числе прямых социальных условий и артефактов в виде слепка, снимка этих воздействий в поведении человека. Нечто подобное происходит в социуме. Роль исторической памяти состоит в том, чтобы выявлять, «пробуждать» информацию, заложенную в ходе эволюции.

Дж. Олик напоминает, что Хальбвакс доказывал: память никоим образом не является хранилищем всего прошлого опыта. Со временем память становиться собранием обобщенных «imagos» (образов — лат.) и для сохранения этих образов необходим социальный контекст. В этом смысле память является прежде всего продуктом коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также социальных инструментов для их хранения и передачи. Поэтому «не нужно доискиваться, где они [воспоминания] находятся, где сохраняются в моем мозгу или в каком-либо уголке моего ума, куда я один лишь имею доступ, — ведь мне напоминают о них извне, и те группы, к которым я принадлежу, в любой момент предоставляют мне средства для их реконструкции»[102].

[102] «Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс»: Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). — С. 22–49.

Недаром целые культурно-исторические эпохи проходили под знаком воспоминания прошлого. Такова, в частности, эпоха Возрождения. Примечательно в этой связи, что на основе воспоминания сложилась новая культура, реализовавшая тенденцию преемственности, наследования. Таким образом, историческая память осуществляет «связь времен».

Историческая память входит в историческое сознание как его элемент, память общества воплощается в историческом сознании. История как память общества оценивалась с различных, порой противоположных, позиций. Как полагал Ф. Ницше, история мешает мощным импульсам новой деятельности, парализует деятеля. Мы ведь в большинстве своем тогда только и можем действовать, когда забываем. Это суждение обусловлено разграничением у Ницше жизни действия и жизни мысли. Он остается сторонником Шопенгауэра, понимая жизнь как проявление слепой воли. Слепота становится у Ницше условием подлинно активной жизни, мысль и сознание оказываются противостоящими жизненности. В книге «Рождение трагедии из духа музыки». Ф. Ницше выразил основную антиномию культуры в противопоставлении трагической и сократической, дионисийской и аполлонической культуры. Через два божественных начала Аполлона и Диониса он определяет особенности эллинского духа, двойственного по своей природе. Это оппозиция между интуитивным и дискурсивным типами познания; между двумя пониманиями мира — как допредикативного переживания и как рассудочной рефлексии. Ф. Ницше образно сравнил их соотношение с отношением к миру «пьяных» и «трезвых» поэтов. «Пьяные» поэты действуют бессознательно, но правильно, «трезвые» же не могут допустить, чтобы творилось то, что следует, если это творится бессознательно. «То, что Софокл, пишет Ф. Ницше, сказал об Эсхиле, а именно что этот последний всегда действует правильно, хотя и бессознательно, не должно было прийтись по душе Еврипиду, который…мог признать только, что Эсхил, раз он творит бессознательно, — творит не то, что следует» (9. С. 47). Дионис, подобный состоянию опьянения, наполняет человека блаженным восторгом, отменяет принцип индивидуальности, разделяющий людей, смыкая их друг с другом и самой природой.

Ф. Ницше противопоставил культурные функции Аполлона и Диониса. Аполлон, по его определению «сияющий», является богом иллюзии. Аполлон обвалакивает человека «пеленой», и таким

образом защищает его от суровой реальности пугающего и жалкого существования. Если Аполлон создает иллюзии, без которых человек не способен продолжать жизнь, то Дионис уничтожает пелену и открывает человеку путь к прямому и непосредственному участию в деятельности. Антиномия культуры, постулированная Ф.Ницше, производна от эстетического наследия романтизма. В ней воплощается полярность между реальностью и сном, между желанием принять участие в чем-то действительно реальном и противоположным желанием отдаться ирреальному царству фантазии. Ф.Ницше выделил в культуре как «целительном бальзаме блаженной иллюзии» тенденцию постоянного возврата аполлоновского начала, постоянного рецидива иллюзии. Итак, аполлоническое начало это рецидив иллюзии, тогда как дионисийское начало — участие в действительности.

Идея «дионисийства» оказалась актуальной для современной отечественной культуры, переживающей «ренессанс» религиозности. Известно сходство «дионисийской религии» с христианством, преемственность дионисийства и христианства. Можно также напомнить идеи о дионисийском характере русской культуры. Эти тенденции отразились и на характере исторической памяти современной России. «Нельзя жить прошлым», «нечего ворошить прошлое» — характерные лозунги сегодняшнего дня. Подъем интереса к отечественной истории в последнее десятилетие XX века соседствует с желанием «сна золотого». Некоторые темы российской недавней истории, кажется, уже набили оскомину; мимо них становится принятым проходить, как мимо недоразумения, создающего неловкость. Таковы темы сталинизма, массовых репрессий, истории российского государства в XX веке.

Исследование подобных тем связано с выявлением определенных архетипов в сознании социума, с их воздействием на историческую память. Архетипично стремление «к порядку» любой ценой после утомления от разгула стихийности и спонтанной вольности. Стихийность и вольность как черты русской ментальности были выражены и обосновывались еще славянофилами, которым присущ комплекс идей, характерных для романтического противопоставления «органического» «рационалистическому». Мотивы органичности, целостности рельефно выступали в их социально-философских взглядах. В этой связи характерно разномыслие «западников» и «славянофилов» в понимании культуры. Западники отправлялись от понятия культуры, как сознательного творчества человечества, что было при-

суще философии права Гегеля. Славянофилы имели в виду культуру народную, которая вырастает в нём почти бессознательно. Это основной тезис «исторической школы» в ее противостоянии гегельянству. Можно сказать, что западники выразили «критический», славянофилы же «органический» моменты культурно-исторического самоопределения. В славянофильском мироощущении очевиден, согласно Г.В.Флоровскому, привкус своеобразного анархизма, неприязнь к предумышленному вмешательству в «нептунический» ход органических процессов.

Общественные отношения и институты делились славянофилами на две категории. Одни вырастают из самой жизни — стихийно, естественно, органически (русская сельская община). Другие создаются «искусственным» путем, в результате расчетов и изобретений человеческого разума и заключенных на основе этих расчетов «условий», «договоров». Первым присущи жизненность и цельность: вырастая из самой жизни, они воплощают в себе свойственное ей единство нравственного и разумного начал. Вторые несут на себе печать формализма, односторонней рассудочности. Н.К.Гаврюшин, считает, что, ставя Благодать выше Закона, православное богосознание, к которому следует отнести славянофильство, всегда будет рассматривать закон как условность, санкционируя его обход и неизбежно поддерживая анархические потенции.

В контексте анализа архетипичности исторического сознания российского социума следует учитывать и такую особенность русской философии как идея несовместимости внутренней свободы с подчинением внешней необходимости. Эта особенность и берет свое начало в философии славянофилов. У И.В.Киреевского и А.С.Хомякова мы находим противопоставление внутренней свободы господству внешней необходимости. Подчеркивая примат свободы, исходящий из внутренних убеждений человека, они рассматривали как сугубо негативное внешнее ограничение человеческой свободы, подчинение человека господству внешних обстоятельств. Такое подчинение человека внешней необходимости славянофилы видели на западе, где глубокие корни пустило римское право, регламентация индивидуальной деятельности навязанными извне нормативами.

Подлинная свобода человека, по мнению славянофилов, заключается в его свободе от внешней необходимости. Человек должен руководствоваться в своем поведении нравственным чувством, ос-

нованным на вере в высший авторитет Бога, поступать по совести, а не под давлением внешних обстоятельств. В этом убеждении есть здравый смысл: нельзя оправдывать свое поведение давлением внешней среды, нужно иметь в душе убеждения, которые бы противостояли давлению обстоятельств. Однако противопоставление совести внешним условиям, правовому регулированию привело в конечном счете к правовому нигилизму. В русском сознании глубоко засела мысль о преимуществах совести перед правом, о стремлении поступать не в соответствии с законом, а «как бог на душу положит».

Э. Кассирер критически относится к позиции Ф. Ницше, но проблему соотношения памяти и действия признает. Он считает, что наше сознание прошлого не должно ослаблять или уродовать наши активные силы: если его использовать правильно, сознание прошлого должно дать более свободный взгляд на настоящее и усилить нашу ответственность пред будущим. Человек проживает свою жизнь в постоянных усилиях выразить ее из желания бессмертия. Память общества — один из способов такого выражения. Человек стремится приобрести бессмертие и оставить о себе память на вечные времена. Но чтобы сохраниться в веках, произведение рук человеческих должно постоянно обновляться и восстанавливаться. В истории все произведения рассматриваются как осадки проявления жизни человека. Кассирер хочет восстановить их в первозданности, хочет понять и почувствовать жизнь, которая их породила. В этом отношении историческое мышление — это не воспроизведение, а сам действительный исторический процесс.

Дело в том, что человеческим произведениям грозит опасность потери значения, даже если в физическом смысле они сохраняются. Их реальное бытие не физическое, а символическое; такая реальность постоянно требует истолкования и переистолкования. Здесь-то и возникает, по Э. Кассиреру, проблема истории. Исторические объекты существуют лишь до тех пор, пока о них помнят. Акт припоминания должен быть непрерывным и продолжающимся. Чтобы овладеть миром культуры, нужно постоянно восстанавливать его в исторической памяти. Но удержание в памяти — не простой акт воспроизведения. Это новый интеллектуальный синтез — конструктивный акт.

Истолкование и переистолкование истории носит, таким образом, позитивный характер. Изменение исторического сознания, направленности и содержания воспоминаний влияют на историческую науку как хранителя исторической памяти социума.

Героический миф в символическом пространстве памяти. Историк-евразиец Г.В.Вернадский отозвался о деятельности своего соотечественника: «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа». Л.Н.Гумилёв отозвался об историческом выборе Александра Невского между Ордой и «западниками» как исключительном «политическом прозрении, основанном на глубоком патриотизме». Сегодня некоторые эксперты по национальной стратегии полагают, что в условиях военно-политических амбиций Папского Престола выбор западного вектора в XIII веке в геополитическом и цивилизационном отношении «означал бы утрату самостоятельности и самобытности России»[103].

В оценке методологии и источниковедческой методики исследования темы, а также в фактологическом её содержании мы опирались на выводы современного отечественного историка-русиста И.Д.Данилевского. Самостоятельное значение в этом отношении имеют исследования В.В.Долгова, Ю.В.Кривошеева и Р.А.Соколова. Концептуальным основанием нашей позиции по отношению к исторической личности Александра Невского выступают теории исторической культуры и коллективной памяти (М.Хальбвакс, П.Нора, А.Ассман и их отечественные последователи). В плане историографическом в последний период существенное стимулирующее значение имеет книга немецкого автора Ф.Б.Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000)»[104]. Она породила шлейф критических комментариев российских авторов.

Мы склонны подходить к области исторических феноменов, разделяя их на то, как оно «было на самом деле» и на отношение к тому, как было — на историю как реальность прошлого в свидетельствах-источниках (памятниках) и историю как представленность прошлого в актуальной памяти общества. Перед нами два различных, но связанных предмета научного изучения. Память понимается здесь не столько как свойство в нейрофизиологическом и когнитивном смысле, но как память о чём-то, что важно, что имеет ценность.

---

[103] *Сургуладзе В.Ш.* Заступник земли Русской (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Проблемы национальной стратегии. № 4 (61), 2020. — С. 186.

[104] *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Идея состоит в том, что при оценке деятельности Александра Невского следует различать — то, что происходило в действительности и то, что происходило с коммеморацией, — с тем способом, посредством которого укрепляется и передается коллективная память о прошлом. Соответственно, следует различать историческую науку, наполненную описаниями-реконструкциями, и историческое сознание, наполненное социальными ценностями. Историческая наука — это специализированная познавательная деятельность — в данном случае археография и археология. Историческое сознание есть разновидность общественного сознания, то есть коллективное сознание обращенного к себе общества (его самосознание). Коммеморация — это сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Социум сквозь призму своего прошлого пытается осознать себя в настоящий период его исторического пребывания. Разумеется, историческая наука включается в историческое сознание и взаимодействует с другими его элементами — социальной психологией и идеологией.

Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство единства и общности через разделяемое отношение к прошлым событиям. Коммеморативные практики направленны на формирование, трансформацию, актуализацию и де-актуализацию образов исторических событий и исторических личностей в культурной памяти общества.

Исследование летописных источников призвано установить, какие события действительно происходили с участием князя Александра Невского, а исследования исторической памяти нацелены на трансформацию образа полководца, политика, святого, занимавшего свое место в канонизированном ряду героев в последующие эпохи. В историческом сознании история, как реальность минувшего, адаптируется к массовому ощущению и восприятию и к политической конъюнктуре. Такая адаптированная версия имеет характер исторической мифологии, которая служит для самоидентификации любому народу[105]. Можно, следовательно, допустить, что коммеморация это конструирование форм поминовения, в основе которых лежит конструирование мифа.

---

[105] *Борисов Н. С.* Средневековая Русь в современных средствах массовой информации // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М.: Из-во МГУ, 2019. — С. 96.

Для коммеморации характерны несколько признаков — публичность, коллективность, ритуальность, распространенность, аксиологическая направленность и эмоциональность. Структуру коммеморации составляют три взаимосвязанных элемента: ядро (значимая личность, событие, место), символ (мифологема, создающая вокруг ядра образно-ценностное пространство, адресуемое социуму и моделирующая формы и способы его бытия) и функция (выполняемая задача, интеграция, идентификация, социализация, компенсация, накопление и др.)[106].

Основополагающие исторические мифы начинают формироваться в недрах нарождающихся европейских наций на рубеже Средневековья и Нового времени. Важной их частью стали нарративы о «героях» — символических фигурах, с которыми формирующаяся нация могла бы идентифицировать себя и персонифицировать положительные качества, которые сама себе приписывала. На роль героев «избирались» эпические вожди с харизматической аурой, успешно противостоящие агрессии со стороны внешнего мира.

О.В.Заиченко, вслед за Ф.Б.Шенком, удачно сформулировала краткую характеристику современного кейса об исторической фигуре Александра Невского: «Для русских самой важной фигурой национальной памяти стал — князь Александр Невский, разбивший в 1240 и 1242 гг. во главе новгородского ополчения шведов на Неве и рыцарей Тевтонского ордена на Чудском озере. Вне зависимости от того, как современники оценивали одержанные им победы, они стали восприниматься потомками как поворотный пункт национальной истории. Александр Невский не только спас русские земли от натиска шведов и немцев с Запада, и татаро-монгольского гнета — с Востока, но и защитил православие от притязаний католического Рима, объявившего крестовый поход против «истинной веры».[107] О реальной жизни Александра Невского до нас дошло очень мало

---

[106] *Шуб М.Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры, 2018. Т. 15, № 2. — С. 161.

[107] См.: *Заиченко О.В.* Трансформации национальных мифов о «Герое» в Западной и Восточной Европе (сравнительно-исторический анализ на примере нарративов об Арминии и Александре Невском // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II-й междунар. научн. междисцип. конференции. — Севастополь: филиал МГУ имени М.В.Ломоносова, 2019. — С. 226.

информации, что дает простор для его мифологизации». Для одних образ князя — это образ великого полководца, защитника земли Русской, для других — мудрого государственного деятеля, для третьих — это русский святой.

Вместе с тем, есть аргумент профессиональных историков об объективном значении полководческой деятельности Александра Невского — большой интерес русских книжников к Невской битве, который проявился в создании огромного количества текстов. Это само по себе — объективный факт. «Следовательно, именно в значении этой битвы для древнерусского общества сомневаться не приходится вне зависимости от её реальных масштабов»[108].

В исторических нарративах в завершение изложения традиционно формулируется тезис о значении деятельности исторической фигуры или события. Именно историческое значение феномена подвергается значительной трансформации или пересмотру. Поскольку дело касается коммеморации (предмета теории и философии культуры, в первую очередь), то тем самым подходим к более широкой социально-эпистемологической проблеме взаимодействия знания и культуры. Заметим, что такое взаимодействие касается любого знания, а не только исторического. Соответственно, возникает вопрос о дисциплинарном соотношении историографии и культурологии, что порождает специфические проблемы об уровне, характере и формах их взаимодействия. Иногда междисциплинарное взаимодействие историков и культурологов воспринимается и оценивается как подозрительное в отношении профессиональной компетенции авторов, реализующих такое взаимодействие. Между тем, в случаях осуществляемого взаимодействия уместным было бы использовать входящие в научный оборот междисциплинарные термины «историческая культура» и «историческая культурология».

Также нуждается в уточнении соотношение исторического исследования (профессионального исторического знания), основанного на источниках, и, с другой стороны, исторического взгляда определенной эпохи (социального исторического знания) на деяния Александра Невского. Два таких вида знания следует различать и в истории

---

[108] *Долгов В. В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. — С. 196.

исторической науки (в историографии). Одно дело, аналитический метод изучения источников по тому или иному событию и научная реконструкция, и другое дело, оценочное суждение об историческом значении того же события.

В данной связи, обратим внимание на две категории онтологического плана в понимании социально-исторической реальности — «сознательность» и «осознанность». Александр Невский, действовал, безусловно, сознательно. Он стремился достичь поставленных перед собой целей. Мы, однако, не должны забывать хрестоматийного марксистского тезиса о том, что преследующие свои цели люди получают зачастую не те результаты, на которые изначально рассчитывали. Это означает, что исторический деятель может руководствоваться в своей деятельности собственными мотивами и целями, обусловленными всей совокупностью конкретных обстоятельств. Получиться же может неожидаемый им результат, как это зачастую случается в делах ратных и политических.

Вместе с тем, сознательность не тождественна осознанности — преставлению о более глубоких смыслах того, что я делаю, делая нечто («благими намерениями выстлана дорога в ад»). В момент происходящих событий, далеко не всегда очевидны на века отдаленные последствия этих событий. Недаром провозглашаемое значение и роль содеянного современники пытались закрепить в прижизненных и посмертных архитектурных, скульптурных, литературных, живописных памятниках — глиняной клинописи, пирамидах, папирусе, летописях, житиях, топонимике и пр. Ясно, что исходные оценки событий и личностей меняются со временем не только в силу субъективных факторов, но и в их объективном значении.

Историков-исследователей волнует, насколько написанное соответствует тому, что было или могло быть, или нет. Историческую информацию, как полагает И.Д.Данилевский, можно разбить на три группы: 1) цитаты, с помощью которых даются оценки и характеристики; 2) верифицируемая информация, которая дает основу научного исторического построения, воссоздания прошлого; 3) уникальная информация, использование которой сводится к ответу на вопрос: могло ли так быть?

Вот пример источниковедческой верификации информации в научном исследовании об Александре Невском. Невская битва 1240 года вполне могла быть, но о ней рассказывает единственный

источник. Шведы об этом сражении, как правило, не упоминают. Шведы на Неве с места не сдвинулись, они даже лагерь, судя по всему, за месяц не укрепили. И если о Невской битве рассказывает уникальный источник, то Ледовое побоище описывают четыре независимых друг от друга древнерусских источника и пятый источник — немецкий. И все они хорошо подтверждают друг друга, позволяют нам выстроить весь ход событий, его основные моменты [109].

Героический миф оформлял идею борьбы, отстаивания нацией своего достоинства и независимости. В национальном мифотворчестве отмечается последовательность некоторых этапов. Первоначально рассказ об Александре Невском был частью религиозно-сакрального дискурса, основанного на житийной литературе, повествующей, начиная с 1280-х гг. о святом князе, принявшим в конце жизни монашество, и связанных с ним чудесах. Всего насчитывается до двадцати редакций Жития, датируемых XIII–XIX вв. В 1381 г. Александр был причислен к Лику Святых и до XVI в. оставался местным святым, прежде всего, монахом-чудотворцем, популярность которого со временем значительно выросла, выйдя за рамки Владимиро-Суздальской земли.

Начиная с XVI в. Александр Невский последовательно становился героем религиозного, династического, национального и имперского дискурсов. В период царствования Ивана Грозного увеличилась востребованность образа Александра Невского, уже не только монаха, но и воина, защитника православной веры. Он был канонизирован в 1547 г. на церковном соборе, созванном митрополитом Макарием и царем Иваном IV. На этом соборе к лику святых, были причтены многие русские чудотворцы, ранее почитавшиеся лишь в отдельных местностях. Из новгородского князя, регионального политического деятеля, Александр Невский, превратился в «вождя всего русского народа». Культ святого князя распространяется по территории влияния православной церкви. Одновременно (XV в.) он становится частью генеалогических преданий Московского государства как основатель московской династии Рюриковичей, которую венчала фигура Ивана IV.

---

[109] «Невская битва 1240 г. вполне могла быть, но о ней рассказывает единственный источник»: Интервью с И.Н.Данилевским // Историческая экспертиза. 2017. № 4. — С. 338–339.

Активизация мифа о «герое» Александре Невском приходится на XVIII век. Он стал одним из первых официальных небесных покровителей империи Романовых. В 1713 г. на левом берегу Невы была основана Свято-Троицкая Александро-Невская обитель (с 1797 г. — по указу императора Павла I — лавра). 15 июля 1724 г. Святейший Синод постановил писать святого Александра Невского не в монашеском облачении святого, а в воинских доспехах и царской мантии, подбитой горностаем; к его титулу добавлялось слово «великий». В результате образ Александра Невского обмирщается, инок уступает место полководцу и самодержцу и «встраивается в новую политическую знаковую систему, в центре которой находится институт императорской власти».

Был установлен новый день памяти князя — 30 августа, дата, связанная с Ништадтским миром 1721 года и победоносным завершением Северной войны. Летом 1724 г. мощи князя Александра Невского были перенесены из Владимира в Александро-Невскую лавру г. Санкт-Петербурга. Сегодня Русская церковь празднует память святого благоверного князя Александра Невского дважды в году — 12 сентября и 6 декабря по новому стилю, объединив две традиции почитания Александра Невского — допетровскую и новую имперскую.

В XIX веке культ князя приобрел черты государственного. Александр Невский занимает прочное место в учебниках по истории, а строительство храмов в его честь проводилось в широких масштабах. Соборы, церкви и часовни Александра Невского стояли по всему периметру государственной границы Российской Империи (Кобрин, Мстиславль, Пружаны, Бобруйск, Каменецк-Подольский, Батуми, Варшава, Двинск, Лодзь, Ревель, Тифлис, Асхабад, Баку, Рига, Псков, Ташкент, Термез, Фергана, Самарканд, Вильно, Гродно, Гянджа, Минск) и за рубежом (Париж, София, Биарицц, Копенгаген, Белград, Штутгарт, Потсдам). Александр стал олицетворением триады «православие — самодержавие — народность». Князь Александр Невский был духовным покровителем царя Александра III.

В результате крушения Российской империи после первой мировой войны героический нарратив об Александре Невском подвергся процессу демифологизации, сопровождавшемуся полной утратой сакрального смысла (1917–1937 гг.). В 1990-е гг. в ходе трансформации национальной государственности, поиска коллективной идентично-

сти в России наблюдается возрождение прежних мифов и попытка создания на их основе нового героического нарратива.[110]

Образ великого князя сегодня запечатлен в обширном перечне храмов и памятников по всей России. Конный монумент небесному покровителю Санкт-Петербурга Александру Невскому установлен на площади имени Александра Невского перед входом в Александро-Невскую Лавру. Памятник выполнен по проекту скульптора Валентина Григорьевича Козенюка. Открытие состоялось 9 мая 2002 года.

В результате рассмотрения приведенных теоретико-методологических позиций о феномене Александра Невского, имеющихся в современной отечественной литературе, можно констатировать напряженность поисков актуальных объяснений всё возрастающего его значения в исторической культуре профессионального и символического пространства России.

1.4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Как в своё время сказал К. Ясперс, «прошлое содержится в нашей памяти лишь отрывками, будущее темно. Лишь настоящее могло бы быть озарено светом»[111]. П. Рикёр, рассуждая о соотношении истории и истины, пришёл к выводу о том, что «настоящее, прошлое и будущее диалектически взаимосвязаны»[112]. А. Эйнштейну приписывают высказывание о том, что разделение между прошлым, настоящим и будущим всего лишь иллюзия, — в том смысле, что, с точки зрения физики эти линии времени существуют одновременно. При всей разнице подходов, мы видим, что эти высказывания могут быть объединены хорошо знакомым тезисом: без осознания прошлого не может быть устремления в будущее, и, следовательно, понимания настоящего. Этот тезис, в свою очередь, относит нас к проблематике памяти как наследования исторического опыта.

В эпоху утраты традиции встаёт вопрос о качестве трансляции прошлого, о его актуальности в системе преемственности поколений. О его подлинности, наконец. Но в любом случае, когда речь заходит

---

[110] См.: *Заиченко О. В.* Указ. соч. С. 228.

[111] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 141

[112] *Рикёр П.* История и истина. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 13

об исторической памяти, необходимо, прежде всего, попробовать осмыслить это понятие в культурно-историческом контексте. Только так можно будет понять как логику его становления, так и определить его отношение к современности. А затем, комплексно рассмотрев проблематику, уже следует поставить вопрос о преемственности в современной культурной ситуации.

Концепция исторической памяти соотносится с понятиями культурной памяти и коллективной памяти, что уже показывает её актуальность для мироощущения того или иного социума, возводя её в ранг одного из важных социальных институтов. До XIX в. она ещё не конкретизирована, и только в его первой четверти получает концептуальное оформление, связанное с идеализацией прошлого. А в современных условиях, когда ставится «под сомнение само понятие исторической реальности»[113], историческая память, связанная с историей культуры, становится средством сохранения сознательного человеческого творческого присутствия в культурно-историческом поле.

То есть, историческая память — концептуально оформленное понятие, актуальное для современности, и, по историческим меркам, столь же современное. Однако, как уже было сказано, чтобы осмыслить его, понять его истоки — необходимо, в рамках поставленной задачи, обратиться к корневым смысловым основам, насущным для всей культуры европейского типа в целом. Только так можно будет, с одной стороны, понять его неразрывную связь с человеческой ментальностью, конструирующей эту культуру в общей сложности, а с другой — разобраться с тем, насколько это важно для понимания структурированного знания, выстраивающего смысловую канву мироощущения социума европейского типа.

Ж.-Ф.Лиотар называет это структурированное знание «метарассказом», и, формируя свою теорию постмодерна, говорит о том, что испытывает «недоверие в отношении метарассказов»[114]. Действительно, традиционное знание, обозначенное таким образом у Лиотара, как форма соотнесённости с основами мироустройства, и включающая в себя многие традиционные концепты: науку, рели-

---

[113] *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — С. 3.

[114] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — СПб.: Алетейя, 2014. — С. 10.

гию, искусство, — подвергается сейчас ревизии и критическому анализу. Однако, в рамках данного исследования, мы попытаемся смотреть на традицию, как на смысловое поле, возможности которого ещё далеко не исчерпаны, и в котором сохраняются актуальность и перспектива.

Прежде всего, мы будем исходить из того, что процессы, происходящие в социуме, всегда определяются культурой. Культура же, изначально связанная с принципом ментальности, предполагает различную фиксацию гуманитарного опыта. Тут мы можем говорить о совокупности значений, восходящих к области сознательной символической фиксации прежде всего психических и социальных условий для появления устойчивых семиотических связей в коммуникативной позиции членов социальной группы. В силу этого начинает развиваться способность людей совместно генерировать значения, то есть сигнификация, в процессе которого, согласно Л. Антолли, происходит «разработка **естественного языка** *(выделено в источнике* — Курсив автора*)*, который позволяет членам сообщества выражать значения и собственные коммуникативные намерения»[115]. Естественный язык, в данном случае, это «сеть значений, которая, будучи лексическим репертуаром, определённой грамматической и синтаксической структурой и системой прагматических тезисов, позволяет собеседникам разделять и участвовать в определённом взгляде на мир, эмоциональном опыте и персональной идентичности, занимать определённую позицию в сообществе, а также определять собственные отношения с другими людьми»[116]. То есть, если в этой связи говорить о сознательной рефлексии, то здесь культура, как система значений, так и как преемственность смыслового опыта, становится во многом связанной с полем информативной функции текста. А отношение к тексту, как «телу» «сознательной» культуры, во многом становится определяющим для определения места смыслообразования в жизни социума.

История культуры, как история ментальностей, даёт нам картину, которая позволяет осознавать и сознательно подходить как к опыту человека определённой культуры, так и к анализу современности, предполагающего фокусировку символических параметров соответ-

---

[115] *Анолли Л.* Психология культуры. — Харьков: Гуманитарный центр, 2016. — С. 227.
[116] *Там же*. — С. 228

ствующих эпох и, соответственно, анализ смыслообразования в общественных структурах, как когнитивного опыта человека каждого времени. Отсюда становятся видны зависимости, влияния, преемственность и другие параметры, актуальные для исследования и сопоставления культурных периодов.

Например, современная культура во многом определяется процессами, произошедшими во второй половине XIX — XX веках. Ситуация постмодернизма, массовая культура — всё это следствие данных процессов. Эти процессы во многом определяются трансформацией смыслообразования, вытекающих из отношения к фиксации гуманитарного опыта в поле информативной функции текста — от традиции до, в том числе, и форм, которые пытаются противоречить текстуализации культуры (в этом случае — от «метанарратива» до дискурса, понятие о котором становится актуальным в последнее время). Вопрос об отношении современности к тем или иным фазам трансформации становится дискуссионным, но, тем не менее, он остаётся очень важным для того, чтобы не просто понять принципы синтеза смыслов в социальной жизни, но иметь представление о том, какими смыслами определяется отношение между индивидуальным и общественным в современном социуме (в том числе и по отношению к прошедшим эпохам).

Ж.-Ф. Лиотар говорит о недоверии к метанарративу. Но мы можем сказать, что человек культурный, до определённых времён всегда ориентировался на «метарассказ». Даже в наше время есть устойчивая тенденция считать, что всё, что связано со знанием о мире и обществе, зафиксировано в некоем опыте поколений, представляющем корпус своего рода сведённых в единое представлений, положений и тезисов, с помощью которых можно ориентироваться в происходящем и на которые можно ссылаться. Но Лиотар пишет о том, что изменяется статус знания, и что эту трансформацию нужно рассматривать «применительно к кризису рассказов»[117]. Далее речь идёт о конфликте науки и «рассказов», в котором поиск истины противостоит скрытому вымыслу, зафиксированному в традиционных источниках. В этом конфликте мы видим ситуацию современного смыслообразования, склоняющегося к релятивизму в оценках концептуальных конструктов социальной жизни. С одной стороны, научность подхода может

[117] *Лиотар Ж.-Ф.* Указ. соч. С. 9.

дать нам ощущение поиска закономерностей, но с другой — исчезает то, что мы образно можем назвать системой координат в чисто общественных ситуациях, например, в области морали. «Метарассказ» тоже может давать вариативность, но она не отменяет присутствие объединяющей силы — того, что не даёт социуму распасться на плоскости, не связанные друг с другом. То есть, привести к тем обособлениям, которые «прокладывают путь эмансипации от архаичных зависимостей»[118]. В любом случае социальная интеграция соотнесена с многовековыми устоями разумной человеческой жизни, как архаической, так и критической, и здесь и то, и другое опирается на текст — не обязательно оформленный графически, но в основе своей представляющий собой тот самый лиотаровский «метарассказ».

У человека первобытного это миф. У античного человека архаический миф начинает плавно перетекать в философские доктрины, которые тоже можно обозначить, как «великие рассказы», и в которых начинается то, что мы можем назвать поиском истины. Поиском, не всегда вызывающим доверие, но всегда привязанным к понятию «мировой судьбы», как способу бытия. Оптимальность смыслообразования, актуальная для социума в целом, выходит в античности именно из этого.

Священное Писание, актуальное для человека средневековой культуры, тоже выступает в качестве метанарратива, по отношению к которому может быть вполне оправдано недоверие. Но в средние века это тот текст, согласно которому каждый выстраивает не только свою собственную жизнь, но который, вне всяких сомнений, выступает как интеграционное начало, придавая общественной жизни определённые форму и смысл.

Эпоха Возрождения даёт европейскому миру новые «великие рассказы», — противоречащие во многом Св. Писанию и уже вносящие в европейскую жизнь, вместе с началом секуляризации, некую двойственность. Но, несмотря на эту двойственность, тексты ещё фигурируют, как феномены, по отношению к которым доверие ещё испытывается.

Это доверие проходит и через кризис гуманизма, подвергаясь ревизии в новоевропейскую эпоху, когда появляется систематическая

[118] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. — М.: Весь Мир, 2008. — С. 93.

наука, и впервые намечается конфликт между наукой и рассказом. Однако позиции рассказа ещё сильны, и в эпоху Просвещения он становится одним из основных средств утверждения нового мировоззрения. Публицисты-просвещенцы всерьёз пытаются уничтожить остатки метафизики, создавая свои чисто позитивистские доктрины. Их тексты принимаются всерьёз.

Немецкая классическая философия — это тексты, которые до сих пор многими воспринимаются серьёзно. Это последний всплеск философской мысли. По времени он практически совпадает с последним всплеском великой культуры.

В этот период текст становится разновидностью отдушины, показывающей человеку кусочек неба. Неба, которого достичь невозможно, которое можно созерцать только умозрительно. Но которое, по сути дела, и есть картина далёкого истинного мира. Истинного человеческого мира, поскольку человек, вынужденный жить в трёхмерной реальности, не приспособленной к духовному аспекту человеческой природы, принадлежит по праву другим мирам.

Столкновение в XIX в. просвещенческого и романтического начал тоже влияет на этот процесс. Как влияет и появление новой категории «nihil»– «ничто». Вдруг, из кажущегося единства, или, на худой конец, двойственности, появляется целый спектр философских и художественных воззрений. Это именно воззрения, а не стили. Романтизм, классицизм, реализм, натурализм, нигилизм, неоромантизм и. т.д. Философия, литература, живопись — всё начинает меняться и дробиться на множественность идей и стилей.

Это тоже можно рассматривать в контексте отхода от метенарратива. Текстовая основа ушла, коллективное же бессознательное осталось. Но человек уже потерян — оказывается, метанарратив очень важен для него. Появляется философия экзистенциализма, появляются попытка что-то склеить и вернуть. Это приводит к появлению модерна, защитником которого позже выступит Ю.Хабермас. Но положение лишь усугубляется, и так происходит до сих пор.

Модерн пытается создать иллюзию нового видения, «новой цельности», пусть и основанной на множественности трактовок. Это плохо ему удаётся. Ситуация заходит так далеко, что доверие к тексту полностью утрачивается. И, в середине XX в., начинает наступать эпоха постмодерна. По сути дела, в этом новом положении вещей начинают вызревать многие культурные феномены: театр абсурда,

контркультура и т. д. Некоторые из них, также как модерн, пытаются создать иллюзию нового видения, «новой цельности», но на деле всё оборачивается тем, что рушатся все прежние устои. Их больше нет.

Нет текстов, из которых следовало бы (хотя бы в двух словах) что такое хорошо и что такое плохо. Следовательно, без текста нет ни хорошего, ни плохого. Всё дело в субъективной оценке. Поэтому, в принципе, абсолютно всё имеет право на существование.

Кое-какая разновидность если не метанарратива, но текста, сохраняется. Теперь его называют дискурс. Это своего рода текст, но этот текст творит сам себя, и не принадлежит никому. Наоборот, мы все принадлежим ему, а он, имея «бытийный образ присутствия»[119] как хочет, оперирует нами.

«Великие рассказы» при этом остаются, но к ним, в ситуации постмодернизма, возможны только два легитимных отношения: это либо исследование, либо дискредитация. Либо дискредитация в ходе исследования. То есть, по сути дела, это выведение текста из смыслового поля и придание ему статуса объекта наследия, потерявшего актуальность. В этой ситуации человек представляется себе индивидом, вырвавшимся из поля традиционной культуры и ставшим абстрактным «гражданином мира». Всё, что в этом мире происходило раньше, относится уже не к нему, а к чему-то или кому-то, пусть и в чём-то интересному, но постороннему. И, глядя назад во времени, он не видит там того, с чем мог бы связать своё собственное современное существование. Понятие традиции становится в этом случае условным и в чём-то архаичным. Так ли это?

Архаику часто ассоциируют с мифом, но миф — это «совершенно необходимая категория мысли и жизни, далёкая от всякой случайности и произвола»[120]. Человек так или иначе вынужден жить в мифе, чем бы не определялось его содержание. Историческая память — тоже разновидность мифологии, но это в то же время сознательное творчество, позволяющее сохранять поле культуры и квалифицированно осмысливать мотивацию поступков современного человека, исходя из анализа прошлого, как результата поступательного развития социума, актуального в том числе и для современности. Здесь мы видим традицию как таковую. Без обращения к традиции

[119] *Хайдеггер М.* Бытие и время. — СПб.: Наука, 2002. — С. 166.
[120] *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. — М.: Мысль, 2001. — С. 36.

и без соотнесения себя с ней не может быть концепта исторической памяти, а без него жизнь во времени становится перцепцией, лишённой осознанности восприятия. В данном случае осознанность восприятия касается того, как мы понимаем реальность с точки зрения смыслообразования.

То есть, отношение к традиции должно быть осмысленным. Но здесь необходимо учитывать определённые нюансы развития. Доличностная архаика, например, даёт нам прецеденты, относящие нас к осознанию памяти о значимых событиях, но в то же время не даёт нам проекции осмысленной связи времён, имеющей значение для общества в целом. И только с появлением у человека критического мышления и, соответственно, проблематики соотношения индивида и общества — то есть, во времена возникновения социума как такового, обращение к исторической памяти, как одной из основ, цементирующих общество на сознательной — личностной — основе, начинает иметь место. Тем более, что «в основе понимания исторического процесса лежат коммуникативные практики»[121]. Именно в контексте этих практик появляется устойчивое чувство каузальности истории, уверенность в том, что социальное прошлое определяет и конструирует социальное настоящее.

Концепция социума возникает в античности как осмысленная идея объединения людей в единую структуру, подразумевающую не просто архаическую принадлежность к единству бытия, но взаимодействие на основе детерминант, определяемых межличностными отношениями в поле доктрины полисного устройства. Главным здесь выступает взаимосвязь коллективного и индивидуального. Отсюда выходят социокультурные принципы общественной пользы в её связи с личным мироощущением. И, соответственно, концепции организации определённых условий для достижения общественной солидарности. То есть, можно сказать, что социальное со времён Демокрита и Аристотеля ориентировано на сознательное достижение оптимального смыслообразования для определения, в первую очередь, общественной пользы и перспектив развития общественного взаимодействия. Концепции исторической памяти, в её кодирован-

[121] *Рядинская М. В.* Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2010. № 2 (18). — С. 160.

ном оформлении, мы ещё не видим, однако вокруг мифологических представлений о неразрывной связи с родом, соответствии ритуалу, табуированности бытия и почитании предков выстраивается новое мироощущение, основанное, в первую очередь, на личностном восприятии общественной жизни.

У Геродота мы находим знаменитый (пусть и гипотетический) диалог Солона и Крёза в Сардах. Этот отрывок, правда, относит нас к теме судьбы в античной культуре, и, соответственно, к теме счастья, как её понимает грек 5 века до н.э., но Солон, преследуя свои цели, сам не ведая того, словами Геродота, говоря о счастье Телла, даёт нам одну из первых концепций исторической памяти — ценность прошлого, проецируемую на смысл настоящего. Здесь мы читаем о том, что «Телл жил в цветущее время родного города»[122], что «во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элексине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью».[123] А далее идёт очень важная информация о том, что афиняне «устроили ему погребение на государственной счёт на месте гибели, оказав этим высокую честь»[124]. Важна она тем, что погребение состоялось «на государственный счёт», и мы видим здесь не только уважение к памяти падшего соплеменника. Нам становится понятным то, что полис этим погребением обозначает связь социального и личностного в поле единых представлений о фигуре героя и гражданина. Это уже не просто ритуал, а общественно-полезное дело. Акт создания мемориала, как семиофора, то есть объекта, которому, в данном случае, уже придаётся особое значение для увековечивания в памяти потомков как конкретного гражданина полиса, так и славного прошлого вообще, актуального для воспитания гражданского чувства.

Сам Солон, рассказ которого приводится в книге Геродота, выступает для него в том же качестве. Геродот живёт в V веке до н.э., Солон — человек VII–VI вв. до н.э. Для Геродота он — представитель прошлого, с которым связано настоящее, великий реформатор и законодатель, — то есть фигурирует в качестве знакового персонажа, которому придаётся особое смысловое значение. И хотя Геродот родом не афинянин, в целом греческий мир уже представляет собой

[122] *Геродот*. История. В 9-ти кн. / Пер. Г. А. Стратановского. — М.: АСТ: Ладомир, 2001. — С. 15.

[123] Там же. С. 15–16.

[124] Там же. С. 16.

культурное единство, для которого необычайно важно чувствовать свою гражданскую общеэллинскую причастность к прежним великим делам, кого бы из греков они конкретно ни касались.

О становлении осмысленной связи с прошлым нам говорят и артефакты греческой античности. Со времён архаической Греции, — периода, приходящегося на становление полиса, мы видим скульптуру, относящую нас к славным событиям прошлого. Если не считать изображений богов, а брать только событийный ряд скульптуры, то поначалу это сюжеты мифологического характера, — например, Персей, убивающий Медузу или похищение Европы, но постепенно, к временам классической Греции в скульптуре появляются сюжеты, анализирующие славное прошлое греческого мира. От сцен, где греки сражаются с амазонками — то есть тоже ещё мифологической линии, деятели греческого искусства переходят к исторической конкретике. Например, в V в. до н.э. в Афинах создаётся мемориал в виде классического греческого здания, известного как Расписная Стоя, где, в виде изображений, были уже представлены и Марафонская битва, и битва при Эное, и битва на острове Сфактерия. Можно сказать, что в греческой античности начинается становление исторической памяти, как ретроспективного подхода к былым событиям в их воздействии на проблематику настоящего. Это уже внятное, но всего лишь начало формирования исторического мировоззрения, в котором память становится сознательным обращением к прошлому. Здесь начинается тот самый метарассказ в осмыслении своего прошлого, отделённый от вневременной архаики. Причина и следствие находят своё единство на новых основаниях.

Несколько позже римские реалии дают нам уже более отчётливую картину, поскольку Рим — это, в первую очередь, государство, осознающее себя таковым, и, в силу этого, ориентированное на сознательную преемственность прежнего величия в перспективе своего будущего. Например, в III в., накануне празднования 1000-летие Рима, римский сенатор Гай Азиний Квадрат написал пятнадцать томов истории государства — от основания Вечного Города до правления императора Александра Севера, обозначая этим сознательную преемственность, оторванную от абстрактной связи со стариной, а структурированную во времени м связанную с конкретикой достижений. А в 248 г., при императоре Филиппе I, когда, собственно, и праздновали круглую дату, была выпущена серия юби-

лейных монет с надписью «SAECVLVM NOVVM», то есть «Новый век». То, что X век римской истории сменяет век XI-й, было важно. Но ещё важнее то, что здесь чувствуется связь, осмысление и преемственность того, что на тот момент составляло славное прошлое Рима, особенно актуальное для империи, которая стала входить в полосу кризиса, а в такие моменты всегда хочется утвердить настоящее через прежние достижения.

Мы видим, что античность уже даёт нам осмысление движения социума во времени, связанное с гордостью былыми временами. С этого периода берёт начало процесс, связанный с осмыслением истории как движущей силы, которая объединяет людей, в едином сознательном порыве идущих своим собственным путём.

Этот процесс, как уже указывалось выше, можно проследить и в следующие за античностью эпохи, но нас, конечно, в связи с исторической памятью, интересует наше время.

В первую очередь нас интересуют исследования, касающиеся нашей собственной истории, особенно в современной ситуации, когда трактовки прошлого имеют тенденцию к вариативности.

Вариативность создаёт видимость альтернативного подхода к истории, многоаспектность которого начинает говорить о проблематике прошлого. В этом, на первый взгляд, нет ничего страшного — здесь, например, становится возможным герменевтический подход, который в исследовании прошлого зачастую полезен, так как он отрицает идеологические клише, спекулятивность и предвзятость, выводя их за скобки исследования. Говоря о соотношении герменевтики и традиции, П. Рикёр пишет о том, что «мы интерпретируем, чтобы высветить, продлить и тем самым поддержать жизнь традиции, в которой сами пребываем»[125]. Однако это справедливо для добросовестного эксперта. Если же подход к проблематике прошлого тенденциозен, то на выходе он даёт релевантную оценку, позволяющую оценивать прошлое в зависимости от изначально ожидаемого результата. То есть проблематика соотнесённости с прошлым здесь начинает носить дискуссионный характер, что создаёт видимость поиска истины, но в то же время разрушает связь времён, как осмысленную парадигму преемственности поколений.

---

[125] *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Академический проект, 2008. — С. 67.

Здесь опять появляется проблематика соотношения «метенарратива» и дискурса. То есть, вопрос методологии мемориальных исследований в области коллективной памяти становится полемичным, перетекающим в чисто дискуссионную плоскость, и теряя при этом фактор вовлечённости и причастности. Историческая память становится вариативным знанием, определяемым чисто внешними историографическими аспектами, и перестаёт быть связанной с конкретикой и памятью как таковой. Релятивизм постмодернистской ситуации начинает отрицать преемственность, и создаёт ситуацию отстранённости и непричастности.

Можно вспомнить и о ситуации массовой культуры, которая, начиная с XX в., становится всё более устойчивой, стремящейся к преобладанию в европейском культурном пространстве, и в которой, кроме всего прочего, происходит отрыв огромных народных масс от текста, от своего сознательного неархаичного мифа, от своего исторического предания. В этой ситуации начинают возникать «такие бинарные оппозиции, как общество — масса и субъект — массовый человек»[126], выражающие противоположность подлинного и неподлинного. По отношению к прошлому эта бинарность тоже даёт противоположные типы рефлексии: субъекта, так или иначе, интересует его прошлое и связь с ним, массовый человек, более тяготеющий к другим смысловым категориям — развлечениям, материальному достатку и пр., историю, как иллюстрацию прошлого, относит либо к области критики, либо к области развлечений. И в том, и в другом случае возможны разные варианты и подходы. Субъект в современных условиях вариативности и релятивизма вполне может попасть в ситуацию разрыва «настоящего с прошлым»,[127] но у «массового человека заблаговременно отбита историческая память, выхолощено прошлое»[128]. К тому же массовый человек, как принято говорить сейчас, начинает «расчеловечиваться», происходит возврат не только к доличностным ментальным мотивам, но и к «доморальному» сознанию, не предполагающему не только сознательного осмысления прошлого, но и осмысления своего бытия вообще. Поэтому дискуссия по отношению к прошло-

[126] *Ильин А. Н.* «Массовый» человек: его сущность и условия возникновения. // Вестник Омского университета, 2009. № 4. — С. 51.

[127] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. — М.: АСТ, 2008. — С. 38.

[128] Там же. — С. 183.

му начинает восприниматься обществом, как абстрактная полемика, не имеющая отношения к действительности. Возврата к архаическому мифу не произошло, сознательная концепция исторического пути тоже исчезает, заменяясь мифом о свободном самодостаточном человеке, имеющем в общем для всех мире лишь экономическую проекцию, и не обязанного никому и ничем в исторической ретроспективе.

В то же время коллективное бессознательное продолжает формировать в социуме архетипы коллективной памяти. Тоска по прошлому проявляется, например, в тяге к классическому наследию (по методу отбора из ряда произведений искусства тех образцов, которые ещё понятны для массового человека), к псевдонизовой культуре, к спекулятивным историческим сюжетам, имеющим отвлечённый характер. То есть, на уровне коллективного бессознательного в современном массовом человеке присутствует образность, фрагментарно отражающаяся и на его концепте своего собственного бытия. А лингвокультурологически оформленная полиапеллируемость этого концепта, как моста «между миром мысли и миром бытия»[129] стала превращаться в отвлечённую неопределённость. Отсюда, если мыслить о концептуальном оформлении жизни, происходят не только начала экзистенциализма, но и философия постмодернизма вместе с недоверием к рассказу.

Современная ситуация всё более и более определяется как кризисная, требующая переосмысления связи личной памяти человека с коллективной памятью и традиционным мышлением. Как же в этой ситуации выстраивать не только поле исследований исторической памяти как таковой, на уровне абстрактной научной доктрины, (что, вне всяких сомнений, создаёт ситуацию научного поиска и концептуальной аргументации в современном гуманитарном знании), — но и придать исторической памяти общественную значимость в условиях дезориентации в культурном пространстве, когда «культура больше не создаётся для длительного существования»[130], когда «неприметно произошло нечто чудовищное: распад всех авторитетов, радикальное разочарование горделивого доверия к разуму, разложе-

[129] *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004. № 1. — С. 30.

[130] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Культурная революция; Республика, 2006. — С. 135

ние всех связей, которое, казалось бы, делает отныне возможным всё, абсолютно всё»[131]? Настоящее, в лице многих своих представителей, зачастую не способно осмыслить само себя, поскольку «именно оно оказывается непроницаемым, ибо ясным оно было бы лишь при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе»[132]. То есть, К. Ясперс здесь подтверждает хорошо известную формулу: понимания настоящего не может быть без понимания будущего. Историческая память выступает здесь как неотъемлемый аспект формирования мировоззрения, а также способствует социализации, исходя из чего, обращение к исследованиям в области исторической памяти становится важным в рамках социогенетического подхода к развитию личности.

Прежде всего, надо избежать предвзятого подхода к проблематике. Релевантный подход к прошлому, какими бы целями он не был оправдан, не даст нужного результата. Обращение к прошлому должно быть сознательным, «со всеми его плюсами и минусами, негативным и позитивным содержанием»[133]. В любом случае, формирование исторической политики должно исходить из методологии мемориальных исследований. В нашей ситуации — в соответствии с отечественной исследовательской традицией. Она, в свою очередь, может в методической плоскости относить нас к зарубежным мемориальным исследованиям, тем более что основоположником исследований в области исторической коллективной памяти выступает французский философ и социальный психолог М. Хальбвакс, который, отталкиваясь от семейной памяти и приходя к памяти больших социальных групп, объединённых общими ментальными установками, а также социальных институтов, начинает говорить о коллективной памяти как таковой, и которая у него позволяет «сплотиться, объединиться в воспоминании»[134]. И эта память «сохраняется толь-

---

[131] *Ясперс К.* Разум и экзистенция. — М.: Канон+; РООИ реабилитация, 2013. — С. 11.

[132] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 141

[133] *Сидорова Л. О.* Педагогические условия воспитания исторической памяти у молодёжи в учреждениях культуры: концептуальный подход: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. — М.: Изд-во МГИКиИ, 2012. — С. 16.

[134] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 197.

ко в сознании той группы, которая её поддерживает».[135] Но тот же Хальбвакс говорит о коллективной памяти, как средстве «сохранения подлинной истории»[136], поэтому задача герменевтического подхода к мемориальным исследованиям становится особенно актуальной.

Кроме актуальности (что неоспоримо), необходимо выработать подход к проблематике. Ведь обращение к подлинности истории, в нашем случае, должно исходить из научных исследований, но, в то же время, преследовать цели социализации в рамках социогенетического подхода к развитию сознательного члена общества, свободно находящего себя в исторической системе координат культуры, которой принадлежит по праву рождения. Наука должна соединиться с чувством культуры. Об исторической памяти мы можем здесь говорить, как о «важнейшем факторе самоидентификации»[137], как этническом, так и социальном.

В случае соотношения с нашей собственной историей мы, прежде всего, должны обратиться к собственному историческому сознанию в его поступательном развитии. Когда оно возникает, как развивается и когда становится «поэзией истины»[138], являя начало сознательной историографии.

Мы можем сказать, что «историческое и этническое массовое сознание в древней Руси возникает […] во второй половине XIII — начале XIV в.»[139], вместе с появлением самоназвания «русские» или «русины». Можем указать XV–XVI вв., как время закрепления русской мифологии в коллективной памяти, и XVI–XVII вв. в связи с темой «создания истории России в Посольском приказе»[140]. Но самоназвание не даёт нам устойчивого и осмысленного «взгляда назад», мифология в XV–XVI вв. выступает «плодом исторического воображе-

---

[135] *Соколова М. В.* Педагогика исторической памяти: границы понятия // Ярославский педагогический вестник, 2013. № 1. Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 92.

[136] Там же. С. 92.

[137] Там же. С. 92.

[138] *Гайм Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. — СПб.: Наука, 2006. — С. 782.

[139] *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Направление исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2, 2014. — С. 108.

[140] Там же. С. 109.

ния»[141]. Даже создание истории России в Посольском приказе было вызвано скорее необходимостью упрочения международного значения Русского государства, и вряд ли имело отношение к memory studies, то есть к мемориальным исследованиям. И только в XIX столетии мы видим, как история в России «сделалась как бы основанием и единственным условием всякого живого знания: без неё стало невозможным постижение ни искусства, ни философии»[142], что сразу показывает нам начало настоящего культурологического поиска. Системного исследования ещё нет, но уже начинается то, что мы можем назвать попыткой рассмотреть себя в исторической ретроспективе с точки зрения именно национального прошлого.

Первая половина XIX в. в этом плане актуальна не только для России. Вся Европа вдруг озаботилась тем, что можно назвать национальным чувством. И в первую очередь это связано с романтизмом — культурным течением, возникшим в конце XVIII в., и явившим новое мировоззрение. Оно становится интересным нам в свете размышлений о механизме исторической памяти, как сознательных ретроспективных ассоциаций в своей собственной культуре.

Историзм романтического течения, в его изначальном — немецком — варианте, оттолкнувшись от исторической точки зрения на развитие поэзии, поисков «романтического» в произведениях древних мастеров, поначалу нашёл то, что «у древних писателей историческое изложение примыкало к поэтическому и в особенности к эпическому»[143]. Затем Геродот, Фукидид, Полибий — становятся у них драматургами театра событий, рисуя перед читателем «мировую драму»[144]. Затем следует восхищение средними веками и ревизия ренессансного гуманизма и Просвещения — и мы здесь уже видим не что иное, как герменевтические поиски в исторической проблематике.

С этого начинаются рассуждения о немецкой древности, в которой Ф. Шлегель считает точкой отсчёта эпическую «Песнь о Нибелунгах». Шлегель исследует, «в какой мере до сих пор сохранилась немецкая […] мифология»[145], размышляет о средних веках

[141] Там же. С. 109.
[142] Там же. С. 109.
[143] *Гайм Р.* Указ. соч. С. 771.
[144] Там же. С. 782.
[145] Там же. С. 761.

как об «умственном развитии новейшей Европы»[146], сожалеет об исчезновении «европейско-христианского патриотизма»[147], — то есть романтизм из XIX века начинает мерить свою современность героической мифологией средних веков. «Песнь о Нибелунгах» становится немецкой «Илиадой», Карл Великий начинает выступать примером для обсуждения негодности системы государственного управления в конце XVIII в. А Ф. Шлегель, из средневековья смотря на историю Пруссии, становится «проповедником политической мудрости и национального прогресса»[148].

При всех болезнях роста, романтическое течение в этой новой историографии стало впервые создавать концепцию, которую можно сравнить с чувством исторической памяти. В случае с немецким романтизмом начал рождаться национально-исторический миф, как «некий сверхобраз, сверхвыражение того, что содержит природа и история»[149]. И если учесть то, что в немецком романтическом мире того времени был дан лишь импульс, положивший начало подобным изысканиям во всех европейских странах, мы находим объяснение тому, почему XIX в. в России становится точкой отсчёта нашей собственной традиции в поисках исторического самосознания. И видим, например, полемику западников и славянофилов в чисто романтической плоскости.

Как было указано выше, концепция М. Хальбвакса, переводящая понятие исторической памяти в научную плоскость, появляется лишь в 30-е гг. XX в. Но формирование понятия исторической памяти как осмысленного отношения к прошлому начинается именно в недрах романтического культурного течения. Конечно, можно сказать, что в романтических историографических поисках был сформирован очередной миф, не имеющий прямого отношения к науке. Но если мы представим себе миф, как ретроспективу без поиска и попытки осмысления, то можем сказать лишь то, что в этом статическом мифе нет события. Есть застывшие образы, есть форма, которая выступает в качестве содержания. Наука же начинает конкретизировать, и в исследовании появляется событийный ряд, который относится к прошлому, но осмысливается в настоящем. Появляется проблематика, связанная с сопоставлением настоящего и прошлого.

---

[146] Там же. С. 761.

[147] Там же. С. 763.

[148] Там же. С. 783.

[149] *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. — СПб.: Азбука-классика, 2001. — С. 47.

Миф, как ретроспективу, можно сравнить с памятью как таковой, которая изначально статична и даёт картину прошлого, как целого. Наука — в данном случае историческая — начинает активизировать память, фокусируя её в соответствии с научной мыслью, в которой прошлое проявляется, как переосмысленная информация. Прошлое, которое виделось мифологическим зрением, может предстать совершенно другим после научного к нему подхода.

Романтизм не довёл своё стремление воспроизвести прошлое в мысли начала XIX в. до этого чисто научного подхода. Но в результате опыт осознанного обращения к прошлому, его объективация и соотношение с современностью становится существенной частью гуманитарной проблематики. Но романтизм предпринял важную попытку осознать историю, даже если исходил из придания ей статуса движения бытия в его диалектическом противоречии. Этот «динамически-стихийный образ истории»[150], в котором «всё динамическое предстаёт в некой вторичной «застылости»[151], где «понятия приобретают свойства чего-то извечного и скорее выражают своеобразную и неизменную геометрию бытия в его развитии, чем свойства самого бытия в его движении»[152] — конечно, являет не до конца преодолённую статику мифологии, но выводит на первый план очень важную доминанту. В этой цикличности статического бытия начинает фигурировать одухотворённая творческая личность, способная осознать действие этого мира как противоборство крайностей, выраженных в романтической концепции понятиями прозаического и поэтического. И эта творческая личность, в своём творчестве (как бы это творчество не проявлялось), преодолевает этот «разрыв бытия»[153], представляя собой художника, — своего рода жреца, восстанавливающего «утраченное единство мира». Этот художник, можно сказать, не состоялся бы без опыта художника эпохи Ренессанса — в своей природной божественности они схожи между собой. Но эта божественность различна. Художник Ренессанса божественен по отношению к Богу-Творцу. Художник романтизма божественен по отно-

---

[150] *Михайлов А. В.* Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. — М.: Искусство, 1987. — С. 16.

[151] Там же. С. 16.

[152] Там же. С. 16.

[153] *Сапронов П. А.* Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. — СПб.: Лениздат: Союз, 2001. — С. 436.

шению к природе. Художник Ренессанса владеет миром. Художник романтизма жаждет припасть к истокам бытия. В этих истоках для него находится также и история, в которой он тоже хочет восстановить разрыв бытия и утраченное единство. Поэтому идеализируя прошлое, он, в первую очередь, пытается увидеть в нём творческую личность, которая одухотворяет своей поэтической динамикой статику бытия. Место пребывания этой творческой личности в исторической ретроспективе может быть любым, но становится важным обнаружить в ней не столько образец для подражания, сколько своё соответствие этому образцу. То есть, мы видим чисто антропологическую проблематику в исторических исследованиях, сознательно направленную на творческого человека в истории. Через фигуру творческого человека — творца — романтики, в первую очередь, противопоставляли себя эпохе Просвещения.

Французская революция 1789 г. во многом дискредитировала просвещенческие идеи XVIII в., в которых человек, ставший лишь природным существом в механистическом мире, начал исчезать как самодостаточный субъект. В таких условиях даже гуманитарные науки становятся сомнительными, а этика, например, становится своего рода условностью, позволяющей общественному человеку существовать в среде себе подобных. Творец здесь превращается в индивида, живущего по законам механистического мира рациональной жизнью, соизмеримой с детерминизмом бытия. Пока Просвещение выступало как чисто теоретический проект, этот образ человека, как единственно возможный с точки зрения рационализма, был актуален в мыслящих европейских кругах. Он даже помог утвердиться новому мироустройству и мироощущению, которые после долгого смятения, вызванного кризисом ренессансных идей, позволили человеку снова сталь легитимным в схематике мира. На новых, чисто позитивистских основаниях. Понятия о свободе и равенстве подкрепили эту новую позицию, придав ей устойчивость. Но революция принесла с собой новый кризис, который нужно было преодолевать.

Романтики чутко отнеслись к этой новой ситуации, и все их интеллектуальные поиски, включая осмысление исторической ретроспективы, были, в первую очередь, на возвращение человеку его былой автономии. Насколько это стало успешным — это уже другой вопрос. Но то, что в этих поисках была сформирована национальная идея как таковая, говорит о многом. Без этой идеи не было бы замыс-

ла Дж. Гарибальди об объединении Италии, не было бы объединения самих немецких земель в единое государство. И основана эта идея была на фигуре человека-художника, устраняющего своим творчеством разрыв бытия. Для романтиков самым важным в исторической ретроспективе стал человек, творчески соединяющий в себе разные эпохи. Подлинность человеческого бытия стала здесь ключевым понятием, а историческая память выступила в качестве свидетельства этого бытия в его вневременной подлинности.

Поэтому романтическое культурное течение, в недрах которого возникла концепция национального чувства, выраженного в связи времён, становится важной вехой в разговоре как об исторической памяти вообще, так и о её формировании в частности. Тема человека, его подлинного бытия становится здесь главной. В схематике мемориальных исследований, сложившихся начиная с 1930-х гг., нужно в первую очередь учитывать именно этот фактор. Именно через человека как творческое существо, в романтическом течении состоялся первый внятный опыт времени, пропущенный через национальное мироощущение. И хотя в дальнейшем понятие исторической памяти определяется как комплекс информации, передаваемой из поколения в поколение, без человека, имеющего автономный экзистенциальный статус, вряд ли коллективный опыт освоения исторического пространства был бы востребован на уровне не только научной, но и воспитательной тематики. Воспитание — это, в первую очередь «механизм сохранения исторической памяти»[154] в социуме, состоящем из личностно ориентированных субъектов, соизмеряющих своё собственное существование с общественным. Только здесь механизм начинает работать, и индивидуальная память становится мозаичным фрагментом в общей традиции, а традиция инициирует появление национального чувства, проявленного в историческом сознании.

В современной ситуации, говоря об исторической памяти, как о воспитательном факторе, недостаточно обращать внимание на исторические события и подвиги национальных героев. Человек массовой культуры, для которого в принципе не может быть никаких авторитетов, вряд ли будет способен связать с собой достижения деятелей прежних эпох. Для того, чтобы увидеть в прошлом не просто своего рода образцы для косплея — что, в принципе, тоже

[154] *Сидорова Л. О.* Указ. соч. С. 17.

актуально, хотя носит чисто внешний подражательный характер, — но и опыт времени, имеющий отношение к непрерывному историческому процессу, необходим диалог с человеком прошлого. Диалог же, как формат познания, возможен только тогда, когда он предполагает интерсубъективность. Если человек прошлого будет восприниматься как Другой, вместе с которым человек современности составляет коммуникационное единство, то историческая память становится плоскостью бытия, в которой есть и преемственность, и традиция. Но для этого необходимо, чтобы человек современности, как личность, глядя назад во времени, видел там причину для познания самого себя. Поэтому проблема преемственности, переходящая в проблему воспитания, требует, прежде всего, проявления человеческого в человеке. В отличие от частной проблемы воспитания чувства исторической памяти, это проблема комплексная, выходящая в плоскость подлинного человеческого бытия.

Романтики в конце XVIII в. встали перед той же проблемой. Возвращаться к их опыту было бы странно — представители этого течения настолько запутались в неразрешимых противоречиях своего мифа, что, создав в своей среде новую эстетику, не смогли ответить на многие поставленные перед собой вопросы. Но они первыми увидели в истории подлинного человека, с которым стали ассоциировать себя. Он стал для них необыкновенно важен, и они начали вести с ним диалог для того, чтобы понять самих себя. В этом их опыт даёт перспективу в практическом плане.

Наука может изучать преемственность поколений, как отвлечённую проблему. Сама преемственность становится либо функцией традиции в традиционном обществе, либо следствием сознательного диалога с прошлым. И в том, и в другом случае она становится жизнью в потоке смысла, который даёт проекции прошлого и будущего, и, следовательно, понимание настоящего как осознанного отражения смысловых парадигм, идущих из глубины веков.

Комплексно рассмотрев проблематику преемственности исторического опыта в современной ситуации, можно сделать следующие выводы:

1. Прежде чем приступать к вопросам изучения исторической памяти, надо определить отношение к тексту, как основе сохранения и передачи традиции, начиная с ситуации архаики и заканчивая ситуацией современности.

2. Появление античного полисного социума как осмысленной идеи межличностных отношений в солидарном и культурном пространстве, как синтез коллективного и индивидуального, создаёт предпосылки для исторической памяти как сознательного социального института, существование которого может определяться принципом общественной пользы.

3. В современной ситуации релятивистского отношения к исторической науке, в частности, к проблеме преемственности поколений, когда «отдельный человек олицетворяет собой одновременно народ и массу»,[155] необходимо искать новые принципы солидаризации общества вокруг идеи связи времён и поколений, чтобы народ мог жить «черпая силы в своём сообществе»[156]. Чтобы понять проблематику, можно обратиться к исторической концепции романтического культурного течения конца XVIII — начала XIX вв., в которой был актуален аспект, подобный современному.

4. Романтизм, идеализируя прошлое, но относясь к историческому процессу, как к статике бытия, создал образ творческого человека, одухотворяющего эту статику своей поэтической динамикой. При всей спорности этого образа, именно он послужил триггером для возникновения в среде европейской культуры устойчивой доктрины национальной идеи, которая привела, в том числе, и к национально-освободительным движениям, например движению под предводительством Дж. Гарибальди. В условиях секуляризации культуры возникает понятие своего рода подлинного человеческого бытия, ориентированного в творческую плоскость.

5. В современной ситуации, подходя к вопросу о преемственности поколений, как педагогической проблеме, можно, обратившись к романтическому опыту, осмыслить концепцию подлинного исторического бытия, в котором прошлое и настоящее соотносятся друг с другом в процессе диалога как формата познания, образуя коммуникативное единство, и в котором историческая память становится плоскостью совместного существования в разных временах. Это будет возможным только при условии воспитания, выходящего в область подлинного человеческого бытия как проявления человеческого в человеке в парадигме культуры.

---

[155] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 143.

[156] Там же.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

2.1. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Историческая память является основой самосознания членов любого общества, «символически значимые исторические события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности»[157]. Это сложный, многогранный феномен общественной жизни, привлекающий особое внимание исследователей в период социокультурной трансформации российского общества. Историческая память становится объектом исследования в работах не только историков, но и социологов, политологов, культурологов. В фокус исследовательской деятельности попадают такие аспекты исторической памяти, как её устойчивость и значение в процессе воспитания патриота и гражданина; связь исторического знания, воспитания и исторической памяти; формы воплощения исторической памяти; представленность исторической памяти в массовом сознании; историческое сознание молодёжи и факторы, определяющие его[158].

В работе Кутыковой И.В. *историческая память* раскрывается как компонент исторического сознания, в котором хранятся и воспроизводятся исторические образы и понятия, а также высвобождаются воспоминания об исторических событиях, фактах, лицах в условиях современной социальной и повседневной реальности[159].

Историческое сознание выступает системообразующим понятием по отношению к понятию «историческая память». В социогуманитарном знании существует узкий и широкий подходы к определению

---

[157] *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник Российской академии наук. — 2010. Т. 80. № 3. — С. 195.

[158] *Кутыкова И.В.* Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации // Труды СПбГИК. 2015. Т. 208. Ч. 2. — С. 14.

[159] Там же.

понятия «историческое сознание», представленные в исследовании А.И.Панюкова[160]. В узком смысле данное понятие рассматривается как собственно *историческое сознание*, как отражение прошлого в общественном сознании, как социальная память, функционирующая на различных уровнях (индивидуальном, групповом, общественном) и в различных формах (теоретическое, обыденное сознание, общественная психология). В широком смысле *историческое сознание* представляет собой специфическую форму общественного сознания, воспроизводящую и реализующую связь времён и поколений, осуществляющую преемственность в историческом процессе. Это отражение историчности исторического процесса, единства, изменчивости и преемственности в развитии общества, воплощение в идеальной форме соотношения прошлого, настоящего и будущего[161].

Отечественный социолог Ж.Т.Тощенко рассматривает *историческое сознание* как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном, как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей»[162].

В отечественной философской мысли представлена позиция, которая интерпретирует историческое сознание как «осмысление народом своего положения во времени; сознание связи настоящего с прошлым и будущим» (М.А.Барг, И.С.Кон, Ю.А.Левада, Б.Г.Могильницкий, А.И.Панюков, И.А.Гобозов)[163].

Историческое сознание обладает индивидуальной, социально-демографической, социально-групповой и исторической спецификой.

Согласно определению, приведенному в статье А.А.Линченко, *историческое сознание молодежи* — это совокупность представле-

---

[160] *Панюков А.И.* Историческое сознание: сущность, структура и тенденция развития, методологический анализ: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Красноярск: КрасГПУ, 1995. — С. 43.

[161] *Леопа А.В.* Историческое сознание как метод научного познания // Философия и культура. 2012. № 3 (51). — С. 108.

[162] *Тощенко, Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. — С. 3.

[163] *Леопа А.В.* Историческое сознание как метод научного познания / А.В.Леопа // Философия и культура. 2012. № 3 (51). С. 109.

ний молодых людей о прошлом, способы интерпретации прошлого в настоящем, формы практического использования опыта прошлого для самоидентификации в настоящем и ориентации на будущее[164].

На состояние исторического сознания современной молодёжи оказывают влияние объективные факторы. Начиная с середины 80-х годов и в постсоветский период, отечественная история была сферой острых разногласий, многие исторические события неоднократно пересматривались и оценивались в средствах массовой информации, в выступлениях государственных деятелей, в школьных учебниках, то как положительные, то как отрицательные. В связи с этим стоит отметить такую особенность исторического сознания молодого поколения страны как то, что оно формируется «под влиянием двух, зачастую противоречивых, факторов — собственного жизненного опыта в период взросления и официальной идеологии, преподносившей историю с позиции текущего государственного интереса»[165]. Особенностью исторической памяти молодёжи является и то, что она эмоциональна, «она «ухватывает» впечатление от тех или иных исторических событий в период социализации …, не вникая в их социальную суть», отмечают М. К. Горшков и Э. Б. Шереги[166].

Традиционно в обществе молодое поколение рассматривается как ресурс, который в последующем будет определять судьбу народа, общества, страны. Обеспечивая условия для успешной социализации молодёжи, государство подразумевает, что молодые люди, обладая инновационным потенциалом, будут способствовать эффективному развитию страны, создавать новое во всех сферах жизни: в науке, искусстве, экономике, в социальной сфере, а также заботиться о сохранении её традиций и истории, сохраняющих общество и обеспечивающих его жизнеспособность.

По данным, приведенным на сайте Всероссийской переписи населения на конец 2020 года численность молодёжи в возрасте от 14 до 35 лет в Российской Федерации составила 39,1 млн. человек, это

---

[164] *Линченко А. А.* Знание о прошлом и историческое сознание молодежи в информационном обществе // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. — С. 56

[165] *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Историческое сознание молодежи//Вестник Российской академии Наук. 2010. Т. 80. № 3. — С. 195.

[166] Там же. С. 196.

26,7 % от общей численности населения страны[167]. В настоящее время в России осуществляется системная работа по созданию оптимальных условий для развития и самореализации молодёжи, динамично развивается государственная молодёжная политика, проводится большая работа по патриотическому воспитанию молодого поколения как на уровне государства, так и на уровне гражданского общества. При этом в Российской Федерации вполне реалистично оцениваются риски, связанные с возможностью оказания внешнего влияния на сознание молодых людей, искажение их представлений об истории страны, её месте и роли в современном мироустройстве.

Период молодости характеризуется активной работой, связанной с познанием себя, формированием представлений о себе как о личности и индивидуальности, построением мировоззренческой системы. Система ценностей отражает жизненную позицию человека, раскрывает его идеалы, стремления, личностные качества, потенциал, отношение к себе, обществу, стране, миру.

По результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в августе 2020 г. был составлен социальный портрет молодёжи. По мнению россиян, современная молодёжь общительна, на это указали 72 % респондентов, доброжелательна — 51 %, активна — 48 %. Стоит заметить, что сами молодые люди, принявшие участвующие в данном опросе, оценивают свою активность несколько выше, на это указали 56 % респондентов в возрасте от 18 до 35 лет[168]. Участники опроса отмечают и такое позитивное качество российской молодежи как отзывчивость, готовность прийти на помощь другим — 49 %, но в тоже время достаточно большое количество россиян — 39 % считают, что современная молодежь эгоистична. Особенностью ценностного сознания молодых россиян является то, что они в меньшей степени ориентируются на духовные ценности — 14 %, приоритетное значение для них имеют материальные блага — 77 %[169].

---

[167] Всероссийская перепись населения: Официальный сайт // Режим доступа: https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis-/.

[168] ВЦИОМ: официальный сайт // Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны // Режим доступа: https://old.wciom.ru/index. php?id=236&uid=10401.

[169] ВЦИОМ: официальный сайт // Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны // Режим доступа: https://old.wciom.ru/index. php?id=236&uid=10401.

Дополняют социальный портрет молодёжи результаты исследования, осуществленного сотрудниками РГСУ, ИСПИ РАН и казахстанского научно-исследовательского центра «Молодёжь», в нём приняли участие с российской стороны 1302 респондента из Свердловской, Костромской, Курской, Новосибирской и Московской областей. Наиболее важными личностными качествами для российской молодёжи являются уверенность в себе 57,3 %, целеустремлённость — 48,2 %, интеллект — 35,2 %, независимость — 30,2 %, воспитанность — 26,1 % и ответственность — 21 %[170].

Однако, оценка россиянами уровня патриотизма российской молодёжи уже не так однозначна. Мнения участников опроса, проведенного ВЦИОМ, об уровне патриотизма молодых людей разделились: 43 % респондентов относят молодёжь к патриотам, в то время как 45 % — считают, что они равнодушны к своей стране. В молодежной части выборки равнодушие к стране со стороны молодёжи отмечают 52 % молодых людей и только 39 % респондентов, указывают на любовь молодёжи к Родине[171]. Эти данные обращают на себя внимание ещё и потому, что в целом по стране уровень патриотического сознания значительно выше — 89 %, из них 46 % респондентов относят себя к патриотам безусловно, а 43 % оценивают себя скорее, как патриотов[172].

Прямое влияние на уровень развития патриотического самосознания российской молодежи оказывает знание истории своей страны. В сентябре 2017 года ВЦИОМ и Музей современной истории России провели исследование по оценке знаний россиян в области истории, по результатам которого было установлено, что по мнению респондентов в возрасте от 18 до 34 лет более 50 % из них знают историю своей страны очень плохо или скорее плохо. Затруднились с ответом на просьбу назвать имя единственного в истории президента СССР 47 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, а ещё 27 % представителей данной возрастной группы дали неверный ответ. В группе

---

[170] *Ростовская Т. К.* Ценностные ориентиры современной молодёжи: особенности и тенденции: монография. — М.: РУСАЙНС, 2019. — С. 119.

[171] ВЦИОМ: официальный сайт // Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны //Режим доступа: https://old.wciom.ru/index. php?id=236&uid=10401.

[172] ВЦИОМ: официальный сайт // Патриотизм сегодня // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubitno-i-rabotat.

респондентов от 25 до 34 лет таких было 25 % и 31 % соответственно. Не знает молодёжь с именем какого руководителя Советского союза связано понятие эпохи застоя, затруднились дать ответ на этот вопрос 68 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет и 16 % из них дали неверный ответ, а среди молодежной группы 25–34 года таких было 43 % и 31 % соответственно. Не знают представители нового поколения в каком году СССР запустил первый искусственный спутник Земли — 95 % респондентов в возрасте от 18 до34 лет не смогли дать верный ответ на этот вопрос. Не знают они также и того, кого свергли большевики (97 % — 18–24 года и 99 % — 25–34 года), когда произошла русско-японская война (91 % — 18–24 года и 96 % — 25–34 года), годы Гражданской войны в России (94 % — 18–24 года и 97 % — 25–34 года), дату выхода России из первой мировой войны и с какого события началась Вторая мировая война (90 % — 18–24 года и 92 % — 25–34 года)[173].

В 2013 году в «Российской газете» были обнародованы результаты социологического исследования на тему «Отношение современной российской молодежи к подвигу народа в ВОВ», являющегося частью научного проекта «Демифологизация истории России», проведенного Московским гуманитарным университетом. В результате было установлено, что российские студенты не помнят героев Великой Отечественной войны. В опросе участвовали студенты вузов Москвы, Барнаула, Белгорода, Братска, Иркутска, Новосибирска, Кызыла, Петрозаводска, Рязани и других городов, объем выборки составил около 800 человек.

Несмотря на то, что 96 % респондентов считают, что подвигами, совершенными в период Великой Отечественной войны можно гордиться и сегодня, четверть из них ничего не слышали о Сталинградской битве, а почти половина (47 %) не смог назвать ни одного героя войны. Среди полководцев периода Великой Отечественной войны молодым людям хорошо известен Г. К. Жуков (57 %), К. К. Рокоссовский (19 %), реже они вспоминают имена И. С. Конева, К. Е. Ворошилова, Н. Ф. Ватутина, С. К. Тимошенко, Р. Я. Малиновского, В. И. Чуйкова, А. М. Василевского, А. И. Еременко, С. М. Буденного. В ряду историче-

[173] ВЦИОМ: официальный сайт // История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud

ских личностей Второй мировой войны были названы имена А.В.Суворова и М.И.Кутузова, что свидетельствует о «явных сбоях в исторической памяти» молодого поколения [174].

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2013 г., характерной особенностью патриотического сознания россиян является то, что они затрудняются ответить на вопрос о том, какие события в жизни страны за последние 10–15 лет вызывают у них чувство гордости, таких было 35 % и ещё 24 % респондентов считают, что таких событий не было. Поводом для гордости являются присоединение Крыма (16 %), Олимпиада в Сочи (10 %), развитие армии (9 %), внешняя политика в Сирии (5 %) и Чемпионат мира по футболу (5 %)[175].

Патриотизм относится к многоаспектным явлениям и предполагает преданность и любовь не только по отношению к своему отечеству, но и к своему народу, а также чувство гордости за свою страну, которое связано с «переживанием человеком радости и удовлетворения от того, что воспринимается им как достижение и успех страны, с которой он себя идентифицирует»[176]. Патриотизм как нравственное качество формирует у личности готовность защищать интересы своей Родины, создает предпосылки для общности людей, их единства. Развитое патриотическое сознание, предполагающее отождествление со своей страной, выступает условием полноценной социально-психологической идентификации личности, обеспечивающей её целостность и выступающей условием её гармоничного развития [177].

На фоне неудовлетворительного уровня исторических знаний и недостаточно высокого уровня патриотизма молодых людей обращают на себя внимание такие характеристики молодёжи как внушаемость, склонность принимать чужое мнение, на эту особенность

---

[174] *Новоселова Е.* Российские студенты не помнят героев ВОВ// Российская газета. 12.06.2013 // Режим доступа: https://rg.ru/2013/06/19/pamyat-site. html

[175] *Сайт ВЦИОМ* // День России: чем и кем мы можем гордиться? — 11.06.2013 // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-chem-i-kem-my-mozhem-gorditsya

[176] *Магун В.С., Магун А.В.* Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. — С. 32.

[177] *Величко Г.А.* Роль патриотических чувств в становлении личности молодого человека // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: Матер. междунар. науч.-практ. конф., 23–25 ноября 2017 г. / Под ред. Г.В.Ковалевой. — СПб: СПбГУПТД, 2017. — С. 47.

молодёжного сознания указывает 45 % участников опроса, проведенного ВЦИОМ в 2020 г. и ещё 45 % респондентов отмечают склонность копировать чужое поведение [178].

В современном мире значимым субъектом социализации выступают СМИ и Интернет. Особенностью современного общества, является то, что молодёжь, относящаяся к поколению миллениалов («поколение Y»)[179], характеризуется глубокой вовлеченностью в использование цифровых технологий и предпочитает получать информацию о событиях в стране и мире через сетевые источники:

- 71,9 % молодых людей получают информацию из новостных лент в социальных сетях;
- 61,4 % — из новостных и тематических интернет-сайтов;
- 35,1 %, это каждый третий молодой человек, использует интернет-блоги, форумы для получения информации о событиях в мире;
- 14,2 % респондентов получают информацию посредством новостных каналов в мессенджерах [180].

Согласно данным российско-казахстанского исследования 12,7 % молодых россиян, наряду с указанными источниками, пользуются ещё и зарубежными интернет-сайтами [181].

Особенностью современной молодёжи является явное предпочтение получения информации через аудиовизуальный канал, относящийся к мощным каналам влияния. В сети Интернет, на телевидении, в киноиндустрии получили широкое распространение фильмы и компьютерные игры, в которых центральным сюжетом являются исторические события, к сожалению, зачастую подвергающиеся серьезным искажениям.

Выявленные особенности молодёжного сознания, связанные с внушаемостью, склонностью перенимать чужую точку зрения, с явным предпочтением получения информации из сетевых ресур-

---

[178] ВЦИОМ: официальный сайт // Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны // Режим доступа: https://old.wciom.ru/index. php?id=236&uid=10401.

[179] Прим.: поколение людей, родившихся в промежутке между концом 1980-х и началом 2000-х годов.

[180] Ценностные ориентации российской молодёжи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования: Монография / Под общ. ред. С.В.Чуева. — М.: Издательский дом ГУУ, 2017. — С. 32.

[181] *Ростовская Т.К.* Указ. соч. С. 101.

сов, допускающих размещение в них какого угодно контента, создает предпосылки для вариаций в интерпретации исторических событий и манипуляций сознанием современной российской молодёжи.

Фокус-группы, проведенные в 2017 г. среди студентов вуза очного отделения 1997, 1998 годов рождения, позволили установить, что понятие «патриотизм» для современных студентов — не абстрактно, в его содержание они вкладывают совершенно конкретные вещи: любовь к месту, где они родились; любовь к родной природе; к людям, которые живут в стране; к традициям и культуре; к национальной кухне; к языку; к маме. При этом, они затруднялись называть события, или имена людей, достижениями и заслугами которых они могли бы гордиться и называли себя «брошенным поколением», патриотическим воспитанием которого никто не занимался. Установленные факты, так или иначе, свидетельствуют о кризисе самоидентичности. Но стоит отметить, что наиболее активные участники фокус-группы подчеркивали, что любовь к Родине должна быть действенной: «нужно не просто любить Родину, страну — нужно что-то делать, чтобы жизнь в ней становилась лучше»[182].

Любовь к Родине, гордость за то, что ты, будучи россиянином, причастен к её достижениям и историческим свершениям, формируется и развивается на протяжении всей жизни человека и проходит ряд этапов, связанных с этапами формирования личности. Как установить оптимальный возраст, для формирования патриотических чувств? По мнению социологов, период осознанной социализации приходится на период с 7–8 и до 16–17 лет, именно в этом возрасте происходит осознанное усвоение индивидом социальных норм и превращение их в ценности или нормы, мотивирующие поведение личности[183]. Безусловно, чем раньше у ребенка будет формироваться чувство любви и привязанности к родной земле, тем органичнее будет протекать процесс включения любви к Родине в систему ценностей личности. «Чувство любви к Родине … связано с любовью к малой родине — родному городу, селу, деревне, к родной улице, к природе род-

[182] *Величко Г. А.* Гражданская активность современной российской молодёжи // Ценностные ориентации молодёжи в условиях модернизации современного общества: Материалы Межрегиональной научной конференции 14 декабря 2017 г. / Под ред. Г. Ю. Лизуновой. — Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. С. 101.

[183] *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник Российской академии наук. — 2010. т. 80. № 3. — С. 196.

ного края, родному языку, песням и сказкам, звучащим с детства, связано с любовью к родной поэзии. Затем оно постепенно перерастает в чувство гордости за свою страну и готовность активно принимать участие в её жизни, трудиться, обеспечивая её благополучие и успехи, защищать Родину»[184]. По мнению молодёжи, о высших ценностях, таких как патриотизм следует начинать говорить в возрасте 14–17 лет, на это указали 79,5 % респондентов, кроме того, молодые люди отмечают, что национальную безопасность обеспечивают не только армия, правовая база и законы, но и идеология, и патриотизм, на это указали 65 % молодых россиян, принявших участие в социологическом опросе, проведенном сотрудниками РГСУ, ИСПИ РАН[185].

Таким образом, организация и проведение воспитательной работы по формированию исторической памяти молодого поколения требует учёта следующих особенностей исторического сознания молодёжи и её патриотического самосознания:

- невысокий уровень патриотизма, свидетельствующий о незавершенном процессе самоидентификации личности;
- недостаточное развитие и слабая представленность в самосознании молодёжи патриотических чувств;
- неразвитый когнитивный компонент патриотического сознания, характеризующийся деградацией исторических знаний молодого поколения;
- преобладание эмоционального компонента в историческом сознании молодого поколения, не позволяющего глубоко осмысливать социальную суть исторических событий;
- противоречивость исторического сознания молодого поколения, обусловленная тем, что оно формируется под влиянием собственного жизненного опыта, полученного в период взросления и официальной идеологии, преподносящей историю с позиции государственного интереса в определенный исторический период, что сказывается на понимании и полноте знаний о событиях современной истории России;

---

[184] *Величко Г. А.* Роль патриотических чувств в становлении личности молодого человека // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г. / Под ред. Г. В. Ковалевой. СПб: ФГБОУВО «СПГбУПТД», 2017. — С. 47.

[185] *Ростовская Т. К.* Указ. соч. С. 112–113.

- несмотря на характерную особенность молодежного возраста, связанную с критическим мышлением, у достаточно большой доли молодого поколения наблюдается склонность к внушаемости, принятию чужого мнения (45 %), склонность копировать чужое поведение (45 %), что, вероятно, обусловлено суггестивным влиянием массмедиа;
- основным каналом получения информации для молодежи «поколения Y» являются Интернет ресурсы: новостные ленты в социальных сетях, новостные и тематические интернет-сайты, интернет-блоги, форумы для получения информации о событиях в мире, новостные каналы в мессенджерах, а также зарубежные интернет-сайты, допускающие размещение разнокачественного контента.

2.2. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Патриотизм относится к фундаментальным категориям, отражающим чувство любви и верности Родине, стремление работать на её благо и развитие, готовность выполнять гражданский долг и обязанности по защите интересов своей страны. Воспитание патриотических чувств является главной составляющей духовно-нравственного развития личности. Патриотические чувства создают основу здорового, жизнеспособного общества, выступают условием эффективного функционирования государственных институтов, создают предпосылки сильного государства, способного противостоять внешним вызовам.

Российские ученые, анализируя общественные процессы, обращают внимание на то, что в российском «общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. В этих условиях, отмечают Г. А. Быковская, И. В. Иноземцев, А. Н. Злобин, «очевидна необходимость создания системы патриотического воспитания как основы консолидации общества и укрепления государства. Эта система должна предусматривать:

- формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях;
- массовую патриотическую работу;
- деятельность средств массовой информации, научных и других организаций, творческих союзов, направленную на рассмотрение и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина»[186].

Ключевой задачей работы с молодёжью на современном этапе развития российского общества является воспитание поколения молодых людей, обладающих развитым патриотическим сознанием, отождествляющих себя со своей страной, со своим народом, его культурой и историей, обладающих независимым мышлением и созидательным мировоззрением. Данная задача находит отражение в федеральном законе «О молодежной политике Российской Федерации», принятом в декабре 2020 года. Ключевым направлением реализации молодёжной политики РФ является «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» (п. 1. ст. 6)[187].

Сегодня воспитание на уровне российского правительства рассматривается как «стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»[188]. Анализ системы нормативно-правовых актов позволяет определить законодательно нормативные основы патриотического воспитания.

В Указе Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в рамках национальной цели «Возможности для самореализации

---

[186] *Быковская Г. А.* Гражданско-патриотическое воспитание студентов как инструмент социального развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3–1. — С. 15.

[187] О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328.

[188] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB. pdf.

и развития талантов» был установлен следующий целевой показатель, относящийся к патриотическому воспитанию: «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»[189].

Цели патриотического воспитания обозначены также и в федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в п. 1. Ст. 2 данного закона воспитание определяется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»[190].

Патриотическое воспитание российской молодёжи реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также на уровне конкретного учебного заведения, образовательной организации.

Базовые целевые ориентиры в сфере гражданско-патриотического воспитания задаются на федеральном уровне, они отражают существующие проблемы в сфере ценностного и социального сознания молодёжи и обозначают направления воспитательной деятельности в связи с существующими глобальными и национальными (внутристрановыми) вызовами.

---

[189] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Сайт Президента России // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/63728.

[190] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). // Нормативно-правовой портал «Консультант Плюс» // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/.

В 2015 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р была утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», в рамках которой, на основе положений закона об образовании воспитание характеризуется как неотъемлемая часть образования, взаимосвязанная с обучением, но также осуществляемая и в форме самостоятельной деятельности [191].

Приоритетами государственной политики в области воспитания, касающимися патриотического воспитания, являются:

- формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России;
- формирование внутренней позиции личности по отношению к окружающей социальной действительности [192].

Согласно основным положениям Стратегии патриотическое воспитание и формирование российской идентичности у обучающихся вузов предусматривает:

- формирование патриотизма, чувства гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России на основе развития программ патриотического воспитания молодёжи, в том числе военно-патриотического воспитания;
- повышение качества преподавания гуманитарных учебных предметов, обеспечивающего ориентацию обучающихся в современных общественно-политических процессах, происходящих в России и мире, а также осознанную выработку собственной позиции по отношению к ним на основе знания и осмысления истории, духовных ценностей и достижений нашей страны;
- развитие у молодого поколения уважения к таким символам государства, как герб, флаг, гимн Российской Федерации, к историческим символам и памятникам Отечества;
- развитие поисковой и краеведческой деятельности и др.[193].

---

[191] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Указ. соч.

[192] Там же.

[193] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Указ. соч.

Кроме того, план мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации, включает в себя такие направления деятельности по патриотическому воспитанию как:

- формирование предложений по созданию на территории субъектов Российской Федерации учебно-методических центров военно-патриотического воспитания «Авангард»;
- развитие инфраструктуры создаваемых в субъектах Российской Федерации военно-патриотических парков культуры и отдыха «Патриот» и обеспечение на их базе комплекса мероприятий по военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи;
- создание и распространение позитивного контента для детей и молодёжи, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»[194].

В соответствии с поправками, внесенными в ч. 91 Ст. 12 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» 31 июля 2020 года, примерные образовательные программы высшего образования (программы бакалавриата и программы специалитета) должны включать в себя примерную рабочую программу воспитания и примерный календарный план воспитательной работы. Воспитание обучающихся при освоении ими основных образовательных программ должно осуществляться на основе рабочих программ воспитания и календарных планов воспитательной работы, разрабатываемых и утверждаемых образовательными организациями с учетом соответствующих примерных рабочих программ воспитания и примерных календарных планов воспитательной работы (ст. 112)[195].

Целевые ориентиры для системы патриотического воспитания содержатся в федеральных и региональных проектах. В настоящее время, в рамках национального проекта «Образование», реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»[196], направленный на обеспечение функцио-

---

[194] Там же.

[195] О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся // Сайт Президента РФ // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788.

[196] Сайт Министерства просвещения РФ. Национальный проект «Образование». Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Режим доступа: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/

нирования системы патриотического воспитания граждан РФ, срок реализации проекта с 1.01.2021 года до 31.12.2024 года. Цель проекта — развитие воспитательной работы в образовательных организациях и проведение мероприятий патриотической направленности.

Ключевыми задачами данного проекта, относящимися к деятельности и контингенту организаций высшего образования, являются:

- разработка и внедрение рабочих программ воспитания обучающихся в профессиональных образовательных организациях (к 2022 г. данные программы должны быть внедрены во всех образовательных организациях);
- увеличение численности молодёжи до 30 лет, вовлеченных в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами;
- развитие системы межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержка общественных инициатив и проектов, направленных на патриотическое воспитание молодёжи;
- увеличение количества участников Всероссийского конкурса «Большая перемена», через вовлечение молодёжи в социально полезные практики;
- проведение ежегодного мониторинга ценностных ориентаций современной молодёжи;
- создание в образовательных организациях высшего образования (ООВО) патриотического движения посредством построения Ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь», целью которого является формирование чувства сопричастности к историческому героическому прошлому России, гордости настоящей современной истории и научными открытиями. Клубы на базе ООВО (независимо от ведомственной принадлежности) могут быть либо юридически зарегистрированы, либо являться структурным подразделением ООВО, либо существовать в форме незарегистрированного студенческого клуба.

На уровне субъекта федерации в г. Санкт-Петербург развитие системы гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи осуществляет Комитет по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями во взаимодействии с исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга и общественными организациями, в том числе

ветеранскими. Данная деятельность ведется под контролем Координационного Совета по вопросам воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения Санкт-Петербурга при Правительстве Санкт-Петербурга под руководством вице-губернатора Санкт-Петербурга. Воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации относится к основным направлениям региональной молодежной политики [197].

На территории города федерального значения Санкт-Петербург в период с 01.01.2021 г. по 31.12.2024 г. реализуется региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»[198]. На основании соглашения Министерства просвещения Российской Федерации и города федерального значения Санкт-Петербург о реализации регионального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на территории Санкт-Петербурга от 09.12.2021 установлены следующие региональные результаты:

1) к 2022 г. разработать и внедрить рабочие программы воспитания обучающихся во всех образовательных учреждениях Санкт-Петербурга;
2) к 2024 г. обеспечить увеличение численности детей и молодёжи в возрасте до 35 лет, вовлеченных в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами до 420 тысяч человек. Достижение данного результата будет обеспечиваться через реализацию Подпрограммы 2 «Патриотическое воспитание граждан в Санкт-Петербурге» государственной программы «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге», а также в рамках программ воспитательной работы образовательных учреждений Санкт-Петербурга;
3) создать условия для развития системы межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержки общественных инициатив и проектов, направленных

[197] *О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге*: Закон Санкт-Петербурга от 16 июля 2021 года N 355–79// Сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // Режим доступа: https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/537937085? print=0

[198] *Региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»* // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/national_projects/53/?page=2

на гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи, через привлечение детей и молодежи к деятельности детских и молодежных общественных объединений, а также через органы ученического и студенческого самоуправления [199].

На региональном уровне в Санкт-Петербурге в 2019 г. распоряжением Комитета по образованию от 16.01.2020 № 105-р «Об утверждении Концепции воспитания юных петербуржцев на 2020–2025 годы «Петербургские перспективы» была утверждена региональная программа воспитания, рассчитанная на детей и юношество школьного возраста, а также распоряжением правительства Санкт-Петербурга от 21.08.2020 № 24-рп был утвержден План мероприятий по реализации в 2020–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации в 2020–2025 годах.

Структурными компонентами региональной системы патриотического воспитания Санкт-Петербурга выступают:

1) документы, задающие основные параметры системы патриотического воспитания молодёжи в Санкт-Петербурге (федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», федеральный закон «О молодежной политике Российской Федерации», Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года; федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на период с 2021 по2024 год»; региональная программа развития воспитания на 2017–2025 годы «Петербургские перспективы: духовно-нравственное развитие и воспитание детей, подростков и молодежи; социально-культурная практика; выбор жизненного пути»; региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации).
2) исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга, участвующие в реализации молодежной политики и стратегии воспитания (Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями; Комитет по образованию; Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации; Комитет по физической культуре и спорту), консультативные и совещательные органы (Координ-

[199] *Региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»* // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/national_projects/53/?page=2

национный Совет по вопросам воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения Санкт-Петербурга при Правительстве Санкт-Петербурга);

3) советы ветеранов ВОВ районов Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургская общественная организация ветеранов, Общероссийская организация ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, Совет ветеранов пожарных Ленинграда-Санкт-Петербурга, Совет ветеранов Управления ФСБ России и другие общественные объединения военно-патриотической направленности;
4) органы студенческого самоуправления, студенческий совет Санкт-Петербурга и студенческое сообщество Санкт-Петербурга;
5) движения, форумы, съезды, школы, акции, объединяющие на своих площадках субъектов, участвующих в работе по патриотическому воспитанию (региональный форум «Есть такое дело — Родине бойцов возвращать!», Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», акция «Бессмертный полк» и др.);
6) социокультурная инфраструктура, интегрирующая воспитательные возможности образовательных организаций, молодёжных патриотических организаций и общественных организаций, реализующих программы патриотического воспитания (Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр патриотического воспитания молодёжи «Дзержинец», военно-патриотический лагерь «Ленинградский рубеж», поисковый отряд «Знамя» ДОСААФ РФ, Санкт-Петербург и др.), инфраструктурные объекты, на базе которых реализуется воспитательная работа по развитию патриотического самосознания студенческой молодёжи (исторический парк «Россия — Моя история», военно-патриотический парк вооруженных сил Российской Федерации Западного военного округа «Патриот», г. Кронштадт), общественные волонтерские структуры, поисковые отряды, действующие на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, патриотические клубы вузов;
7) информационная инфраструктура патриотического воспитания (сайты, на которых расположен исторический и патриотический контент; пресс-конференции, посвященные вопросам формирования и развития гражданственности и патриотизма; странички на сайтах вузов, посвященные патриотическому воспитанию; сайты советов ветеранов; сайты парка «Патриот», исторического

парка «Россия — моя история!», странички патриотических клубов; сайты поисковых клубов; он-лайн молодежный телеканал, освещающий патриотическую тематику и т.д.);

8) система мониторинга системы ценностных ориентаций и патриотического самосознания вузовской молодёжи Санкт-Петербурга;
9) система показателей и индикаторов реализации мероприятий по патриотическому воспитанию молодёжи.

На уровне образовательной организации высшего образования высшего компонентами воспитательной работы по формированию патриотического самосознания студентов являются:

1) концепция воспитательной работы вуза;
2) примерная рабочая программа воспитания и примерный календарный план воспитательной работы;
3) компетенции, цели и задачи, направленные на формирование гражданских и патриотических установок, включенные в рабочие программы гуманитарных дисциплин;
4) структурное подразделение вуза, осуществляющее воспитательную работу со студентами;
5) органы студенческого самоуправления, студенческий совет вуза;
6) историко-патриотический клуб «Я горжусь!»;
7) студенческие волонтерские структуры;
8) студенческое сообщество, как носитель патриотического сознания и источник гражданских инициатив;
9) педагогический коллектив вуза;
10) координационный совет вуза по патриотическому воспитанию;
11) патриотические проекты, акции, мероприятия, созданные студенческим и педагогическим сообществом вуза;
12) информационная инфраструктура вуза (сайт, учебный портал, СДО, информационные стенды в общественных пространствах вуза и в учебных аудиториях и пр.).

Таким образом, система патриотического воспитания и приобщения молодого поколения к истории своего народа в высших учебных заведениях должна выстраиваться:

- на основе анализа уровня патриотического самосознания обучающихся и уровня развития их исторического сознания;
- с учётом задач патриотического воспитания молодого поколения, обозначенных государством на федеральном и региональном уровнях;

- с учётом актуальных и специфических вопросов развития патриотического и исторического сознания молодёжи, характерных для конкретного региона РФ, местной специфики;
- с учётом профиля профессиональной подготовки и специфики контингента высшего учебного заведения;
- с учётом актуальных и потенциальных ресурсных возможностей всех структурных компонентов патриотического воспитания;
- на основе развития информационной инфраструктуры вуза, сайт вуза следует рассматривать как точку входа и доступа к сайтам организаций и инфраструктурных объектов, осуществляющих воспитательную работу по формированию патриотического самосознания и сохранению исторической памяти, обеспечивая оптимальное (качественное и достоверное) информирование обучающихся вуза по вопросам патриотического воспитания и исторического просвещения.

2.3. ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Патриотизм относится к социальным качествам, которые формируются в обществе его социальными институтами, социокультурной средой, отражающей систему ценностей общества, а также социальными практиками, традициями и обычаями, получившими распространение в социуме и выступающими примером для молодого поколения. Формирование патриотических чувств предполагает достаточно развитую сферу нравственного и ценностного сознания личности, поскольку патриотизм опирается на такие нравственные ценности и качества как долг, честь и достоинство.

В своем развитии патриотизм проходит ряд этапов. Ранний этап патриотического самосознания связан с формированием чувства любви к своим родителям, членам семьи, месту, где ты родился, к физической, природной среде, которая тебя окружает. Этот этап является фундаментальным в образовании патриотических чувств и формировании патриотического самосознания, приходится он на дошкольный и младший школьный возраст. Кроме того, на данный возрастной период приходятся и первые шаги знакомства с культурой своего народа, его искусством и творчеством, обычаями и традициями. В подрост-

ковом возрасте происходит расширение институтов социализации, подросток выходит в общественную среду, становится участником общественно-политических движений, получает знания об истории своей страны, подвигах её народа. В этот период начинает формироваться чувство гордости за свою страну, желание сохранить её традиции, обычаи, достижения, природу. Именно в этот период должна проводиться активная работа по формированию будущего гражданина, развитию национально-политического самосознания личности.

Важным итогом патриотического воспитания является развитие государственно-патриотического самосознания, «осознание себя гражданином России, формирование национальной идентичности и соответствующего ей мировоззрения»[200]. Этот этап начинается в юношеском возрасте. На данном этапе для развитого патриотического самосознания характерны любовь и уважение к собственной стране, понимание её места и роли в мировой системе, обладание развитым политическим мышлением, позволяющим определять национальные интересы, умение объективно оценивать ситуацию в системе международных отношений, а также активная гражданская позиция, проявляющаяся в готовности к деятельности, направленной на развитие страны, в стремлении сделать жизнь в ней лучше.

В связи с этим перед системой российского образования стоит важная задача по патриотическому воспитанию студенчества, направленная на формирование патриотического самосознания, проявляющегося в национальной идентичности, сформированном патриотического мировоззрении, бережном отношении к культурному и историческому наследию России, созидательном труде на пользу Родины. Это приводит к пониманию того, что в процессе профессиональной подготовки обучающихся происходит не только формирование знаний и профессионально важных качеств, умений, навыков, компетенций, но и становление личности профессионала, осознающего смысл и общественную пользу своего труда, формирование у него системы ценностей, включающей в себя ценность служения Родине.

---

[200] *Зевелева Е. А., Казакова Л. К., Лепилин С. В. и др.* Патриотическое воспитание студенческой молодежи как важный элемент государственной молодежной политики // Патриотическое воспитание молодежи в современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию организации поискового движения на Белгородчине / Отв. ред. З. З. Мухина, С. В. Канныкин. — Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2019. — С. 58.

Патриотическое самосознание включает в себя 3 компонента: аффективный — эмоциональные и чувственные переживания, связанные с категорией патриотизма; когнитивный — наличие патриотических знаний, в том числе знания о себе, как патриоте; и регулятивный — возможные поведенческие проявления и реакции, связанные с категорией патриотизм (патриотическое поведение)[201].

На основе анализа методических разработок среди ключевых направлений работы по патриотическому воспитанию следует выделить такие как, духовно-нравственное, политико-правовое, социокультурное, историческое [202].

Духовно-нравственное направление патриотического воспитания включает в себя развитие у обучающихся высокой культуры и образованности; осознание идеи достойного служения Отечеству; формирование высоконравственных норм поведения, дисциплинированности, долга, чести, ответственности и коллективизма; чувство гордости за принадлежность к великому народу.

Итогом духовно-нравственного воспитания является осознание личностью высших ценностей, идеалов и ориентиров, социально значимых процессов и явлений реальной жизни, способность руководствоваться ими в качестве определяющих принципов в практической деятельности и поведении.

Политико-правовое направление патриотического воспитания включает в себя такие базовые компоненты как, знание законов государства, в которых раскрываются права и обязанности гражданина России; знание политики государства в сфере национальной безопасности; умение ориентироваться в международной политической обстановке; устанавливать национальные интересы. В результате у студентов должно быть сформировано понимание гражданского и конституционного долга, способность анализировать политические события и процессы, оценивать роль и место Российской Феде-

---

[201] *Труфанова Н. А.* К вопросу о патриотическом самосознании современной молодежи // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Материалы 17-й всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 01 марта 2012 года. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2012. — С. 356.

[202] *Лутовинов В. И.* Методические рекомендации по организации патриотического (военно-патриотического) воспитания / Под общ. редакцией Н. В. Стаськова. — М.: АНО СПО «СОТИС», 2018. — С. 15–17.

рации в системе международных отношений, осознавать национальные интересы России.

Социокультурное направление патриотического воспитания студенческой молодежи включает в себя воспитание у молодёжи высокой духовной культуры; удовлетворение культурных потребностей молодежи; развитие культуры общения и взаимоотношений между обучающимися и представителями общественных организаций; создание условий для самодеятельного художественного творчества, проведения культурно-массовых мероприятий. Результатом воспитательной работы по этому направлению является формирование системы социально-культурных, нравственно-этических и культурно-эстетических отношений как важнейшего компонента её общего развития личности.

Историческое направление патриотического воспитания включает в себя изучение многовековой истории России; осознание места и роли России в мировом историческом процессе; понимание особенностей менталитета, нравов, обычаев, верований и традиций народов российского государства их вклада в общенациональное развитие; знания о героическом прошлом предыдущих поколений, боровшихся за независимость и самостоятельность страны. Историческое направление патриотического воспитания связано с «познанием исторических корней, осознанием неповторимости Отечества, его судьбы, неразрывности с ней, гордости за сопричастность к деяниям предков, современного поколения и исторической ответственности за происходящее в обществе и государстве»[203].

Формирование патриотического мировоззрения осуществляется и в учебном процессе, и во внеаудиторной работе и требует заинтересованного, искреннего, неравнодушного участия со стороны профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения. Молодые люди очень чутко реагируют на формальное отношение к проведению любых мероприятий, а особенно патриотических, крайне восприимчивы к фальши и остро реагируют на проведение мероприятий «для галочки», которые в конечном итоге формируют негативные установки к проводимой работе. В связи с этим требуется системный подход к организации патриотического воспитания в вузе, требуется «постоянная забота о молодежи, её социально-педагогиче-

[203] *Лутовинов В. И.* Указ. соч. С. 15.

ская поддержка, демонстрация причастности к волнующим молодых людей проблемам, помощь в обретении ими духовной почвы»[204].

Воспитательная работа в высшем учебном заведении, направленная на формирование патриотического самосознания обучающихся должна опираться на следующие принципы:

1) Системный подход к организации патриотического воспитания. Выстраивание системы воспитательной работы по патриотическому воспитанию, планирование патриотических мероприятий на учебный год и среднесрочную перспективу, распространяющуюся на весь срок обучения студентов в вузе, вовлечение в воспитательную работу всех заинтересованных субъектов: руководство вуза, представителей педагогического и студенческого сообществ, сотрудников вуза, общественных и волонтерских организаций.
2) Комплексный подход к формированию патриотического сознания. Интеграция целей патриотического воспитания в рабочие программы гуманитарных дисциплин, привлечение к внеаудиторной деятельности по патриотическому воспитанию специалистов разного профиля историков, культурологов, этнографов, политологов, краеведов, социальных-психологов, социологов и др.
3) Демократизм и полисубъектность в организации работы по патриотическому воспитанию. Ориентация на развитие инициатив всех участников патриотического воспитания: студентов, преподавателей, руководителей, представителей общественных организаций, привлечение их к практике инициирования открытого обсуждения и подготовке проектов, мероприятий, акций.
4) Ценностно-ориентационная направленность. В процессе формирования патриотического мировоззрения и самосознания обучающихся вуза ориентация на поддержку и сопровождение процесса формирования системы смысложизненных ориентаций студенческой молодежи, связанных с идеей служения Родине, своему народу.
5) Деятельностный подход. Деятельность выступает основой и средством развития личности. Это форма активности человека, в которой индивид исследует и преобразует отношение к миру, самому себе. Становление и развитие личности молодого человека в про-

[204] Патриотическое воспитание молодежи в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию организации поискового движения на Белгородчине / Отв. ред. З.З. Мухина, С.В. Канныкин. — Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2019. — С. 60–61.

цессе участия в подготовке и проведении мероприятий, реализации проектов, конкретных дел, формирует его осознанное отношение к действительности, историческим событиям. Так формируется его субъектная позиция, способность выбирать цель, планировать, организовывать и регулировать деятельность, осуществлять самоконтроль, самоанализ и способность оценивать результаты деятельности. Такой подход даёт возможность почувствовать свой вклад в сохранение истории страны, вклад в её благополучие.

6) Историческая точность, достоверность и возможность участия в проведении исследовательской деятельности на территории своего региона.
7) Учёт уровня развития патриотизма и исторического сознания обучающихся. Мониторинг системы ценностных ориентаций молодёжи, уровня развития её патриотического и исторического сознания позволит определить вектор и направления работы с обучающимися.
8) Вариативность в выборе форм, методов патриотического воспитания и источников информации. Ориентация на разнообразие и творческий подход в выборе форм и методов патриотического воспитания, позволяющих работать со всеми компонентами патриотического самосознания (когнитивным, аффективным и поведенческим). Формы и методы воспитательной работы должны вызывать интерес и находить отклик у студенческого сообщества, соответствовать менталитету современной молодежи, её социально-психологическим особенностям, а также учитывать уровень развития и возможности современных информационных технологий.

На сегодняшний день уже накоплен значительный опыт в осуществлении патриотического воспитания российской студенческой молодёжи, о чём свидетельствуют материалы конференций, посвящённых патриотической тематике и многочисленные публикации в специальных журналах. Анализ существующих на сегодняшний день методических наработок в сфере патриотического воспитания позволяет систематизировать формы и методы патриотического воспитания.

Первую группу форм патриотического воспитания составляют формы, направленные на просвещение обучающихся вузов:

- интерактивные лекции по истории страны;

- встречи с экспертами: учеными-историками, краеведами, руководителями поисковых отрядов;
- *встречи с ветеранами войн, ветеранами МЧС, пограничных войск, командирами поисковых отрядов;*
- общение с участниками исторических событий, живые рассказы об истории предыдущих поколений;
- научно-образовательные программы, организованные кафедрами вузов;
- видеолектории по истории Великой Отечественной войны, по истории народов, проживающих на территории России, краеведению и т.д.;
- создание ресурсов, содержащих аудио и видео контент (аудио записи книг о Великой Отечественной войне; фотоальбомы, содержащие фотографии участников исторических событий; Книги памяти; документальные и художественные фильмы об исторических событиях нашей страны, профессиональном подвиге представителей разных профессий в том числе психологов, педагогов в период великой отечественной войны, блокады и др.);
- оформление стендов, создание плакатной продукции, выполняющей функцию привлечения внимания к историческому событию и функцию просвещения, а также функцию формирования установки на уважительное отношение к истории нашей Родины;
- видеоролики, посвященные историческим событиям и памятным датам, демонстрирующие преемственность поколений;
- *клубная деятельность (*дискуссионный исторический клуб; дискуссионный политический клуб; литературный клуб и др.).

Вторая группа, включает в себя формы патриотического воспитания, связанные с осуществлением научно-исследовательской деятельности:

- научно-практические, исторические и краеведческие конференции;
- научно-образовательные и научно-исследовательские программы, организованные кафедрами вузов;
- участие в деятельности археологических экспедиций;
- участие в деятельности поисковых отрядов.
- *Третья группа форм патриотического воспитания — формы практико-ориентированной направленности, позволяющие участвовать в социально значимой деятельности, способствующие самореализации и самоидентификации студенческой молодёжи:*

- *патриотические движения (*Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы»);
- поисковая деятельность (поисковый отряд «Знамя» ДОСААФ РФ, Санкт-Петербург);
- волонтерские движения, направленные на оказание помощь ветеранам сохранение исторических мест, уход за воинскими захоронениями;
- военно-патриотические лагеря (военно-патриотический лагерь «Ленинградский рубеж»);
- центры патриотического воспитания молодёжи («Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», Санкт-Петербург).

Четвертая группа, включает в себя формы патриотического воспитания, способствующие формированию чувства причастности к историческим событиям и подвигу своего народа, формированию патриотического самосознания, содержащие в себе консолидирующий и мотивационный потенциал:

- акции («Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти», «Пост номер один» на Пискаревском кладбище и Площади Победы в Санкт-Петербурге, акция «Послы победы»);
- форумы (региональный форум Санкт-Петербурга «Есть такое дело — Родине бойцов возвращать!»);
- флешмобы (на День российского флага, на День Победы, День России, День Санкт-Петербурга, День народного единства, День снятия Блокады Ленинграда и т.д.);
- геймефикация исторического прошлого (создание компьютерных игр, достоверно отражающих исторические события).

Пятая группа форм патриотического воспитания включает в себя формы, позволяющие молодёжи проявить творческие способности:

- проведение творческих конкурсов (литературных, песенных, художественных), направленных на сохранение исторической памяти и позволяющих новым поколения сопережить исторические события, ощутить причастность к истории своего народа;
- создание вузовских музеев воинской славы;
- создание Книги памяти образовательного учреждения;
- оформление исторических экспозиций, посвященных памятным датам;
- создание видеороликов;
- оформление стендов по исторической и военной тематике;

- участие в организации и оформлении историко-патриотических библиотечных выставок в вузе.

Шестая группа включает формы патриотического воспитания, направленные на формирование патриотического мировоззрения:

- посещение музеев, участие в экскурсиях;
- походы по «боевым тропам»;
- участие в реконструкциях военных и исторических событий;
- посещение и совместное использование общественно-исторических пространств для проведения патриотических акций, на основе соглашений, заключенных между администрациями вузов и исторических и патриотических парков (исторический парк «Россия — Моя история», военно-патриотический парк Вооруженных сил РФ Западного военного округа «Патриот», г. Кронштадт).

В процессе осуществления воспитательной работы по формированию патриотического самосознания, чувства принадлежности к стране, национальной идентичности, большое значение имеет работа по раскрытию для студенческой молодежи государственных приоритетов. В связи с этим представляет интерес опыт организации работы по патриотическому воспитанию, реализованный на кафедре гуманитарных наук Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе, г. Москва, на базе которой был организован Молодежный центр. К задачам данного центра относятся разработка и проведение научно-образовательных мероприятий, направленных на анализ приоритетных направлений развития российского государства. Коллектив кафедры, в процессе формирования патриотического мировоззрения студенческой молодёжи, сосредоточивает своё внимание на следующих направлениях:

- определение национальных интересов России в современном геополитическом пространстве;
- формирование идентичности современной российской молодёжи;
- изучение роли и места политических партий, а также политического диалога в современном российском обществе;
- развитие институтов гражданского общества;
- вовлечение студенчества в общегражданские, социально значимые и политически востребованные проекты;
- формирование информационно-коммуникативной культуры;
- противодействие ценностным инверсиям;
- формирование механизмов социокультурного воспитания;

- приобщение студентов к примерам героического прошлого и настоящего России, для осознания ими своей сопричастности подвигу предшествующих поколений;
- формирование механизмов позитивных ценностных ориентаций;
- проведение дискуссий на актуальные темы внутренней и внешней политики России;
- развитие гуманизации и гуманитаризации образования;
- осознание молодёжью своей профессиональной и гражданской ответственности;
- воспитание и укрепление патриотических чувств и национального самосознания, гордости от принадлежности к российскому гражданству [205].

Поставленные задачи реализуются через работу студенческих клубов: дискуссионного и политического, исторического клуб, клуба любителей московской старины, литературного клуба «Стих и Я» и др. Участие студентов в работе клубов создает благоприятную культурную среду, способствует позитивному восприятию студентами традиционных российских ценностей. В целях формирования социокультурного мировоззрения и патриотического воспитания, вовлечения студентов в обсуждение актуальных проблем общества, формирования гражданственности, приобщения к политической жизни страны на кафедре были реализован такие проекты, как «Историческое и культурное наследие России как духовный стержень формирования патриотического сознания»; «Традиционные духовные ценности народов России»; «Межконфессиональное пространство современной России — проверенные историей взаимоотношения»; «Политический выбор молодежи — взгляд в стабильное будущее: спектр политических партий современной России»; «Интернет и современные IT — технологии: виртуализация жизни молодёжи»; «Национальный шовинизм и религиозный экстремизм — источники дестабилизации общества: методы противодействия»; «Военные страницы горнодобывающей отрасли»; «Причины Великой революции 1917 года»; «Жди меня…» (творчество К. Симонова) и др. Активно в работе Молодежного центра используется метод дискуссий, по-

[205] Патриотическое воспитание молодежи в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию организации поискового движения на Белгородчине / Отв. ред. З.З. Мухина, С.В. Канныкин. — Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2019. — С. 61.

священных острым проблемам современного российского общества, мифам и реалиям жизни в Советском Союзе [206].

Такой подход в организации воспитательной работы не позволяет студенческой молодежи оставаться равнодушной, создаёт условия для развития её информационной культуры, помогает сформировать систему знаний, конструктивное критическое мышление и гражданскую позицию.

К основным методам осуществления патриотической работы, оказывающим положительное влияние на формирование нравственных и патриотических качеств личности студенческой молодежи, традиционно относят три базовых метода: метод убеждения, метод положительного примера и действенно-практический метод (участия в конкретной деятельности).

Метод убеждения применяется в таких формах патриотического воспитания как встречи с ветеранами, участниками поисковых отрядов, участниками археологических экспедиций, интерактивные лекции, ознакомление с исторической литературой, знакомство с историческими документами, архивными материалами, участие в видеолектории, просмотр документальных фильмов, общение в формате вопрос-ответ, дебаты, дискуссии, круглые столы, конференции, форумы, посещение музеев, подготовка и проведение конкурсов, викторин по краеведению, направленных на формирование национального и патриотического самосознания.

Метод положительного примера эффективно работает в таких формах воспитательной работы как проведение встреч с ветеранами, участниками исторических событий, участие в волонтерской деятельности, в совместной работе с преподавателями, представителями общественных и ветеранских организаций по созданию исторической, краеведческой экспозиции в вузе, поход по местам боёв, шефство над ветеранами войны, жителями блокадного Ленинграда, участии в акциях («Свеча памяти», «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и др.).

Метод участия в практической деятельности предполагает непосредственное участие студентов в конкретной деятельности: организация вечеров памяти, создание волонтерской группы, осуществляющей уборку мест захоронения, шефскую помощь ветеранам ВОВ и жителям блокадного Ленинграда, организация творческого сти-

[206] Там же. С. 62.

хотворного вечера в память о революционных событиях и событиях военных лет, вечера о родном городе, подготовка краеведческой викторины, создание видеороликов, направленных на сохранение исторической памяти, документальных фильмов о профессиональном подвиге жителей блокадного Ленинграда (например, представителей разных профессий: ученых, психологов, преподавателей, воспитателей, врачей и т.д.), участие в деятельности поисковых отрядов, участие в научно-исследовательском проекте, выступление на круглом столе, конференции, участие в открытии школы патриотического воспитания для старших подростков и т.д.

Формы воспитательной работы, связанные с практической деятельностью, создают необходимые предпосылки для удовлетворения потребности молодёжи в активной деятельности, получении необходимых знаний, формировании системы ценностных ориентации, необходимых для становления зрелой, социально активной личности. В такой деятельности у молодых людей появляется возможность самоутверждения, самовыражения, осуществления деятельности на благо общества, закладываются основы уважительного отношения ко всем участникам социальных отношений, активной позиции, открытости социальному опыту. Подтверждением этому является положительное влияние на студентов их участие в волонтерской деятельности. Так, наиболее важными для таких студентов являются такие ценности, как помощь и милосердие другим людям (100 %); социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе (96,7 %); любовь (96,7 %); поиск и наслаждение прекрасным (93,3 %); признание и уважение людей и влияние на окружающих (90 %); общение (83,3 %); здоровье (80 %), что показывает направленность волонтеров на социум, помощь другим людям, реализацию своих способностей в обществе [207].

Формы и методы патриотического воспитания и формирования исторической памяти расширяются и совершенствуются с каждым годом. Это позитивно сказывается на вовлечении студенческой молодежи в деятельность, направленную на формирование патриотического мировоззрения и патриотического самосознания.

---

[207] *Домрачева С. А.* Волонтерские движения как форма организации социального воспитания молодежи // Общественные и гуманитарные науки в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 26–28 февраля 2014 года. — Махачкала: АНОО «Махачкалинский центр повышения квалификации», 2014. — С. 47.

ГЛАВА 3

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗАХ: ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

3.1. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Историческая память является консолидирующим началом нации, это своего рода социогенетический код, в котором сохраняются и передаются знания о национальной истории, культуре, традициях народов страны, о значимых для нации событиях. Историческая память включает в себя фундаментальные ценности, оказывающие ключевое влияние на становление патриотического самосознания и во многом определяющие процесс формирования национальной идентичности.

Ж. Т. Тощенко в своей монографии отмечает, что историческая память «это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования данного народа в истории»[208].

В связи с этим историческая память становится важным объектом социального управления, требует системного подхода в её формировании, сохранении и трансляции новым поколениям. В этом отношении социальные технологии можно рассматривать как действенный инструмент, позволяющий решать обозначенные задачи.

Термин социальные технологии один их новейших в социологической науке. В отечественной социологии разработкой про-

[208] *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек: Монография. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — С. 296–297.

блем, непосредственно связанных с данным понятием занимались Ю.П.Аверин, А.К.Зайцев, В.Н.Макаревич, В.С.Дудченко, Л.Я.Дятченко, Ю.Д.Красовский, В.И.Патрушев, А.И.Пригожин, В.В.Щербина, В.В.Орлова, В.Н.Иванов, И.Б.Орлова и др.

Сегодня социальные технологии рассматривают как интеллектуальный наукоемкий ресурс, использование которого позволяет не только исследовать и прогнозировать различные социальные изменения, но и активно влиять на социальные процессы, корректировать их по заранее определенным целям, получать предзаданный социальный результат и изменять социальную реальность [209].

Технология представляет собой способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и выбором оптимальных средств и методов их выполнения.

Разработка технологии обеспечивает рациональность процесса деятельности. Технологизация социальных процессов связана с действием следующих факторов:

- разделением процесса на внутренние взаимосвязанные этапы, фазы, операции;
- координацией и поэтапностью действий, направленных на достижение искомого результата;
- следованием общей логике процесса, соблюдением основных требований к выполнению включенных в технологию процедур и операций.

В следствие того, что технология алгоритмизирует деятельность она может быть использована многократно, распространена для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры субъекта, осуществляющего социальное управление.

Социальная технология — это определенная, специально подготовленная и последовательно реализуемая деятельность, направленная на решение социальных проблем; это процесс целенаправленного воздействия на социальный объект с целью получения запрограммированного результата, с помощью специальных методов и методик.

---

[209] Социальные технологии: Учеб. пособие / Под ред. И.Б.Орловой. — М.: Изд-во Юрайт, 2021. — С. 11.

Социальная технология является совокупностью последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации социальных программ, проектов.

По мнению К. Поппера, технологии делится на два вида.

1) «Частичная» технология, характеризуется реалистичностью, правильным пониманием того, что можно сделать с помощью имеющихся способов, форм и методов социального влияния. Она включает в себя анализ реальных процессов и их осуществление в ходе практической деятельности.

2) «Холистическая» (утопическая) технология, предполагает решение поставленных задач быстро, решительно, революционным путем. Поэтому, по мнению К. Поппера, она не способна своевременно учесть и предупредить нежелательные, вредные последствия предусмотренных мероприятий [210].

Социальные технологии, используемые для управления социальными процессами должны быть научно обоснованы, ориентированы на достижение определенной цели, системны, представлять собой алгоритм действий, последовательны, контролируемы, должны обеспечивать скоординированность действий, должны обладать возможностью к тиражированию, должны быть рациональны, гарантировать достижение результата [211].

Задача формирования исторической памяти может быть реализована через построение социальной технологии, содержащей конкретную цель, процедуры, операции, этапы, иметь показатели промежуточных результатов.

Используя алгоритм, предложенный И. Б. Орловой [212], можно сконструировать технологию деятельности вуза по формированию исторической памяти и патриотического воспитания обучающихся, включающую в себя ряд процедур, этапов и операций, находящих отражение в следующих задачах.

Первой задачей специалиста, разрабатывающего социальную технологию по сохранению исторической памяти молодёжи является получение максимально полного социального знания об истори-

---

[210] См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Цит.: по Фененко, Ю. В. Социология управления: Учебник. — М.: ЮНИТИ, 2011.

[211] Социальные технологии: Учеб. пособие для вузов. Под ред. И. Б. Орловой. — М.: Изд-во Юрайт, 2021. — С. 18.

[212] Там же.

ческом сознании молодёжи, системе её ценностей и патриотическом самосознании.

Второй и наиболее важной задачей является задача, связанная с определением целевого ориентира, желаемого результата, измеряемого конкретными показателями, к которому должны привести реализуемые мероприятия. В данном случае в качестве показателей будут выступать уровень исторических знаний и уровень патриотического сознания молодежи.

Третья задача состоит в разработке модели практических действий, направленных на развитие исторического сознания студенческой молодежи и её патриотического самосознания, подборе форм и методов патриотического воспитания, отвечающих возрастным особенностям молодёжи, её менталитету.

Четвертая задача предполагает рациональное расчленение деятельности на этапы, процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией. Процессе формирования и развития системы патриотического воспитания вуза потребует *подготовительного этапа*, в рамках которого должна быть оформлена общевузовская стратегия, определены цель, задачи и ключевые направления деятельности, разработана концепция взаимодействия образовательной организации с внешними субъектами патриотического воспитания. Принципиальным является вопрос формирования открытой (не замкнутой в рамках образовательной организации) системы патриотического воспитания и формирования исторической памяти. На данном этапе потребуется интеграция в рабочие программы воспитания и рабочие программы гуманитарных дисциплин целей по формированию патриотического мировоззрения и исторической памяти. В стратегию патриотического воспитания должно быть включено в качестве отдельного направления деятельности развитие информационной инфраструктуры, позволяющей размещать контент обеспечивающий полноценный формат просветительской деятельности и оперативное информирование о предстоящих события.

На *организационном этапе* необходимо выстроить структуру системы патриотического воспитания, определить характер взаимодействия всех системообразующих компонентов, продумать создание координирующего органа, который будет согласовывать деятельность всех субъектов патриотического воспитания. Этап

планирования деятельности по развитию патриотического мировоззрения обучающихся и формированию исторической памяти включает в себя календарное планирование, привязанное к общенациональному и региональному календарю исторических дат и мероприятий, а также включение в него мероприятий патриотической и исторической направленности, реализуемых управлением по работе со студентами, кафедрами и структурными подразделениями вуза. На данном этапе должны быть согласованы вопросы обеспечения материальной базы для проведения намеченных мероприятий, установления соглашений по использованию внешних площадок, предварительных договоренностей о приглашении на площадку вуза ветеранов, экспертов, лекторов, руководителей поисковых отрядов, формирование графика экскурсионных мероприятий и т.д. Итогом организационного этапа является не только календарный, но и организационный план, в котором должны быть указаны сроки проведения мероприятия, ответственные лица, источники информирования о предстоящем мероприятии, описана материальная база и указаны необходимые средства для проведения мероприятий.

Этап реализации мероприятий по патриотическому воспитанию и формированию исторической памяти предполагает освещение предстоящих мероприятий, обеспечение доступности информации о поведении мероприятий, формирование и публикацию контента по итогам поведенного мероприятия, привлечение к формированию такого контента непосредственных участников события (формировать общий фонд фотографий, брать короткие интервью, создавать форумы на информационных ресурсах вуза, где участники события могли бы делиться впечатлениями).

Пятая задача — контроль промежуточных результатов, возможность вариативной корректировки действий. Контроль результатов воспитательной деятельности в вузе должен включать в себя не только количественные, но и качественные показатели. Так, оценка эффективности воспитательных мероприятий может осуществляться на основе оценки сформированности базовых компонентов исторической памяти: эмоционального, мировоззренческий и поведенческого.

Эмоциональный компонент функционирования исторической памяти отражает степень сформированности чувств, связанных с пониманием значимости исторических событий в судьбе страны

и её народа, переживания чувства гордости за свою страну, народ и чувства гордости за принадлежность к ним.

Мировоззренческий компонент функционирования исторической памяти находит отражение в системе исторических и политических знаний, в системе ценностных ориентаций личности, позволяющих установить связь со смыслом жизни, самосознанием и самоопределением.

Поведенческий компонент функционирования исторической памяти проявляет себя в гражданской позиции индивида, его участии в социально значимых делах и проектах, свидетельствующих о высоком уровне патриотического сознания, желания быть полезным конкретным людям, обществу, Родине. Поведенческий аспект функционирования исторической памяти находит отражение в жизненных планах и проведении свободного от учёбы и работы времени.

В завершение осмысления вопросов формирования исторической памяти и патриотического самосознания молодёжи на этапе профессионального становления хочется вспомнить слова Д.С.Лихачёва, который в своей книге «Земля родная» писал: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера. Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности»[213]. О патриотизме российский ученый-литературовед говорил, как о творческом начале, «которое может вдохновить всю жизнь человека; избрание им своей профессии, круг интересов — всё определять в человеке и всё освещать»[214].

Таким образом, формирование исторической памяти и патриотизма в процессе профессионального становления является крайне важным процессом, так как позволяет будущему специалисту раскрыть жизненную перспективу, осознать смысл избранной профессии и обрести смысл своего труда. Развитие духовно-нравственной культуры современной молодёжи в процессе получения высшего профессионального образования служит созданию интеллектуальной элиты российского общества, которая будет способна трудится на благо родной страны и её народа.

---

[213] *Лихачев Д.С.* Земля родная. — М.: Просвещение, 1983. — С. 32.

[214] Там же. С. 12.

3.2. ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ЗАДАЧА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗАХ

3.2.1. Роль исторической науки и псевдоисторического «научпопа» в формировании исторических знаний подрастающего поколения

Современный мир пытается развиваться и позиционироваться как открытая социальная система, главным достоянием которого являются информация и система коммуникаций включающая в себя прессу, кинематограф, радиосвязь, телевизионное вещание, социальные сети интернета, научную и популярную литературу, музыкальные произведения, субкультурные пласты современного социума.

Из-за непомерно разросшегося информационного плато индивидууму, живущему в современном информационном пространстве, становится достаточно сложно разобраться в правдивости той или иной информации, что определённым образом затрудняет объективацию исторического процесса, вносит в историческое понимание прошлого неоправданный субъективизм, приводящий зачастую к аберрации исторической памяти, искажению восприятия события прошедшей эпохи.

Однако, это не главное испытание исторической правды. Более опасным прецедентом её недопустимого изменения является сознательное искажение исторического прошлого, когда в угоду сиюминутным неоправданным амбициям отдельных государств исторические процессы, исторические явления или отдельные исторические события, начисто переписываются в угоду информационной войне.

Подобные атаки на историческую науку приводят к тому, что сознание некоторых наших современников начинает воспринимать официальную историю неадекватно, как мнимую, а исторические аберрации, искажения, современные исторические мифы, псевдосенсации как подлинную.

При этом атакам подвергаются как правило темы, связанные с патриотическим воспитанием: «Татаро-монгольское нашествие», «Невская битва», «Ледовое побоище», «Куликовская битва», «Правление Ивана Грозного», «Битва при Молодях», «Северная война», «Правле-

ние Петра I», «Реформы Петра I», «Отечественная война 1812 года», «Первая мировая война», «Вторая мировая война», «Великая Отечественная война».

Так, в частности, некоторыми псевдоисториками озвучивается идея о том, что никакого монгольского нашествия не было, при этом прямая доказательная база этой «гипотезы» отсутствует, отсутствует добросовестная работа с первоисточником, игнорируется методологическая база исторической науки.

Например, современный писатель, проживающий в Красноярске, А. Бушков, не имея даже исторического образования, выпустил книгу «Россия, которой не было», где подверг сомнению факт монгольского завоевания русских княжеств ханом Батыем, при этом опираясь лишь на свои домыслы, не прибегая к системному анализу первоисточников. К сожалению, такой версии исторических событий придерживается не только А. Бушков. В интернете можно найти достаточное количество публикаций похожего содержания. В частности, противники татаро-монгольского ига указывают на отсутствие письменных источников, рассказывающих о монголах и монгольских завоеваниях. Но это лишь показывает их методологическое невежество.

На самом деле, письменных источников, которые свидетельствуют о нашествии Батыя на Русь, существует достаточное количество. Есть русские источники, персидские, китайские, европейские, сообщающие о монголах, их истории и завоеваниях. Следует подчеркнуть, что в европейских и русских источниках, воинов Бату-хана называют «татарами», а в китайских и персидских источниках «монголами».

Хочется отметить, что эти источники по хронологии важнейших событий, по важнейшим личностям, географии взаимно подтверждаются, согласуются между собой. В частности, один из средневековых авторов Рашид-ад-Дин в своей рукописи рассказывает не только о походе монгольских войск на Восток, на Восточную Европу. Он достаточно подробно пишет о нашествии Бату-хана на русские земли. При этом некоторые фрагменты его текста дополняют и уточняют информацию, которую сообщают русские летописцы.

Основной труд Рашид-ад-Дина, «Сборник летописей», неоднократно публиковался в отрывках (публикации И. Березина, В. Тизенгаузена), а в 1948–1952 гг. издан в научном переводе, снабженном многочисленными комментариями.

В исторических музеях представлено достаточно большое количество артефактов, подтверждающих существование Золотой Орды. Это и ярлык хана Тимур-Кутлуга датируемый 1397 г., металлическая пайцза, символ ханской власти, датируется 1361 г., это керамика Золотой Орды XIV в. и многое другое. В 1995–2004 гг. в Среднем и Нижнем Поволжье проводились исследования поселений XIII–XVI вв. относящихся к улусу Джучи, старшего сына Чингисхана. Хотя первые планомерные раскопки городов Улуса Джучи. начались в 1959 г. под руководством патриарха золотоордынской археологии Г.А.Федорова-Давыдова.

Сегодня в историю золотоордынской археологии ярко вписаны имена исследователей Г.А.Федорова-Давыдова, Н.М.Булатова, В.Л.Егорова, И.С.Вайнера, А.Г.Мухамадиева, Н.М.Носковой, Т.В.Гусевой, М.Д.Полубояриновой, Н.Н.Бусятской, Л.Т.Яблонского, М.Г.Крамаровского, П.П.Бырни, Р.Г.Фахрутдинова, Л.Л.Галкина, И.В.Волкова, Э.В.Зиливинской и многих других.

Труд профессиональных историков убедительно доказывает историческую объективность нашествия Батыя и существование золотой Орды, опровергая лженаучные теории и тем самым сохраняя историческую память, которая играет важнейшую роль в патриотическом воспитании.

В 2021 г. исполняется 800 лет нашему великому соотечественнику Александру Невскому, ковавшему славу русскому оружию, своими знаменитыми победами на реке Неве и на Чудском озере.

В воспитании патриотических чувств у подрастающего поколения эти победы имеют важнейшее значение, однако, некоторые современные блогеры, не заботясь об исторической объективности утверждают, что значение Невской битвы сильно преувеличено отечественными историками, ссылаясь на то, что в ней принимало участие незначительное число воинов как со стороны шведов, так и со стороны Новгородского войска под руководством Александра Ярославича.

Что нам сообщают об этой битве первоисточники? Важнейшим источником событий, связанных с битвой на Неве выступает Новгородская летопись старшего извода, которая датируется 1330 годом, другим важнейшим источником является литературное произведение «Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя

Александра» известное в исторической литературе как Житие Александра Невского.

Судя по описанию источников, в Невской битве как с одной, так и с другой стороны принимало участие несколько сотен человек. На этом основании и делается вывод о преувеличении значении Невской битвы. Но, во-первых, средневековые сражения велись небольшими военными силами, а во-вторых, те, кто преуменьшает значение Невской битвы, скорее всего не знают или не понимают, принципа историзма.

Любое историческое событие надо рассматривать не с точки зрения современного человека, а с точки зрения того времени, к которому относится то или иное событие. Невская битва состоялась в XIII в., когда численность населения Швеции и Новгородской Земли была на порядок меньше, чем в XXI веке. Поэтому сотни участников сражения, должны оцениваться как значительное число, а значит победа Александра Невского над шведами на Неве в 1240 г. отнюдь не преувеличена, а действительно имела выдающееся значение.

История отечественной войны 1812 года имеет выдающееся значение в патриотическом воспитании. В исторической науке существует достаточное количество работ, посвящённых этой теме. Биография героев Отечественной войны и сам ход военной кампании 1812 г. описаны достаточно подробно с использованием широкого спектра исторических источников.

В частности, интересен фундаментальный труд А.Н.Попова «Отечественная война 1812 года» переизданный в трёх томах в 2008 году. Александр Николаевич Попов, замечательный русский историк XIX века. Его труд был удостоен Уваровской премии Академии наук в 1877 году. В монографии при анализе события автором используются письма М.Б.Барклая- де-Толли, П.И.Багратиона, М.А.Милорадовича, М.И.Кутузова и других героев Отечественной войны 1812 года. Это значит, что, рассказывая о войне с Наполеоном, А.Н.Попов использует обширнейший фактологический материал и это обстоятельство позволяет утверждать о высокой объективности и научной ценности этого труда.

В частности, он пишет о М.И.Кутузове «Князь Кутузов прибыл к войскам, в Царёво-Займище, 17 августа. Они приняли его с та-

ким же восторгом, с каким во всё время его пути от Петербурга повсюду его встречал и провожал народ»[215].

Есть и другие авторы, обстоятельно рассказывающие о героизме русского народа, доблести русских солдат и полководцев в борьбе с агрессией Франции в лице Наполеона Бонапарта. Это работы Земцова В.Н., Бессонова В.А., Котлякова Н.В., Тарле Е.В., Агронова Л.И. и многих других.

Однако, существуют и другие авторы, которые в угоду собственным амбициям, готовы переписать подлинную историю, при этом, нисколько не заботясь об исторической памяти.

В частности, таковым является, Е.Н.Понасенков, написавший книгу «Первая научная история войны 1812 года», выпущенную издательством АСТ в 2017 г., в которой автор в погоне за собственными амбициями и псевдо сенсациями очерняет историческую память о героическом прошлом нашей Родины. Подобного рода публикации, искажающие наше прошлое, не должны появляется на книжных полках.

Например, вот что пишет Понасенков о великом полководце: «Кутузов участвовал во многих сражениях и получил уже тогда настолько опыта, что свободно мог судить как о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказаниях. Ему легко было различить достойного начальника от несоответствующего и решить дело в затруднительном положении, но все эти качества были парализованы в нем нерешительностью и ленью физической и нравственной, которая часто и была помехой в его действиях»[216].

«Как и многие российские придворные и генералы, Александр I, недолюбливал «старую лисицу» Кутузова за склонность к интриганству и претящей угодливости. Кутузов не гнушался никакими средствами, если для карьерного роста нужно было кого-то «убрать с дороги»[217]

Однако, непозволительно субъективный взгляд выдавать за подлинную историю. В Санкт-Петербурге победа над Наполеоном увековечена памятниками М.И.Кутузову, прах которого покоится в Казанском Соборе, М.Б.Барклаю де Толли, князю Петру Ивановичу

[215] *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. — М.: Минувшее, 2008. — С. 231.

[216] *Понасенков Е.Н.* Первая научная история войны 1812 года. АСТ-М. 2017. — С. 324

[217] Там же. — С. 327.

Багратиону, Нарвскими триумфальными воротами на улице Стачек, которые были воздвигнуты в честь памяти о героях Отечественной войны 1812 г. в 1827–1834 годах. К сожалению, подобного рода публикации не позволяют видеть и понимать объективные исторические процессы.

А между тем, на примере героев Отечественной войны 1812 г. воспитывалось не одно подрастающее поколение и будет воспитываться в будущем, но для этого нужно противостоять лженаучной информации, искажающей историческую действительность.

В частности, защите исторической памяти может послужить переиздание трудов советских историков, труды которых опираются на серьёзную научную методологическую базу. Это работы М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, С. Н. Валка, С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, Б. А. Романова, Е. В. Тарле, Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкого, И. И. Минца, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратова, А. Л. Сидорова.

В настоящее время в историческую науку всё чаще вмешивается политика, разрушая историческую память, касаясь её глубин. Факты истории становятся объектом информационных войн.

Особенно это заметно в отношении таких тем как: «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война»

Историческая память является частью народной культуры и представляет собой чувства, эмоции, переживания, которые испытывал народ в момент важных свершений в истории. Однако при стечении определенных обстоятельствах для реализации политических целей историческая память может быть специальным образом сконструирована. Она становится легко управляемой, иногда дело доходит до полного изменения первоначальных интерпретаций и внедрения в массовое сознание сфальсифицированных исторических фактов.

До нынешней эпохи деформации исторической памяти и оценок различных событий носили, эпизодический, скорее частный характер. Но в нынешнем столетии все иначе. Глобальность современного информационного общества, разрушение традиционных устоев жизни народов, их системы ценностей, искажение понятий ложности и достоверности информации создают ряд предпосылок для масштабной, тотальной фальсификации исторической памяти, которая все чаще используется в манипуляциях различных политических сил и информационных войнах.

3.2.2. «Без срока давности»: изучение фактов геноцида советского народа немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны в процессе преподавания истории студентам вузов

Уже более семидесяти шести лет прошло со времени победы советского народа над фашистской Германией. Всё меньше остаётся живых участников событий времён Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, это обстоятельство порождает проблему сохранения исторической правды о войне, обострившуюся из-за противостояния между Российской Федерацией и странами Запада.

Особенно эти попытки стали архиактивными после распада СССР в 1991 г., когда США начали проводить политику отчуждения ближнего зарубежья, бывших советских республик от Российской Федерации.

В некоторых из них в частности на Украине, в Литве, в Эстонии, в Латвии стали сознательно возрождаться и поддерживаться неонацистские политические силы. На Украине власти при поддержке заокеанских звёздно-полосатых друзей, стали поддерживать сторонников нацистской идеологии, под знаменем нацистского преступника Степана Бандеры.

Под крики о декоммунизации на Украине и в странах Балтии началась борьба с памятниками, начались «мемориальные войны», затронувшие и памятники советским военачальникам и солдатам, погибшим при освобождении Украины и Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков, нанося колоссальный ущерб исторической памяти о Великой Отечественной войне. «В целом, с 2004 г. политика памяти в странах Балтии становится все более конфронтационной по отношению к России и русскоязычным соотечественникам, о чем, в частности свидетельствуют развернувшиеся в этот период «мемориальные войны» — уничтожение или перенос памятников героям Великой Отечественной войны, а также продолжающуюся героизацию нацизма, эксплуатацию нарратива «советской оккупации» и отождествление советского режима с нацистским»[218].

Пересмотр истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, прежде всего необходим, США и другим западным

[218] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Указ. соч. С. 39.

странам, чтобы оправдать нацистские режимы в странах Балтии и на Украине и тем самым внести раскол между Россией и бывшим советскими республиками, окружив Российскую Федерацию враждебным политическим поясом.

Именно с этой целью сознательно занижается роль СССР во Второй мировой войне, сознательно перекладывается часть вины за развязывание войны на советское государство.

«Таким образом, мы видим, как принижение роли Советского Союза, оправдание нацистских преступников и преступлений используется для утверждения в общественном сознании мифа о «вечном враге» России, несущей ответственность за все проблемы и неудачи этих стран. Интересно отметить, что вся ответственность за действия советского руководства и, прежде всего, И.В.Сталина полностью возлагается только на Россию. При этом мы видим очевидную манипуляцию, когда интернациональные по своему характеру советские политические элиты начинают трактоваться на основе этничности, к тому же еще и выборочной. Так, почему-то за действия Сталина предлагается извиняться России, хотя с точки зрения этнической парадигмы этого нужно было бы требовать от Грузии. Абсурдность данного подхода очевидна для любого объективного исследователя, однако с помощью этой манипуляции делается попытка решить целый ряд задач не только во внешней, но и внутренней политике»[219].

Попытка переложить ответственность на СССР за развязывание Второй мировой войны предпринималась западными историками неоднократно, которые апеллировали при этом как правило к одному и тому же историческому документу, пакту Молотова-Рибентроппа.

В условиях обострившихся отношений между странами Запада и Россией, враждебно настроенные по отношению к Российской Федерации политики снова начинают обращаться к историческим оценкам развязывания Второй мировой войны, господствовавшим в западной исторической литературе во времена холодной войны, когда, например, такие американские историки, как Л.Фишер, Д.Макшерри, Д.Ротшильд, А.Улам пытались обвинить СССР в экспансионизме, вмешательстве во внутренние дела малых стран, стремлении к их захвату. Изучающим историю Второй мировой войны внушалась мысль об агрессивности СССР, присущей ему генетически.

[219] Там же. С. 41.

В этом видится желание американской историографии обелить современную внешнюю политику США, которая, по их мнению, направлена на сдерживание агрессивной политики со стороны Российской Федерации в Восточной Европе, на Среднем и Ближнем Востоке.

Правдоподобность данной интерпретации новейшей истории пытаются придать бывшие советские республики и страны Восточной Европы, следуя в фарватере американской политики.

В частности, Польша, Литва, Украина, Эстония, Латвия в декларации пятилетней давности, которую они подписали, пытаются возложить ответственность за начало Второй мировой войны на СССР, указывая на то, что пакт Молотова-Риббентропа, заключенный в 1939 г., привел к началу Второй мировой войны, вызванной агрессией Германии, к которой 17 сентября 1939 г. присоединился Советский Союз.

Такое толкование распространяется сознательно, ибо мнение об этом событии имеет важное как идеологическое, так и стратегическое значение.

Однако, сторонники данного подхода забывают или стыдливо умалчивают о том, что в 1938 г. произошло ещё одно событие, которое и явилось ключевым моментом в развязывании Второй мировой войны. Это мюнхенский сговор, когда в Мюнхен приехали лидеры двух ведущих европейских держав: Великобритании и Франции, Чемберлен и Даладье, и подписали договор о дружбе с нацистской Германией, тем самым развязав руки Гитлеру для осуществления захватнических действий в Восточной Европе и таким образом спровоцировали начало Второй мировой войны. Из этого следует, что именно западноевропейские «демократии» и являются основными виновниками начала самой разрушительной в истории человечества войны.

Впервые в истории война велась не только по идеологическому, но и по расовому признаку, порождая геноцид целых народов, в том числе и этносов на оккупированной территории СССР.

К началу 1943 г. на оккупированной территории СССР находилось 73 млн. чел., что составляло 37 % от всего населения страны. Оккупации подверглись территории Белорусской ССР, Украинской ССР, территории прибалтийских советских республик. Кроме того, гитлеровской оккупации подверглись Ленинградская, Псковская, Велико-

лукская, Смоленская, Брянская, Калужская, Новгородская, Калининская, Орловская. Воронежская и другие области РСФСР [220].

В ноябре 1942 г. Верховным советом СССР было принято решение о создании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Масштаб преступлений против мирного населения оккупированных территорий СССР был огромен, и они совершались систематично. Стоит обратить внимание на то, что гитлеровское руководство рассматривало войну с СССР, как борьбу двух непримиримых мировоззрений, воспринимая советскую власть, как преступление против общества, а коммунизм как величайшую опасность для будущего.

Поэтому Гитлер требовал относиться к неприятелю не как к обычному солдату, этот подход распространялся и на мирное население. Война с СССР подавалась как исключение из ряда обычных войн.

Нацистским руководством предполагалось освободить захваченные территории от местного населения. Этим и объяснялась необходимость его уничтожения различными преступными способами, которые были осуждены на Нюрнбергском процессе.

В частности, можно привести следующую цитату из документов, зафиксированных в Нюрнберге в 1946 г. «Утверждение абсолютного примата германской расы, отрицание всех международных правил, проповедь культа силы и развитие чувства мистической общности позволили Германии считать обоснованным и оправдывать использование войн в интересах германской расы. Эта раса должна была непрестанно усиливаться за счет наций, которые приходили в упадок. И Германия возобновила проведение варварских вторжений.

Вполне естественно поэтому, что она вела войну варварскими способами и не только потому, что этика национал-социализма отличается в выборе средств, но и потому, что война должна была стать тотальной по своим средствам и целям.

Касается ли это преступление против мира или военных преступлений, и в том и в другом случае мы не стоим перед лицом случайного преступления, которое можно было, конечно, если не оправдать, то объяснить. Перед нами ряд преступлений, неизбежно вытекаю-

[220] *Балашов А. И., Рудаков Г. П.* История Великой Отечественной войны: Исторический обзор. — СПб.: Питер, 2005. — С. 447.

щих из чудовищной доктрины и подобной доктрины, которую столь охотно использовали руководители нацистской Германии. Прямым следствием национал-социалистской теории была непосредственная подготовка к совершению преступлений против мира»[221].

Принципы оккупационного режима были изложены в письме Мартина Бормана министру оккупированных восточных территорий Альфреду Розенбергу в июле 1942 года.

В этом документе подчёркивалось, что необходимо быть заинтересованным в сокращении прироста населения на оккупированных восточных территориях. «По поручению фюрера я довожу до Вашего сведения его пожелание, чтобы Вы соблюдали и проводили в жизнь в политике на оккупированных восточных территориях следующие принципы.

1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей путем абортов. Немецкие юристы ни в коем случае не должны препятствовать этому. По мнению фюрера, следует разрешить на оккупированных восточных территориях широкую торговлю предохранительными средствами. Ибо мы нисколько не заинтересованы в том, чтобы ненемецкое население размножалось.
2. Опасность, что население оккупированных восточных областей будет размножаться сильнее, чем раньше, очень велика, ибо само собою понятно, его благоустроенность пока намного лучше. Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения ненемецкого населения.
3. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения.
4. Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму.

---

[221] Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1987. — С. 521.

5. Ни в коем случае мы не должны какими бы то ни было мероприятиями развивать у местного населения чувства превосходства! Необходимо делать как раз обратное!
6. Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт.
7. Немцы должны быть обязательно удалены из украинских городов. Даже размещение их в бараках вне городов лучше, чем поселение внутри городов! Ни в коем случае не следует строить русские (украинские) города или благоустраивать их, ибо местное население не должно иметь более высокого жизненного уровня.

Немцы будут жить в заново построенных городах и деревнях, строго изолированных от русского (украинского) населения. Поэтому дома, строящиеся для немцев, не должны быть похожи на русские (украинские). Мазанки, соломенные крыши и т.д. для немцев исключаются.

8. На коренной территории империи, подчеркнул фюрер, слишком многие вещи регламентированы законом. Этого мы ни в коем случае не должны практиковать в оккупированных восточных областях. Для местного населения не следует издавать слишком много законов, здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым. Немецкая администрация должна быть поэтому небольшой. Областному комиссару надлежит работать с местными старостами. Ни в коем случае не следует создавать единого украинского правления на уровне генерального комиссариата или даже рейхскомиссариата.

Экземпляр этой записки я переслал с просьбой принять к сведению господину рейхсминистру и начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу.

Ваш М. Борман»[222]

Из данного исторического документа следует, что немецкие оккупационные власти ни коим образом не были заинтересованы в увеличении численности населения захваченных территорий, а тем более улучшения их жизненного уровня. Никакого развития медицинского обслуживания, благоустройства захваченных городов, развития образования не предусматривалось.

Здесь уместно вспомнить ещё один документ, генеральный план «Ост», который предлагал истребление населения и превращение

[222] Цит. По: Военно-исторический журнал. 1965. № 1. — С. 82–83.

СССР в колонию Германии. Согласно этому плану из 195 млн. жителей СССР должно было остаться 14 млн. чел., которым предписываюсь участь чернорабочих. В кратчайшие сроки нацисты планировали заселить немецкими переселенцами Ленинградскую область, Крым, Херсонскую область, Белостокскую область и западную Литву.

При этом, обращалось внимание на то, что без ослабления биологической силы русского народа установить господство на восточно-европейских территориях не удастся.

Стоит обратить внимание на экономический аспект оккупационной политики гитлеровской Германии. Иногда фашистские власти разрешали частное предпринимательство, в надежде на то, что оно может дать гораздо больше налогов, чем крупное предприятие. Это ещё давало и пропагандистскую составляющую. В частности, это преподносилось оккупационными властями, как освобождение от коммунистического гнёта.

Вместе с тем на захваченных землях объявлялась трудовая повинность, которая объявлялась временной мерой в условиях быстрой победы над большевиками. СССР рассматривался представителями третьего Рейха как колония, а значит в первую очередь как источник для поставки сырья. Именно поэтому нацисткой администрацией устанавливался жёсткий контроль над промышленными предприятиями, готовой продукцией и складами сырья.

На некоторые изготавливаемые предметы вводилась монополия, собственностью нацистской Германии становились предприятия тяжёлой промышленности, лёгкой промышленности, электростанции, железные дороги, для использования которых создавались восточно-немецкие кампании, они и получали в аренду предприятия. Местному населению разрешалось мелкое предпринимательство, объявлялась в качестве пропаганды, отмена советских налогов, но со временем вводилась другие, ложившиеся тяжким бременем на жителей оккупированных территорий. Сельское население обязано было платить подушную подать, налог с построек, поземельный налог, частные предприниматели, рабочие и служащие платили прогрессивный налог. Все торговые расчёты проводились в оккупационной марке.

Население, особенно сельское привлекалось к трудовым работам в виде трудовой повинности, главной формы эксплуатации на оккупированной земле.

Голод, охвативший оккупированные территории в 1941 г. был результатом того, что нацисты вывозили в Германию всю сельскохозяйственную продукцию, даже землю вагонами, таким образом, ограничивая возможности поставки продукции из одних регионов в другие.

Положение населения РСФСР попавшего под оккупацию было крайне тяжёлым из-за такого положение. Это можно видеть из документов тех лет. Вот, что сообщает Н. М. Кочедаева, жительница деревни Пухолово, Мгинского района Ленинградской области: «30 августа 1941 г. в дер. Пухолово прибыли в качестве оккупантов немецкие войска. С первых дней прихода, немецкие захватчики отобрали от населения коров, кур и хлеб, тем самым обрекли на голод все население.

В 1941 и 1942 г. был исключительный голод, они выгоняли население на непосильные работы, в силу чего много граждан и детей, прибывших с других районов, умерло от голода. Фамилии же трудно установить.

В 1942 г. в феврале месяце мальчик Страгин Николай, 14 лет, пошел в немецкую столовую попросить есть, там в это время никого не было, он обнаружил на столе небольшой сверток, который взял себе.

В этом свертке оказался железный крест на имя одного немецкого офицера, боясь ответственности, он этот крест забросил в снег, когда немецкое командование дозналось, что он похитил этот крест, его забрали, отвели на Мгу, где его повесили, мать к нему не допускали и хоронить не разрешили.

За каждое малейшее нарушение приказов немецкого командования мирных граждан били палками и плетьми. Так жительницу дер. Пухолово Сучкову Любовь Васильевну за то, что она отошла от деревни без разрешения, избили немецкие солдаты плетью.

С 20 октября 1943 года немецкое командование начало из дер. Пухолово увозить в немецкое рабство все гражданское население. В дер. Пухолово было всего 650 человек жителей и всех до одного вывезли в глубь своего тыла. Со слов записано верно и мной прочитано»[223].

Голод был страшный, до такой степени, что население вымирало целыми семьями. Особенно сложным было положение в городах.

[223] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ленинградская область: Сборник архивных документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. — С. 318–319.

Люди ели собак, падших животных. Возвращаясь к определению трудовой повинности необходимо отметить, что она касалась всех жителей в возрасте от 16 до 50 лет. За неявку, уклонение от работ или опоздание к местным жителям применялись различные суровые наказания. Могли избить железными прутьями, резиновыми палками, прикладами, заключали в карцер и даже прибегали к крайней мере наказания, расстреливали. Гражданское население привлекалось к таким видам работа как сбор урожая, трофеев, разминированию, строительство оборонительных укреплений, восстановление мостов, к заготовкам леса, подвоз боеприпасов, доставка немецких раненых в госпиталь, стрика белья для солдат. Никаких денег за свою трудовую деятельность жители оккупационных деревень и городов не получали.

Система управления оккупированных территорий была весьма в духе нацистской Германии. В частности, в городах создавались городские управы, с земельными, торговыми и другими отделами. Во главе управы стоял бургомистр, назначаемый из местного населения.

Вместо советов создавались волости со старшинами, а в сёлах избирали старост из местного населения. Однако, главным представителем оккупационной власти являлся военный комендант.

Коменданту помогали отряды полицаев, которых набирали из местных элементов уголовного характера. На оккупированных территориях действовал комендантский час. До рассвета нельзя было покидать дома, двери которых должны были оставаться открытыми. За любое невыполнение приказа следовало наказание.

Колхозы нацисты первоначально сохранили, но для использования их в собственных целях, ради заготовок зерна и фуража для армии. Регулярно устраивались рейды по хатам с проверкой подвальных помещений, на наличие спрятанных запасов еды, у крестьян забирали практически всё, включая одежду, обувь, в зимний период снимали валенки с сельчан. Людей просто грабили и награбленное высылали посылками своим родственниками в Германию.

Вот что свидетельствует стрелочник станции Оредеж Назаров Г.С. из деревни Коленцево: «Если на арестованных замечали приличную обувь, то грубо срывали ее, заменяя опорками или лаптями. Кормили супом из нечищеного картофеля 2 раза в день и граммов 100 хлеба в день. 28/I-1944 г. часов в 3–4 утра двоих из соседней камеры вывели, будто на работу. Больше они не вернулись. Нас потом послали грузить

имущество СД на машины, так как они готовились к отступлению. После обеда нас человек 40 арестованных отпустили. Мы не верили своему счастью. Когда я пришел в Павшино к своим родственникам, они мне сообщили, что вчера (очевидно 27/I-1944 г.) в Караже расстреляли и сожгли 12 человек арестованных, сидевших в Оредежской тюрьме (Дом культуры). Один из них спасся. Он получил не смертельную рану и, когда немцы убедились, что все убиты и дом горит, ушли прочь, он выполз из горящего дома и пришел в Павшино. Колхозники дер. Павшино указали ему путь к партизанам, куда он и ушел с твердым намерением отомстить негодяям за их дикие зверства»[224].

Жителям приходилось переходить на подножий корм, чтобы выжить, собирать солому, мякину, траву, сушить, размалывать в кофейных мельницах и готовить из этого хлеб военной поры. Летом население оккупационных территорий спасалось лесными дарами, грибами, ягодами, но собирать их немцы разрешали только женщинам.

От перманентного голода люди начинали болеть и особенно тяжёлой становилась ситуация в условиях эпидемии. Для обеспечения поддержки оккупационного режима со стороны местного населения нацисты широко использовали агитацию и пропаганду. Они организовывали достаточно большое количество изданий. Это были печатные газеты и стенные.

В крупных населённых пунктах фашистское командование устанавливало радио, рупоры, через которые передавали сообщения на русском языке. Содержание нацистской пропаганды было незамысловатым: геббельсовская пропаганда пыталась внушать местному населению, что немецкая армия — это армия освободителей русского народа от евреев и большевиков, стремилась убедить население в победе Германии, и что Москва и Ленинград уже взяты немцами, что сопротивление Красной Армии полностью и бесповоротно сломлено.

Кроме того, с целью борьбы с партизанским движением, гитлеровская пропаганда запугивала местное население, однако, основным средством воздействия нацистского режима на людей был террор, который приобрёл массовый характер и ничем не ограниченный.

Захват территории Советского Союза начинался с акции устрашения, сопровождавшиеся захватом мирных жителей, которых публично вешали и не разрешали снимать тела несколько месяцев.

---

[224] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. — С. 156–157.

Так же поступали и с теми, кого расстреливали на улицах городов и деревень. Первыми жертвами таких акций становились партийные и советские работники.

Другим направлением в деятельности оккупационного режима было насильственное отселение мирных граждан. Оно происходило в условиях наступления Красной армии и приводило к ещё большему ухудшению их положения, поскольку переселение осуществлялось без имущества, часто оно происходило с уничтожением тех, кто по мнению гитлеровских палачей не мог представлять интереса для нужд Германии.

Таковыми как правило были старики, больные, раненые и дети. Для советских граждан эти акции преподносились как спасение от советской власти. Колоны переселенцев растягивались на километры, пути, усеянные трупами, ибо немецкие конвоиры осуществляли расстрелы слабых, не способных идти.

Гитлеровское командование поставило перед своими войсками задачу, что они после себя должны оставить выезженную пустыню, которая длительно время была бы непригодна для сельскохозяйственной деятельности, на которой не должно было остаться людей.

Такое отношение к местному населению имеет право быть охарактеризованным как геноцид. Сам термин «геноцид» был введён в оборот польским юристом, этническим евреем Рафаэлем Лемкиным в 1944 году. Перевод термина звучит буквально как убивать племя. Этим словом он хотел обозначить варварские действия немецкой военщины по отношению к европейским народам на оккупированных территориях во время Второй мировой войны.

Юридическое оформление геноцида произошло в 1946 г., когда в ООН была принята резолюция от 11 декабря в которой заявлялось, что геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ; такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, представляемых этими человеческими группами, и противоречит нравственному закону, духу и целям ООН.

В 1948 г. на Генеральные Ассамблеи ООН 9 декабря была принята конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании

за геноцид, которая вступила в силу 12 января 1951 года. По сути она может рассматриваться как первый договор о правах человека, принятым под эгидой ООН. По состоянию на декабрь 2017 г. её ратифицировали или присоединились к ней 149 государств.

В 1968 г. под эгидой ООН была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Этот документ, оказал существенное влияние на международное право, закрепив в нём положение о том, что в отношении военных преступлений, преступлений против человечности не может быть срока давности. К настоящему времени эту конвенцию поддержали 55 государств — участников.

Преступления, совершённые нацистами на территории СССР, попадают под определение геноцида и не подлежат списанию из-за срока давности. В качестве примера, можно рассмотреть действия нацистского режима на оккупированной территории в Ленинградской области во время Великой Отечественной войны в частности в Гатчине, которая во время войны назывался Красногвардейском. Во время оккупации Гатчина превратилась в центр расположения гитлеровского командования, в аэродром, в центр коммуникаций и продовольственных ресурсов германских захватчиков. Через Гатчинский железнодорожный узел проходили главные магистрали снабжения войск 18-й германской полевой армии.

Главная задача, которую ставило нацистское руководство, это германизация захваченных территорий.

Для того, чтобы воплотить её в жизнь ранее были продуманы и предусмотрены принципы оккупационной политики, характерные для чудовищной нацистской администрации, а также методы насильственного внедрения «нового» немецкого порядка, создан и подготовлен специально для этих дел соответствующий аппарат. В этих же целях нацистская пропаганда вещала на всю округу об угрозе большевизма, а также о том, что они якобы несут советскому народу прикосновение к европейской цивилизации [225].

Гражданам территорий, попавшим под оккупацию было запрещено покидать постоянное место жительства без разрешения фашистской власти. Людей лишали экономических и политических прав.

[225] *Козлов Н. Д.* Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны: Монография. — СПб.: Альтер Эго, 2008. — С. 222.

Везде на улицах мелькали таблички с одной и той же надписью «только для немцев». Повсеместно была введена трудовая повинность, не исполнение которой жестоко наказывалось.

Провинившихся в лучшем случае отправляли в тюрьмы, либо каторжные лагеря, а в худшем случае расстреливали. Немецкие оккупанты разработали систему штрафов, ввели телесные наказания, натуральные и денежные налоги. Даже город переименовали в Линдеманштад, в честь командующего 18-й армией Георга Линдемана.

В Ленинградской области во время немецкой оккупации захватчиками был создан целый ряд лагерей для военнопленных. Наиболее значительное количество концлагерей нацистские изверги построили в Гатчинском районе. В самой Гатчине разместился пересыльный лагерь Дулаг-154, а некоторые его филиалы — на аэродроме, в казармах артиллерийских, на улице Хохлова, на территории фабрики «Граммофон». В лагере содержались военнопленные, большевики, евреи, подозрительные лица.

Руководил страшным заведением бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Франц Шталекер. В последствие он был уничтожен неизвестным патриотом в 1942 г. 23 марта, когда выходил из собственной штаб-квартиры.

Помимо Гатчины лагеря были обустроены в поселениях Саблино, Тайцы, Корсино, Рождествено. Врач Розенберг А. Н., один из бывших военнопленных лагеря, рассказывал: «За время моего пребывания в Рождественском лагере, в лазарете которого я работал, ежедневно умирало от 50 до 70 человек…

В лагере я наблюдал частые случаи групповых расстрелов по 7–8 человек. Расстреливали, главным образом, коммунистов, комсомольцев и евреев. Расстрелы производились гестаповцами. Однажды были расстреляны 9 раненых военнопленных за то, что они собирали отбросы в помойной яме кухни конвойной команды.

О Рождественском лагере смерти я могу сказать, что за время моего пребывания в нем там было расстреляно и умерло от голода и эпидемии тифа около 6500 человек. Эти люди похоронены невдалеке от села Рождествено на опушке леса, а также на территории самого лагеря.

Избиения раненых военнопленных я наблюдал и в лагерях во Мге, Корсино, Гатчине. В Саблинском лагере военнопленных я наблюдал

систематическое исчезновение заключенных еврейской национальности»[226].

Начиная с 1943 и вплоть до 1947 г. в Ленинградской области работала комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Её задачи определяла Чрезвычайная Государственная Комиссия. Работа комиссии ориентировалась на документальные материалы. Это показания потерпевших, свидетелей, заключения медицинских, технических, экспертов [227].

В 1944 г. десятого октября комиссия определила, что «в течение первых шести месяцев оккупации города Гатчина немецкие захватчики, стремясь терроризировать население, применяли публичные казни лиц, заподозренных в участии в партизанском движении, а также задержанных за воровство и евреев. В различных местах г. Гатчина, а именно на Рыночной площади, у дворца, у Коннетабля были устроены виселицы, где ежедневно можно было видеть по несколько трупов повешенных. Они снимались через каждые 3–4 дня, заменялись новыми. Всего погибло на виселицах не менее 750 человек, из них по показаниям очевидцев персонально установлены 6 человек»[228]

Результатом работы комиссии стал интересный документ датируемый четырнадцатым ноября от 1944 года. Это акт об ущербе, который был нанесён Гатчине германскими нацистами, в котором указывалось следующее «за период оккупации в Гатчине было расстреляно 100 чел., повешено 762, умерло от истязаний 35 008, погибло военнопленных 80 000, угнано в рабство в Германию 17 000 советских людей. Согласно переписи, проведенной немцами в июне 1943 г., в Гатчине числилось 22 тыс. жителей, в момент освобождения здесь находилось 2,5 тыс. чел. В акте приведен следующий пример: после освобождения Гатчины представителями советских властей было опрошено о нанесенном ущербе 355 семей, постоянных жителей Гатчины, находившихся там во время оккупации. Общая сумма ущерба, нанесённого только этим семьям, составляла 7501,9 тыс. руб.»[229].

---

[226] Без срока давности…Ленинградская область: Указ. соч. С. 366.

[227] *Иванченко Н. Ю.* Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Автореф. дисс… канд. ист. наук. — СПб.,: ЛГУ имени А.С.Пушкина 2004. — С. 19.

[228] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. С. 366.

[229] Там же. С. 366.

Данный документ показывает, насколько тяжким бременем была немецкая оккупация для Гатчины. Жестокость и зверства немецких оккупантов продолжались вплоть до последних дней оккупационного режима. Вот, что вспоминает коренной житель Гатчины, Заслуженный работник культуры РФ Борис Федорович Патрикеев. Во время войны ему было семь лет. Воспоминания записаны и переданы Т. Можаевой в 2007 году.

«Как и говорили партизаны, через три месяца после их визита в городе начались ожесточенные бои. Стреляли из дальнобойных орудий, бомбили самолетами. Все уцелевшие гатчинцы прибежали в Павловский собор и спасались в нижнем пределе. Выглядывая наверх, Борис видел, как от улицы 7-й Армии по Урицкого прошли немцы из зондеркоманды с ранцами за спиной, в которых было горючее. Они поливали огнем дома, бросали гранаты. От церкви фашисты повернули в сторону Татьянино.

а день до освобождения бой разгорелся прямо у стен собора. Видимо, у немцев был план взорвать собор. Но рядом оказались наши разведчики. Они не дали врагу осуществить замысел, но группу окружили, остался один офицер, которого спрятали в соборе. Наступила ночь. Батюшка велел закрыть ворота, которые были решетчатыми и служили чисто символической защитой. В 22 часа бой утих. Люди легли спать, но ненадолго. В 3 часа ночи Бориса с криками растолкала мать. Кругом вопли, гарь, дым. Бой возобновился с новой силой. В окно влетела мина, ударилась в проем и разорвалась. Кусок бетона ударил мать в бок, она получила контузию».

После провала плана молниеносного ведения войны и поражения под Москвой, руководство третьего рейха столкнулось с проблемой нехватки рабочих рук. Эту проблему они пытались решать с помощью насильственного угона народа живущего на оккупированной территории в Германию.

Сначала подобная политика оккупантов осуществлялась путём агитации, ориентируясь на добровольное переселение граждан, однако начиная с 1942 года, данная политика приобретает массовый характер.

Для этих целей было создано правление генерального уполномоченного по использованию рабочей силы.

Населению показывался агитационный фильм о том, как прекрасно приехавшие рабочие живут в Германии. Применялись рас-

сказы очевидцев с фотографиями о сытой жизни. Говорилось о том, что их ожидает восьмичасовой рабочий день в счастливой цивилизованной Германии.

Однако, большинство советских граждан не соглашались на подобные посулы добровольно покинуть родину, таких было единицы. Остальное население отправлялось захватчиками в неметчину насильно и сам процесс приобрёл массовый характер.

Вот что сообщает акт Кингисеппской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о насильственном угоне населения района в Ленинградской области: «Широко применяли немцы насильственный угон населения в другие районы Ленинградской области и в частности на строительство сооружений под Ленинградом, железной дороги в Тосненском районе. Оплаты мобилизованному населению немцы не производили, содержали на голодном пайке, выдавая 1200 граммов хлеба в неделю.

С первых дней, после захвата Кингисеппского района, оккупанты приступили к насильственному угону советских людей в рабство в гитлеровскую Германию. Под угрозой оружия немцы требовали от населения подписывать трудовые обязательства «о добровольной» поездке на работу в Германию. Насильственный угон уже всего населения проводили немцы в период отступления. До войны в городе Кингисепп проживало 6,5 тыс. чел. К приходу войск Красной Армии, на 1 февраля 1944 года в городе было всего лишь 1010 чел. В селах района до войны жило около 57 тыс. человек, сейчас осталось лишь 8599 чел. Всего насильно угнано в Германию из города Кингисепп и района более 18 тыс. чел. Из Котельского сельсовета в ноябре 1943 г. немцы насильно увезли 697 чел.

Многих крестьян немцы ловили в лесу и прямо из леса, без вещей, увозили в Нарву. Из Ратчинского сельсовета немцы угнали 632 человека. Спаслось от угона в Германию всего по сельсовету — 155 человек, а в деревне Марфицы осталось всего лишь 11 человек жителей, в деревне Лоузно — 15.

Немного населения осталось и в Райковском сельсовете. Здесь немцы расстреляли 5 человек, погибло от голода 14 чел [овек] и угнано в рабство — 792 человека. Из Конновского с/совета немцы увезли 1123 чел. Немцы для угона населения применяли самые жестокие

меры: объявляли вне закона убежавших в лес людей, сжигали деревни, делали облавы с собаками.

В Руддиловском и Алексеевском сельсоветах немцы расстреляли 33 чел. за отказ от эвакуации. Из Сойкинского сельсовета гитлеровцы угнали 2054 чел., применив излюбленный метод устрашения населения путем сжигания деревень.

Председатель районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории»[230].

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер даже рассчитал экономическую эффективность такой рабочей силы. Показатели включали в себя плату, которую получало государство за сдачу подобного рабочего в аренду на заводы, или сельскохозяйственные предприятия, затраты на питание и одежду.

Предполагалось, что рабочих из СССР, можно было использовать только в течение девяти месяцев, по сути столько в среднем привезённые каторжане проживали в Германии, так большинство от непосильного труда, который там присутствовал, умирали. Расчёт предполагал рациональное использование даже трупа умерших рабочих.

По расчётам, фашистского изверга Гиммлера, прибыль с каждого рабочего, привезённого с востока должна была составлять 1631 марку.

В дальнейшем оккупанты отработали систему угона населения до мелочей. В ход шла тотальная ложь, населению объявляли о том, что в целях эвакуации всем необходимо прибыть на сборный пункт, а на деле их отправляли в Германию.

Особо тяжким грузом на совести нацистских преступниках лежат преступлена против человечества. Большое количество архивных документов свидетельствует о злодеяниях фашистских оккупантов. В частности, они свидетельствуют о преступлениях, совершённых нацистами против женщин и девушек, о многочисленных случаях их изнасилования.

Об этом свидетельствует протокол опроса Протокол опроса свидетеля Е.Сергеевой, жительницы Кингисеппского района, о жестоких действиях немецко-фашистских захватчиков в отношении престарелой жительницы одного из сел района «Во время немецкой оккупации нашего района над населением было немецкое издева-

[230] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. — С. 366.

тельство. Как, например, в январе 1944 года к нашей односельчанке Пелагее, 1854 г. рождения, ворвался в квартиру пьяный немец. Увидев старуху на кровати, он стащил ее на пол и изнасиловал, потом бросил ее на кровать и нанес ей по лицу поленом тяжелое ранение. От удара глаз истек кровью, и была раскровлена вся голова. Это мне рассказала сама Пелагея, когда я пришла к ней через некоторое время после немца. Я сразу же побежала к немецкому санитару, который пришел и перевязал голову не велел развязывать три недели. Но не выдержала три недели и умерла. Больше показать ничего не имею»[231].

Необходимо отметить, что данная тема не столь активно поднималась в литературе, как остальные, не так чётко фиксировала это. Это было связано с тем, что очень многие женщины не желали держать в памяти, вспоминать ужасы нацистской оккупации. Изнасилованием женщин и девушек занимались не только немецкие солдаты и офицеры, но и представители армии сателлитов, финские солдаты, итальянские, венгерские и другие союзники нацистской Германии.

На территориях, оккупированных фашистскими варварами были открыты публичные дома и в них часто оказывались эвакуированные и отселённые женщины, которые не имели средств, чтобы прокормить своих детей отправлялись туда, многие из них отправлялись насильно.

Не щадили оккупанты не только женщин и девушек, но и детей. Видя в них потенциальных противников, будущих партизан и воинов Красной армии, немецкие варвары не обращали внимание на возраст, и дети вынуждены были терпеть и проходить испытание оккупацией наравне со взрослыми.

В Гатчинском районе в Вырице летом 1942 г. немецким командованием был организован приют для детей. Детский дом, так он назывался в официальных немецких документах, но на самом деле это был настоящий трудовой концентрационный лагерь для детей от 3 до 14 лет.

По иронии судьбы он был размещён на территории довоенного пионерского лагеря «Костёр», который принадлежал швейной фабрике имени Володарского. Только из одного небольшого посёлка Мга, фашисты туда привезли 60 детей в возрасте от 5 до 6 лет. Содержание детей в лагере было просто чудовищным. Дети по старше с утра до вечера работали, маленькие дети от невыносимых условий

[231] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. — С. 271.

от тяжёлой работы, от холода, голода, болезней, унижений, издевательств умирали часто и постоянно с момента существования лагеря. У части маленьких узников забирали кровь для раненых немецких солдат, и они от этого тоже умирали. Кормили детей очень плохо, похлёбкой разбавленной просроченной мукой и протухшим мясом, немногим удалось выжить.

Настоящие детские дома немцы не строили, а поджигали как это случилось в посёлке Торковичи 5 февраля 1944 года. Вот что сообщается в протоколе допроса свидетеля В.А.Кузнецовой, жительницы поселка Торковичи Оредежского района Ленинградской области, о сожжении немецкими захватчиками детского дома вместе с детьми в поселке Торковичи 5 февраля 1944 г. «Вопрос: Где Вы работали в период немецкой оккупации?

Ответ: Я в период немецкой оккупации работала в Торковичском детском доме в качестве няни.

Вопрос: Расскажите, при каких обстоятельствах немцами были сожжены дети в детском доме в пос. Торковичи?

Ответ: 5 февраля 1944 года в десять часов утра пос. Торковичи окружили немецкие войска, которые наподобие банды ворвались в посёлок Торковичи и первым из всех зданий зажгли без всякого предупреждения детский дом, дети, находящиеся внутри дома, были разных возрастов, плохо одетые, те, которые были постарше, из дома выбежали, а маленькие дети сгорели внутри дома, около 20 человек. Кроме этого в пути от посёлка Торковичи до посёлка Оредеж замерзли на дороге 6 детей.

Вопрос: Вам известны виновники зверств, о которых Вы рассказываете?

Ответ: Мне фамилии немцев не известны, а известны слова изменницы Родины Захаровой Софьи Николаевны, которая заявила: «Пос. Торковичи, как партизанское гнездо, весь сожгу и камня на камне не оставлю». Захарова была бургомистром района. Больше я ничего не знаю.

Вопрос: Что Вы можете добавить к своим показаниям?

Ответ: Я добавить к своим показаниям больше ничего не могу имею. Протокол допроса мне прочитан, показания с моих слов записаны правильно. Кузнецова»[232].

[232] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. С. 311.

Характеризуя преступления нацистских палачей против мирного населения на оккупированных территориях, стоит обратить внимание на то, что помимо общих указанных тенденций следует выделить региональные особенности, которые определялись следующими факторами: удаленностью территорий от линии фронта, этническим составом населения на оккупированной территории, национальным составом оккупантов, а также продолжительностью оккупации.

Если оккупированная территория располагалась близко к фронтовой линии, то население терпело, жуткие лишения не только от администрации оккупантов, но и от боевых действий. Фашистски звери часто применяли практику живого щита из местных жителей для наступления пехоты. В этих землях власть принадлежала военному командованию, а не гражданским оккупационным властям.

Основная направленность деятельности фашистских захватчиков заключалась в обеспечении нацистской армии. С этой целью граждане выселялись из собственных домов, измялось полностью продовольствие и имущество. А если у кого –то в родственниках были граждане еврейской национальности, то в этих семьях могли пострадать как взрослые, так и совсем маленькие невинные дети, как это случилось в Оредежском районе Ленинградской области. «У двух русских женщин, Петровой Т. и Кубышкиной П., взяли детей в возрасте 11 месяцев и 1 год за то, что отцы их были евреи, находящиеся в Красной армии. Голеньких, на санках, зимою, этих двух невинных крошек они везли их до места расстрела пос. Оредеж — 3 км, расстреляв, бросили в снег, запретив хоронить, весной их тельца терзали собаки, матери расстрелянных детей сейчас проживают в поселке Торковичи»[233].

На территориях, которые находились в тылу врага, где вели бои партизанские отряды, в Смоленской области, в Брянской области, в Псковской области и возникали целые партизанские регионы, с восстановлением советской власти, немецкое командование в борьбе с партизанским движением применяло тактику выезженной земли.

В качестве доказательства можно привести показания свидетеля П. А. Добряков о сожжении немецко-фашистскими захватчиками деревень Озеревского сельсовета Струго-Красненского района «Я, житель хутора Липки Озеревского совета Струго-Красненского района

[233] Там же. С. 302.

Добряков Павел Александрович, рождения 1904 года, был свидетелем следующих фактов зверств со стороны немцев. В декабре месяце 1943 г. для борьбы с партизанами Струго-Красненской военной немецкой комендатурой № 189 был направлен карательный отряд в нашу местность.

По обвинению в связи с партизанами, как карательная мера, немцами 19 декабря1943 г. были сожжены 4 деревни: Зовка — 62 хозяйства, Озерево — 40 хозяйств, Дворище — 22 хозяйства и Игаево — 7 хозяйств.

До прихода немцев не убежавших в лес крестьян немцы расстреливали и сжигали в огне. В деревне Зовка немцами были схвачены, не успевшие убежать в лес, и расстреляны 4 чел., причем к последним были применены пытки и издевательства.

Так, например, у убитого немцами гражданина Васильева Петра — 27 лет, обнаружены были на лице и шее около 10 разрезов ножом. После этого Васильев был застрелен и брошен в огонь. Впоследствии труп был найден обгоревшим.

В д. Озерево немцами были застрелены, брошены в огонь и сожжены: кузнец Зис Август — 70 лет, его жена — 72 лет, Баранова Евдокия — 43 лет, ее сын в возрасте 2 лети мать — 65 лет.

В д. Дворище в этот же день ворвавшийся танк выстрелами зажег деревню, специально открыв стрельбу по домам зажигательными снарядами. Цель стрельбы была вызвать пожар. В домах, по которым производилась стрельба, никого не было, и дома до прихода немцев были покинуты жителями»[234].

На характер преступлений оказывал влияние национальный состав оккупантов, в частности в Воронежской области были представлены три зоны оккупации: итальянская, венгерская и немецкая.

В Новгородской области преступления совершали военные испанской голубой дивизии, в Карельские республики в качестве оккупантов подвязались финны. На Псковщине совершались зверства представителями латышских и эстонских националистов, гитлеровцы обеспечивали их самой грязной, отвратительной, кровавой работой.

---

[234] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: Сборник архивных документов / Отв. ред. серии Е.П.Малышева. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. — С. 375.

Продолжительность периода оккупации определяло её особенности. В частности, в Тульской области оккупация продлилась с октября по декабрь 1941 г., поэтому осуществить политику полного геноцида местного населения, как это совершалось в других регионах, гитлеровцы просто не успели. Политику уничтожения мирного населения проводила действующая немецкая армия, а не специальные структуры, такие как СС или зондеркоманды.

Ставропольский край находился под оккупацией с августа 1942 г. по январь 1943 г., около 6 месяцев, однако, учитывая высокую плотность население, если ещё учесть раненых, беженцев, нацистские преступники использовали здесь душегубки и отравляющие вещества, которые продавали мирному населению под видом нормальной продукции. Это приводило к массовой гибели населения.

В 1941 г. карательные немецкие отряды получили грузовики, которые перемещались по территории Ставропольского края. Это были специально оборудованные грузовики, кузов у которых был герметичным, туда за один приезд могли поместить до шестидесяти человек, двери машин закрывались и в кузов нагнетали газ от работающего двигателя.

По территории СССР курсировало 15 таких душегубок, в которых погибло 250 тыс. советских граждан. Душегубки применялись как в Ставропольском, так и в Краснодарском крае, часто применялись для ликвидации пациентов психиатрических больниц.

С больными и ранеными, фашистские отморозки никогда не церемонились, ибо людоедская нацистская идеология выставляла их «отбросами» общества.

В частности, свидетель нацистских зверств К.М.Дмитриев на допросе рассказал, как фашисты обошлись с пациентами клинки имени Кащенко.

«Вопрос: Выше Вы отметили, что в период октября и ноября месяца 1941 г. работали при больнице им. Кащенко. Скажите, как была в это время немцами организована медицинская помощь больным, находящимся там на излечении?

Ответ: В занятия немцами этого района, в больнице на излечении находилось примерно около 1500 чел. Так говорили местные жители. Никакой медицинской помощи немцы этим больным не оказывали. Больше того, они с самого начала стали делать всё для того, чтобы всех их уничтожить. Первое время немцы до минимума сократили

питание, давали по 100 грамм хлеба и варили суп из гнилых овощей. Затем, как я слышал от других на протяжении примерно двух недель, их вообще морили голодом, не давая совершенно ничего есть.

Это мне говорили сестры, которые работали в больнице. Фамилии их я не знаю. Кончилось всё это тем, что примерно числа 20 ноября 1941 г. немцы почти всех больных насильственно умертвили, сделав им какие-то уколы. Трупы умерщвлённых были свезены в противотанковый ров, который был вырыт у деревни Ручьи, и там зарыты»[235].

Такие зверства оправдывались расовой идеологий нацистов. За годы немецкой оккупации РСФСР потеряла 4 млн. 700 тыс. мирных жителей.

Таких потерь не могло быть без заранее спланированной оккупационной политики, предполагавшей методичное уничтожение людей с помощью голода, принудительного тяжкого труда, террора, что и привело к колоссальным людским потерям, к демографической яме, последствия которой мы расхлёбываем по сей день.

Те, кто пытается переписать историю Великой Отечественной войны и второй мировой войны, пытаются лишить исторической памяти, потомков тех, кто пострадал от войны более всего. Но разве можно такое забыть.

Историческое беспамятство может нам дорого обойтись и обходится, полыхая огненными всполохами дома профсоюзов в Одессе. Никакое патриотическое воспитание невозможно без исторической памяти, и мы должны сделать всё для того, чтобы её защитить.

3.2.3. Методические принципы воспитательного процесса по защите исторической памяти в ходе изучения истории

Защита исторической памяти является педагогическим основанием системы патриотического воспитания в высших учебных заведениях.

Можно рассмотреть на этой основе следующие методики реализации задач патриотического воспитания. В качестве информационной площадки для ознакомления с историческим материалом посвящённом анализу оккупационного режима, созданного немецкими

[235] Без срока давности… Ленинградская область. Указ. соч. — С. 366.

захватчиками можно изучать в рамках темы о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне на лекционных занятиях, проблемных лекциях, лекциях-консультациях, лекциях конференциях, Самостоятельную работу с первоисточниками можно предложить на семинарах различного типа. Это могут быть семинары-беседы, куда можно пригласить специалистов или участников изучаемого исторического события, семинары-диспуты, просеминары — ознакомление студентов со спецификой самостоятельной работы, литературой, и методикой работы над ними, междисциплинарный семинар, проблемный семинар, тематический семинар. В частности, можно работать с хрестоматиями, учебниками по истории и учебными пособиями, изучать первоисточники посетив Российский государственный военно-исторический архив, работать с такими журналами как «Вопросы истории», «Российская история», «Новая и новейшая история», «Родина», «Российские архивы», «Источники».

Кроме того, можно использовать дидактически многомерный инструмент, анализируя историческую тему о войне по различным источникам.

Данный подход можно использовать для организации учебно-исследовательской деятельности. Данная методика может включать в себя следующие этапы: 1) определение проблемы (формирование запроса); 2) определяется комплекс источников, в которых может находиться нужная информация; 3) информация извлекается из выявленных источников; 4) происходит ознакомление с данными и оцениваются результаты поиска.

В частности, изучая проблему геноцида мирного населения на территории СССР во время Великой отечественной войны, можно привлекать художественную литературу, научные статьи, письма того времени, научную литературу, указы, законы, статьи из периодической печати того времени, использовать кейсы-задания.

Например, *задание № 1*. В СМИ недавно опубликована новость о рассмотрении в Солецком районном суде Новгородской области дела о массовых расстрелах советских граждан у деревни Жестяная Горка в годы Великой Отечественной войны, эти действия впервые признаны геноцидом. Было признано военное преступлением против человечества и геноцид национальных и этнических групп.

На территории СССР проводились так называемые этнические чистки. Деревни сжигались и уничтожались на систематической

основе. Сподвижники «чистки» не гнушались никакими методами, включая физическое уничтожение и заключение в лагеря и тюрьмы, насильственное выселение и т.д.

Задание № 2. В Латвии регулярно проводятся марши легионов Waffen SS, при поддержке и под защитой правительства. Среди представителей государственных элит республик бывшего СССР, в том числе Украины, наблюдаются попытки реабилитации пособников нацизма и самого нацизма как явления. С молчаливого согласия властей там устанавливаются памятники офицерам войск СС, а ветераны-нацисты повстанческих организаций, как и в Прибалтике, обладают льготами и привилегиями.

Какие нормы международного права и международных соглашений, а также норм национального уголовного права Латвии, Российской Федерации и Украины нарушаются в описанной ситуации? Решения Нюрнбергского трибунала стали неотъемлемый частью международного права, лидеры нацистского государства были объявлены преступниками, нацистские организации, в том числе и СС были объявлены преступными. На основе международного договора союзных держав военные действия Германии в 1939–1945 гг. были юридически квалифицированы как международные преступления.

Геноцид является страшнейшим видом преступления против мирного населения. Он носил массовый характер на оккупированных территориях СССР во время Великой Отечественной войны. Немецко-фашистские захватчики и коллаборанты совершали массовые убийства стариков, женщин, детей. Военные преступления, осуществлённые в форме геноцида согласно международному праву, не имеют срока давности, нацистские преступники и их пособники не могут быть реабилитированы, их злодеяниям нет оправдания.

Именно поэтому попытки переписать историю Второй мировой войны выглядят преступным перед памятью будущего человечества!

Важным направлением в патриотическом воспитании может быть внеаудиторная деятельность, в частности привлечение студентов к работе в историческом кружке или историческом клубе, где можно заниматься поисковой и исследовательской работой, сотрудничая с краеведческими музеями, где можно наглядно изучать фактологический материал и документы о Великой Отечественной войне. В частности, Гатчинский район, Луга, Оредежский район, Петергоф находились под оккупацией во время Великой отечествен-

ной войны. Их краеведческие музеи содержат богатейший материал по исследованию проблемы геноцида мирного населения во время деятельности фашистского оккупационного режима в годы Великой отечественной войны.

В качестве примера можно привести проект по Гатчинскому краеведческому музею.

Проект: Гатчина в годы Великой Отечественной войны. Изучение исторических материалов Гатчинского краеведческого музея.

1. Цель: создание условий для воспитания патриотизма, активной гражданской позиции студентов, чувства гордости за героическое прошлое своего народа на основе полученных знаний о Великой Отечественной войне.
2. Задачи:
   1) познакомится с артефактами, дающими представление о времени Великой Отечественной войны,
   2) Познакомиться с документами, обличающими преступления нацистов на территории Гатчины во время Великой Отечественной войны
   3) Проанализировать документальную хронику по теме исследования.
   4) Создать буклет «Гатчина в годы Великая Отечественной войны».
3. Тип проекта: историческое краеведческое исследование
4. Основные этапы работы над проектом

   1 этап — подготовительный.

   Выбор и утверждение темы проекта. Формулировка цели и задачи проекта, Определение этапов работы.

   2 этап — основной.

   Сбор информации, анкетирование, систематизация полученной информации.

   3 этап — заключительный.

   Описание и предоставление результатов работы. Сопоставление выводов с целями и задачами.
5. Критерии оценивания результата проектной деятельности:
   а) знание артефактов времен Великой Отечественной войны
   б) знание исторических документов, посвящённых Гатчине в годы Великой Отечественной войны
   в) умение анализа и обобщения при изучении материалов, посвящённых Гатчине в годы Великой Отечественной войны.

Следующим важным направлением в патриотическом воспитании и сохранении исторической памяти может быть посещение музеев, выставок, исторических реконструкций, исторических мест, посвящённых событиям, процессам и явлениями связанным с Великой Отечественной войной.

В Санкт-Петербурге это может быть Пискаревское кладбище, парк Победы, обелиск городу-герою Ленинграду, монумент героическим защитникам Ленинграда, памятник героям-морякам балтийцам, государственный музей Невский пятачок, музей — диорама Прорыв блокады Ленинграда, музей героическим защитникам Ленинграда, памятник погибшим детям в концлагере в Вырице, музей памяти жертв нацизма.

Посещение музеев способствует закреплению исторической памяти через эмоциональное восприятие исторических событий при соприкосновении с артефактами и документами военного времени.

Комплексное использование различных подходов к патриотическому воспитанию позволяет защищать историческую память от попыток переписывания прошлого и таким образом сохранить народное самосознание.

3.3. ЗАЩИТА КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

3.3.1. Защита культуры и исторической памяти как способ реализации задач духовно-нравственного воспитания студентов в современных социокультурных условиях

Актуальность реализации приоритетных задач духовно-нравственного воспитания в российских вузах определяется действием факторов, служащих проявлением психологических особенностей студенчества как социальной группы и особых условий, заданных информационными процессами современной социокультурной среды.

Психологические характеристики, отличающие возраст студенчества, определяемый, как правило интервалом от 17 до 25 лет, об-

условливают огромный потенциал личностного и индивидуального развития и одновременно могут служить источником внутренних противоречий и конфликтогенности, что вызвано изменчивостью нейродинамических характеристик, отсутствием синхронности в развитии психических функций в микровозрастные интервалы данного периода. К числу отличительных качеств психологических качеств студенчества стоит отнести внутреннюю напряженность и динамизм поведения, высокую степень сенситивности и реактивности, эмоциональную восприимчивость и открытость внутренним импульсам и внешним воздействиям, малейшим изменениям среды.

В период обучения в вузе освоение огромного объёма информации, относящейся к различным областям знания, применение разнообразных объяснительных схем и моделей, интенсивность коммуникации приводит к постоянной изменчивости образов восприятия, выработке принципов и оснований, определяющих отношение к миру и поведенческие установки, формированию системы, смысложизненных ориентиров, оценок и значений, что, в свою очередь, постоянно трансформируется. Всё это сообщает студенческой молодёжи характерную пластичность и отзывчивость, наряду с максимализмом и категоричностью суждений, что связано с настоятельностью и необходимость разрешения переживаемых противоречий. Перечень данных социально-психологических характеристик студенчества приводит к постановке вопросов о направленности перечисленных выше качеств, их содержательной наполненности и объектах стремлений высокой напряжённости и интенсивности.

Острота и насыщенность эмоциональной жизни в студенческом возрасте связана с напряжённым поиском признания и отклика со стороны значимого окружения, апробированием и изменением оснований для самоидентификации, поисками смысла и началом реализации собственной жизненной программы.

При этом ценностный мир современного российского студенчества характеризуется крайней неоднородностью. Зачастую нормы и ценности, декларируемые студентами в качестве оснований собственной идентичности и деятельности, оказываются противоречивыми и взаимоисключающими, что может рассматриваться как выражение неустойчивости, «мозаичности», бессистемности мировоззренческих основ. Данные характеристики духовного мира способны вызывать и усиливать ощущение нестабильности жиз-

ни, чувство неуверенности и отчуждённости, сомнения в способности реализовать индивидуальные цели. Наряду со свойственной студентам интенсивностью коммуникации и общения проявляется отчуждённость, изолированность в границах непосредственного окружения, поглощённость личными интересами. Многообразие путей и способов самореализации в условиях информационного общества способно расширить границы личности и одновременно служить источником внутреннего беспокойства ввиду отсутствия чётко оформленной ценностной системы и представлений о будущем. Результатом действия данных факторов может стать ситуативная, контекстуальная идентификация личности [236].

Характерная для студенческой молодёжи интенсивность духовных поисков, признание высокой значимости культуры в жизни человека и общества часто сочетается с низкой реальной активностью освоения потенциала духовного наследия, транслируемого учреждениями культуры. Одним из важных факторов, обусловливающих данную ситуацию, является неспособность студентов ориентироваться среди многообразия источников информации, стихийности использования различных информационных каналов, отсутствии критического отношения к источникам, непонимании действия механизмов, направляющих внимание аудитории, недостаточной подготовленности к эффективному использованию средств развития индивидуальной и социальной культуры.

Необходимо учитывать, что духовно-нравственное воспитание обучающихся в вузах представляет собой длительный, сложный и многомерный процесс, происходящий не только собственно в среде вуза, но в гораздо большей степени осуществляющийся в социокультурном поле, в которое включена жизнедеятельность и самореализация студентов, при всём многообразии его компонентов и институтов. Тем более, что в условиях дефицита времени, росте трудовой занятости, интенсивности коммуникаций значительное влияние на студентов оказывают источники духовного опыта за пределами образовательного пространства вуза. В данной ситуации требуется активное включение в систему воспитательной деятельности вуза

[236] *Мишина И. В.* Эстетические переживания в практике личностного развития: современный контекст // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). — С. 104–105.

программ, нацеленных на освоение обучающимися социокультурной среды, включающей памятники истории и культуры, учреждения культуры, среди которых первостепенная роль должна быть отведена музейным учреждениям, сосредоточившим исторические источники как главные средства фиксации и защиты исторической памяти.

Восприятие студентами массивов разнородной информации происходит при отсутствии стабильных и устойчивых интерпретационных моделей, способных служить основанием оценки явлений окружающей действительности и исторического прошлого.

Действие перечисленных выше факторов современной социокультурной среды подчёркивает необходимость воспитательной работы, нацеленной на всестороннее раскрытие значимости и актуальности традиционных духовных ценностей, служащих средством преодоления различных форм отчуждения и кризисных ситуаций, основанием идентификации и интеграции, выработки жизненных ориентиров, психологической и нравственной устойчивости личности, условием её всестороннего развития.

Сложившееся в рамках петербургской культурологической школы понимание культуры как исторически накопленного духовного опыта неразрывно связано с защитой исторической памяти как средоточием восприятия прошлого, в котором фиксируются знания, представления, оценки, переживания, определяющие фундамент духовного единства на основе приверженности традиционным ценностям.

Важно подчеркнуть, что эффективная реализация задач духовно-нравственного воспитания студентов возможна при условии применения системного подхода к организации данной деятельности, учёте факторов современной социокультурной среды, определяющей особенности восприятия, поведения, реализации духовной активности обучающихся вузов.

3.3.2. Принципы реализации актуальных задач защиты культурного наследия и исторической памяти в ходе воспитательной работы в вузах

Реализация задач защиты культурного наследия и исторической памяти в процессе духовно-нравственного воспитания в вузе требует применения ряда базовых принципов и подходов, среди которых следует выделить:

- обращение к источникам исторического знания и их широкое использование с целью формирования уважительного отношения к подлиннику, способности к оценке достоверности информации;
- активизацию эмоционально-чувственного опыта, сферы эстетических переживаний в ходе обращения к событиям прошлого и традициям культуры;
- применение системного подхода к организации педагогической среды, способствующей реализации задач духовно-нравственного воспитания в вузе посредством развития всех её компонентов;
- преимущественное использование интерактивных, диалоговых форм взаимодействия со студенческой аудиторией, нацеленных на пробуждение и поощрение творческой активности и социальной инициативности молодёжи;
- актуализацию опыта, документируемого в исторических источниках, объектах культурного наследия, памятниках истории и культуры.

Указанные выше принципы осуществления воспитательного процесса, нацеленного на реализацию задач духовно-нравственного воспитания посредством обращения к культурному наследию и защиты исторической памяти, требуют более подробного рассмотрения.

Реализация задач духовно-нравственного воспитания студенчества требует активного использования исторических источников, применения принципов научного анализа источников в ходе их использования в воспитательной работе.

Формирование у студенческой аудитории устойчивой способности противостоять фальсификации исторических событий в ходе их освещения и интерпретации требует привлечения внимания к историческим источникам, развития навыков их научного исследования, осознания ценности подлинника в процессе исторического познания.

Это выдвигает требование не только активной работы с источниками в ходе воспитательных мероприятий, изучение студентами текстов, служащих средством документирования фактов, но и создание условий для формирования у обучающихся навыков исследования, позволяющих проводить оценку исторических источников с точки зрения их подлинности и достоверности представленной информации.

Для эффективной реализации данных установок требуются следующие условия:

— фиксации внимания студенческой аудитории на источниках исторического знания при рассмотрении тем, вопросов, проблем историко-культурного характера в ходе преподавания социально-гуманитарных дисциплин, организации и проведения воспитательных мероприятий;

- включение изучения текстов исторических источников в качестве обязательного компонента в структуру заданий, выполняемых студентами в рамках освоения учебных дисциплин и подготовки воспитательных мероприятий;
- освоение студентами принципов научной характеристики источниковой базы, составляющей эмпирическую основу историко-культурных исследований и творческих работ, выполняемых обучающимися в рамках воспитательных мероприятий;
- демонстрация и характеристика различных типов исторических источников (письменных, вещественных, изобразительных, видеоисточников, аудиоисточников, лингвистических, поведенческих и др.), их роли и значения в формировании системы представлений об историческом прошлом и базовых духовных ценностях;
- рассмотрение типологии письменных источников, характеристика и сопоставление эвристического потенциала документальных и повествовательных источников в ходе проведения исторических исследований;
- изучение студентами различных видов документальных источников (законодательных, актовых, делопроизводственных, статистических) и освоение подходов к их изучению; формирование представлений о ценности документов в воссоздании и реконструкции социально-экономических, политических, духовных явлений и процессов;
- изучение студентами различных видов повествовательных источников (литературных, публицистических, научных текстов, источников личного происхождения, медиапубликаций) и освоение подходов к их изучению; демонстрация роли повествовательных источников в изучении представлений, восприятия и оценок событий и процессов;
- рассмотрение основных этапов научного исследования исторических источников;

- — освоение студентами исследовательских технологий и процедур научного анализа источников, включающих:
  а) уточнение обстоятельств и условий введения источника в научный оборот, его открытия, истории исследования и публикации;
  б) изучение вопросов атрибуции (времени, места создания, авторства) и определения подлинности источника;
  в) анализ содержания информации, представленной источником;
  г) характеристику достоверности информации, документируемой в источнике;
  д) комплексную оценку научной и историко-культурной значимости источника;
- освоение студентами принципов и приёмов эмпирической и методологической аргументации.

Выполнение данных условий способствует формированию критического отношения к источникам информации в ходе противодействия фальсификации исторической информации, актуализации понятий подлинности и достоверности, осознанию высшей ценности памятников истории и культуры, фиксирующих исторически накопленный духовный опыт, выступающий фундаментом традиционных нравственных ценностей.

Необходимым средством реализации задач духовно-нравственного воспитания является активизация эмоционально-чувственного опыта, сферы эстетических переживаний в ходе обращения к памятникам истории и культуры.

Духовно-нравственное воспитание молодёжи, нацеленное на формирование готовности к утверждению и защите традиционных ценностей и повышения уровня культуры, невозможно без глубокой эмоциональной вовлечённости в конкретные проекты по защите культуры и исторической памяти, обогащения и развития чувственного опыта, обостряющего восприимчивость и стимулирующего духовную активность[237].

Обращение к конкретным историко-культурным событиям в ходе организации воспитательной работы в вузе связано с раскрытием их духовного смысла, осознанием исторической преемственности, что невозможно осуществить без активизации эмоционально-чув-

[237] *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Указ. соч. С. 182.

ственной сферы. В этом отношении именно художественно-эстетический опыт как средство выражения эмоционально-ценностного отношения к миру, формирующийся в ходе восприятия памятников истории и культуры, позволяет раскрыть значение традиционных нравственных ценностей в эмоционально-чувственной форме, в том числе, посредством переживания сопричастности событиям и героям отечественной истории.

Однако, как отмечается исследователями, в рамках образовательного процесса в ходе преподавания исторических дисциплин доминирует справочно-энциклопедический подход, направленный на освоение обучающимися информации эмпирического характера. При этом приходится признать, что формирование ценностных установок и ориентиров посредством обращения к событиям прошлого носит скорее декларативный характер, а этический и эстетический потенциал изучения отечественной истории и культуры реализуется далеко не в полной мере.

Эффективность реализации этого потенциала зависит от учёта значимости эмоционально-чувственной формы освоения обучающимися традиций и духовного опыта, эстетической мотивации в детерминации их поведения и различных видов активности. Как показывают данные социологических и психологических исследований, интенсивность данного вида мотивации устойчивым образом отличает студенческую аудиторию учреждений культуры,

При этом данная мотивация приобретает особую актуальность в современных социокультурных условиях, способствующих повышению значимости эмоционально-чувственного фактора в различных сферах самореализации молодёжи. Следует учитывать тот факт, что под масштабным воздействием массовой культуры самочувствие молодёжи часто диагностируется качествами неопределённости и неустойчивости, а её эмоционально-чувственный мир характеризуется калейдоскопичностью и противоречивостью. Данное состояние проявляется в усилении остроты, яркости, динамизма, напряженности эмоциональной жизни, однако, при этом в мире переживаний доминирующими становятся поверхностные, преходящие, неустойчивые ощущения, выступающие способом бессознательного ситуативного реагирования на внешние стимулы.

Важнейшими инструментами успешности в современной молодёжной среде признаются такие принципы поведения, как аттрак-

тивность, фасцинация, ассертивность, визуализация, мифологизация, эмоционализация, иными словами, всё, что способствует созданию сильного устойчивого впечатления. Решение этих поведенческих задач, в первую очередь, связано с эстетической категорией «формы», поэтому в системе оценки личностных достижений наиболее значимыми становятся понятия «стиля», «образа», «выразительности».

Таким образом, реализация задач духовно-нравственного воспитания студентов посредством эстетических переживаний в ходе освоения культурного наследия требует учёта следующих факторов:

- дезориентированности студенческой аудитории в культурной среде;
- усиленного воздействия массовой культуры и китча на формирование эстетических вкусов;
- утрату чувства ценности подлинника в процессе художественного восприятия.

В ходе изучения и интерпретации историко-культурных явлений требуется актуализация употребления понятий, выражающих предельные формы переживания значения поступков, направленных на защиту гуманистических ценностей (таких, как «героическое», «возвышенное», «трагическое»).

Глубокой и сложной формой проявления эстетического опыта в ходе восприятия событий исторического прошлого и оценки роли личности в истории выступает категория «героическое», служащая средством выражения наивысшей степени целостности, осмысленности, содержательной наполненности жизни, осуществления возвышенных замыслов и целей служения гуманистическим ценностям. Как подчёркивает Л. А. Булавка-Бузгалина, это отношение открывает личности путь к преодолению бессубъектности и разотчуждению и является «в форме нового общественного и/или художественного действия-поступка-образа»[238]. Таким образом, проявляется способность противостоять хаотичности, бесформенности, расплывчатости, текучести наличного бытия.

Важным инструментом осмысления современных форм проявления индивидуальной эстетической активности служит концепция индивидуальной социализации, разработанная И. И. Резвицким.

---

[238] *Булавка-Бузгалина Л. А.* Разотчуждение: от философии абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. — С. 171.

По его мнению, «всё социально значимое, существенное, глубокое впервые создаётся в индивидуальных мирах, творится индивидуальными субъектами которые выступили… не просто как «носители» социальных функций, а как «авторы» социальной жизни»[239].

Высокой следует признать роль эстетических чувств в инициировании и поддержании социокультурной активности студенческой молодёжи. Переживание значимости героических событий исторического прошлого позволяет испытать чувство целостности, общности и единения на основе своей сопричастности этому и преемственности, что открывает возможности преодоления фрагментарности и раздробленности индивидуального и социального бытия. Это способно послужить основанием готовности к действиям, вызванным чувством ответственности за сохранение исторической памяти и ценностей культуры, в форме волонтёрской активности, социального служения.

Развитый эстетический вкус, сформированный в процессе восприятия лучших образцов наследия, воплотившего традиционные нравственные и художественные ценности, наделяет молодёжь способностью к осуществлению навигации и реализации избирательности в многообразии источников впечатлений.

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей призвана служить единению народов Российской Федерации, что выдвигает в сфере воспитательной работы важнейшую задачу формирования уважительного и бережного отношения к культуре народов России посредством освоения культурного наследия, раскрывающего ценность региональных художественных традиций. Таким образом, раскрытие богатства культурного наследия народов России способствует осознанию студентами уникальности культуры России как многонационального и многоконфессионального государства.

Это требует выполнения следующих условий:

- развития способностей студентов к восприятию и осмыслению ценности духовного опыта российских регионов;
- вовлечения в сферу внимания студентов обширного эмпирического материала, демонстрирующего художественные традиции народов России;

---

[239] *Резвицкий И. И.* Существует ли инбдивидуальная социальность, или На пути к индивидуализированной социальной теории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. — С. 71.

- раскрытия значимости художественных традиций в определении направленности процессов, происходящих в культурной жизни современной России.

Важно подчеркнуть, что освоение художественных традиций становится средством развития индивидуальной художественно-эстетической культуры, воспитания таких важных профессионально значимых качеств, как сенситивность, восприимчивость, эмоциональная отзывчивость.

Обобщение указанных выше факторов подводит к осознанию первостепенной значимости впечатлений, которые студенты приобретают в ходе воспитательного процесса. Важно в этом отношении подчеркнуть, что именно восприятие памятников истории и культуры, документирующих духовный опыт, имеющий системообразующее значение в содержании исторической памяти, служит источником одухотворённых эстетических переживаний. При этом обогащение художественно-эстетических впечатлений в ходе восприятия памятников истории и культуры, прочтения текстов исторических источников позволяет в образной форме конкретизировать представления о традиционной духовности и нравственных ценностях, прочувствовать эмоциональный опыт, служащий фундаментом исторической памяти.

Принимая во внимание базовые психологические и социальные характеристики студенчества, необходимо подчеркнуть приоритетность форм и методов диалогического общения в процессе освоения студентами культурных ценностей, взаимодействия с учреждениями культуры. Интерактивные формы в системе духовно-нравственного воспитания призваны активизировать творческую деятельность студентов, должны служить средством обратной связи. Данные формы могут включать дискуссионные клубы и площадки, встречи и мастер-классы с исследователями истории и культуры, работниками учреждений культуры, авторами и участниками социальных и культурных проектов (поискового, краеведческого движения), представителями медиасферы.

В наиболее полной мере рассмотренные выше принципы могут быть реализованы в ходе в рамках программ, нацеленных на последовательное освоение студентами культурной среды, включающей памятники и учреждения культуры, в деятельности которых осуществляются задачи защиты культурного наследия и исторической памяти.

3.3.3. Реализация задач защиты исторической памяти в рамках музейно-педагогических программ для студенческой аудитории

Огромным потенциалом в реализации задач защиты исторической памяти в процессе духовно-нравственного воспитания обладают учреждения культуры и памятники, формирующие культурную среду, которая в ходе воспитательной работы требует целенаправленного системного освоения. В этом отношении особая роль принадлежит музейным учреждениям, выступающим хранителями духовного опыта, культурного наследия, воплощённого в музейных предметах. Важным свидетельством этого является включение развития музейной педагогики в число приоритетных направлений реализации Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

Последовательная реализация эффективных принципов духовно-нравственного воспитания возможна посредством музейно-педагогических программ, в ходе которых обращение к памятникам, источникам исторического знания активизирует эмоционально-чувственный опыт одухотворённых переживаний, способствующих осознанию ценности традиционных основ российской культуры. Восприятие исторически накопленного духовного опыта в чувственно воспринимаемой форме музейных предметов и памятников способствует обретению духовной устойчивости и целостности мировосприятия. Музейная среда обладает способностью оказывать сильнейшее воздействие на эмоциональную сферу молодых людей, пробуждая чувство сопричастности событиям прошлого и современности. Музей как учреждение культуры является источником опыта, выступающего основанием идентичности, развития восприимчивости и чуткости, обретения устойчивых жизненных ориентиров.

Обобщение разнообразных дефиниций музея приводит к утверждению о том, что его возникновение и функционирование стало итогом институционализации потребности наделять предметы особым значением в силу переживания и осознания их важности и необходимости как средств фиксации духовного опыта. В соответствие с этим сущность и предназначение музея генетически связано с феноменом исторической памяти. Ведущие специалисты в области музеологии подчёркивают, что деятельность музея характеризует

«стабильность в сохранении ценностей высшего порядка, необходимых для аккумулирования в общественной системе памяти»[240].

Осуществляемая музеями функция документирования основывается на одном из главных свойств музейного предмета, а именно — его способности фиксировать информацию о героях и событиях истории. При этом синтез документальной достоверности и художественной образности музейной экспозиции выступает основанием воспитательного процесса в музее.

Среди уникальных свойств, присущих информационной среде музея, следует особо выделить: 1) историческую мемориальную ценность; 2) экспрессивность (художественно-эстетическую выразительность); 3) аттрактивность (зрелищность, доминирующий визуальный способ восприятия); 4) ассоциативность (способность вызывать чувство сопричастности); 4) доступность; 5) междисциплинарный характер; 6) актуальность, поскольку характер интересов публики определяется запросами, обусловленными современной социокультурной ситуацией.

В реализации задач защиты исторической памяти особое значение приобретают следующие функции музея:

1) формирование, хранение, исследование коллекций предметов, выступающих источниковой базой историко-культурных исследований; при этом, в отличие от других учреждений культуры, в музейных коллекциях сосредоточены источники всех типов и видов, что обеспечивает глубину, яркость и всесторонний характер воздействия на студенческую аудиторию;
2) утверждение и трансляция традиционных духовных ценностей и смыслов, сконцентрированных в музейных предметах — подлинных свидетельствах исторических событий;
3) превращение исторических фактов в факты современной культуры за счёт доступности и открытости результатов исследования историко-культурных источников восприятию широкой публики, что позволяет включать музейные предметы и памятники в структуру разнообразных по тематике музейно-педагогических программ и открывает тем самым широкие возможности актуализации историко-культурного наследия в ходе реализации задач духовно-нравственного воспитания современного студенчества.

---

[240] *Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н.* Музейно-педагогическая мысль в России: Исторические очерки. — СПб: СПбГУКИ, 2006. — С. 57.

Ценность, носителем которой выступает музейный предмет, может быть определена как

- историческая: способность предмета служить историческим документом, источником фактов;
- мемориальная, служащая воплощением памяти о героях и событиях прошлого;
- научная: обращение к музейным предметам и памятникам в ходе выполнения эмпирических исследовательских проектов в рамках учебной и научной деятельности
- эстетическая, связанная с переживаем уникальной ценности и значимости памятников и предметов музейной коллекции;
- терапевтическая: способность музейной среды содействовать восстановлению психологической и духовной устойчивости.

Определение ценности музейного предмета как средства воплощения исторической памяти предполагает осуществление оценивания и осмысления его значения. Чтобы гарантировать высокую мемориальную ценность собираемых, хранимых и публикуемых предметов, в системе музейных учреждений происходит разработка научно обоснованной системы критериев оценивания, перепроверки и уточнения их научной и культурной значимости, которая применяется при формировании и пополнении коллекции, построении постоянных экспозиций и временных выставок, организации экскурсий и различных музейно-педагогических форм. Музей является институтом, фиксирующим и раскрывающим мемориальную значимость и ценность предметов, исходя из системы строгих научных критериев и традиционных духовных ценностей. Таким образом, миссия музея включает собирание, хранение, защиту, исследование, актуализацию и популяризацию объектов, выступающих средством фиксации исторической памяти.

В ходе посещения музеев реализуется комплекс мотивов студенческой аудитории, среди которых следует особо выделить:

- эстетический мотив — желание получить исключительные впечатления в ходе восприятия музейных ценностей и погружения в особую музейную среду, в которой каждый предмет приобретает особый статус и смысл;
- познавательный мотив, служащий выражением любознательности, желания расширить кругозор в различных отраслях знания;

- профессиональный интерес, связанный с выполнением учебных заданий в ходе изучения дисциплин социально-гуманитарного блока;
- рекреационный мотив, поскольку посещение музея выступает компонентом досуговой сферы;
- мотив межличностного общения и коммуникации, связанный с потребностью в сопоставлении индивидуального и коллективного духовного опыта.

Особую значимость приобретает в контексте реализации задач защиты культуры и исторической памяти уникальная возможность освоения исторического духовного опыта, воплощённого в музейных предметах, выступающих источниками достоверной информации об историческом прошлом и уникальных глубоких впечатлений, служащих конкретизации и раскрытию традиционных духовных ценностей и нравственных идеалов. Как отмечается исследователями отечественной музейной педагогики: «Уникальность музея заключается в том, что он может оказывать одновременное воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и нравственную сферу личности, актуализирую личный опыт и стимулируя ценностное отношение человека к окружающей действительности»[241].

Интенсивность духовного воздействия, которое музей оказывает на студенческую аудиторию, определяется следующими психологическими процессами:

- осознанием роли музейного предмета, обладающего информационным и экспрессивным потенциалом, как носителя исторической памяти, непосредственного свидетеля исторических событий;
- осмыслением первостепенной значимости подлинности исторических источников в познании исторического прошлого;
- формированием навыков оценки достоверности исторической информации;
- интенсивностью эстетических чувств;
- обострённым чувством эмпатии, причастности историко-культурной общности российского народа;
- активизацией познавательных процессов;

[241] *Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н.* Указ. соч. С. 74.

- переживанием ценности духовного опыта, воплощённого в памятниках истории и культуры [242].

Важно подчеркнуть, что полноценная реализация задач защиты исторической памяти в духовно-нравственном воспитании студентов посредством взаимодействия с музейными учреждениями возможна в рамках музейно-педагогических и экскурсионных программ, способных придать этому процессу системный, организованный и упорядоченный характер, а также обеспечить осуществление контроля эффективности данной работы.

Цель музейно-педагогической программы заключается в формировании представлений обучающихся о ценности историко-культурного наследия как воплощения исторической памяти и традиционных нравственных ценностей, готовности к его всестороннему освоению, бережного отношения к памятникам культуры.

В процессе проектирования музейно-педагогических программ требуется применение следующих принципов:

- включение в структуру программы посещения музеев различного профиля (включая, исторические, военно-исторические, художественные, литературные, мемориальные), что создаёт условия для целостного системного освоения культурной среды;
- координация тематики и графика мероприятий в рамках музейно-педагогических программ с планом и содержанием изучаемых учебных дисциплин (в первую очередь, учебных курсов: «Истории», «Русского языка и культуры речи», «Культурологии», «Религиоведения», «Политологии» и др.), а также занятий студенческих научных кружков;
- актуализации культурного наследия, сосредоточенного в музейных коллекциях, в рамках музейно-педагогических занятий посредством раскрытия духовного значения событий российской истории в определении нравственных оснований и критериев оценки современных информационных и социокультурных процессов и явлений;
- раскрытие уникальной ценности традиций народов и регионов России как многонационального и многоконфессионального го-

[242] *Селиванов В. В., Мишина И. В.* Студенты в Эрмитаже // Музей — зритель. XXI век: Материалы конференции к 80-летию Научно-просветительского отдела. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. — С. 150.

сударства, их роли в определении современных духовных процессов и явлений;

- развитие исследовательской активности студентов (выполнение научных работ, нацеленных на освоение методов научного анализа музейных предметов и памятников как историко-культурных источников);
- использование форм и методов, способствующих коммуникативной и творческой активности студентов (дискуссий, творческих заданий и встреч, олимпиад и др.).

Наряду с посещением музеев, эффективным средством реализации задач духовно-нравственного воспитания могут выступать экскурсионные программы, направленные на освоение и изучение студентами памятников истории и культуры.

Таким образом, защита исторической памяти как педагогическая основа реализации актуальных задач духовно-нравственного воспитания требует разработки и реализации программ, включающих в систему воспитательной работы освоение обучающимися традиций российской культуры, воплощённых в культурном наследии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты, архивные и официальные документы

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788.
3. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/.
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/63728.
6. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996-р // Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB. pdf.
7. О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 16.07.2021 г. № 355–79 // Режим доступа: https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/537937085? print=0.
8. Региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/national_projects/53/?page=2.
9. Акт Кингисеппской районной комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск в г. Кингисепп и на территории района в период оккупации: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 30. Д. 243. Л. 2–8.
10. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ленинградская область // Сборник архивных документов / Отв. ред. Е. П. Малышева. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2020.
11. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область // Сборник архивных документов / Отв. ред. Е. П. Малышева. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2020.

12. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1987.

Научная и учебная литература

13. *Андреева О. А.* Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. — Таганрог: ТИУиЭ, 2000.
14. *Анолли Л.* Психология культуры. — Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2016.
15. *Апрыщенко В. Ю.* Память как безопасность // Новое прошлое. 2016. № 3. — С. 86–108.
16. *Афанасьев И. А.* Философские основания теории социальных рисков. — Саратов: СарГСЭУ, 2006.
17. *Балашов А. И., Рудаков Г. П.* История Великой Отечественной войны: Исторический обзор. — СПб.: Питер, 2005.
18. *Балашов А. И., Баркова Т. Н., Бороденя В. А. и др.* Вторая мировая война: защита исторической памяти и противодействие ее фальсификации: Монография / Под ред. А. И. Балашова. — СПб.: Изд-во Коновалова А. М., 2020.
19. *Барышков В. П.* Макиавеллизм и стратагемность как способы политической и повседневной деятельности // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. — С. 116–120.
20. *Барышков В. П.* Обоснование экоперсонализма // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: Сборник научных трудов Всероссийской конференции VII-е Аскинские чтения. — Саратов: КУБиК, 2017. — С. 183–188.
21. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
22. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Культурная революция; Республика, 2006.
23. *Борисов Н. С.* Средневековая Русь в современных средствах массовой информации // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. — М.: Изво МГУ, 2019. С. 95–100.
24. *Быковская Г. А., Иноземцев И. В., Злобин А. Н.* Гражданско-патриотическое воспитание студентов как инструмент социального развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12. — № 3–1. — С. 15–24.
25. *Булавка-Бузгалина Л. А.* Разотчуждение: от философии абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. — С. 167–179.
26. *Бурдье П.* Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001.
27. *Ваккасова М. В.* Проблемы культурной безопасности в исследованиях Парижской школы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 1. — С. 14–20.
28. *Величко Г. А.* Роль патриотических чувств в становлении личности молодого человека // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: матер. меж-

дунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г. / Под ред. Г.В.Ковалевой. — СПб: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. — С. 46–48.
29. *Величко Г.А.* Гражданская активность современной российской молодёжи // Ценностные ориентации молодёжи в условиях модернизации современного общества: Материалы Межрегиональной научной конференции 14 декабря 2017 г. / Под ред. Г.Ю.Лизуновой. — Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. — С. 92–104.
30. *Веруш А.И.* Соотношение категорий «риск», «вызов», «угроза» в теории национальной безопасности // Научные труды республиканского института высшей школы. 2018. № 17. — С. 24–30.
31. *Володькин А.А.* Значение теории секьюритизации Б.Бузана и О.Уивера для изучения внешней политики государств Балтии в постсоветский период // Беларусь в меняющемся мире: история и современность. — Минск: БГУ, 2019. — С. 82–87.
32. *Гайдаев О.С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. — С. 20–32.
33. *Гайдаев О.С.* Эволюция и современный этап развития теории секьюритизации в контексте глобального информационно-психологического противоборства // YOUTH WORLD POLITIC. 2019. № 1. — С. 57–67.
34. *Гайм Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. — СПб.: Наука, 2006.
35. *Геродот.* История. В 9-ти кн. / Пер.Г.А. Стратановского. — М.: АСТ: Ладомир, 2001.
36. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник Российской академии наук. — 2010. — Т. 80. — № 3. — С. 195–203.
37. *Григорьева К.С.* Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (3). — С. 58–85.
38. *Декальчук А.А.* Проникновение философских концепций в теорию международных отношений (Случай теории речевых актов Джона Остина и теории секьюритизации Оле Вевера) // Философские науки. 2013. № 8. — С. 39–50.
39. *Диев В.С.* Риск: оценка и принятие решений // Философски науки. Новосибирск, 2010. № 4. — С. 15–32.
40. *Долгов В.В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива»// Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. 2016. — С. 190–212.
41. *Домрачева С.А., Чучалова Е.А.* Волонтерские движения как форма организации социального воспитания молодежи // Общественные и гуманитарные науки в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 26–28 февраля 2014 г. — Махачкала: АНОО «Махачкалинский центр повышения квалификации», 2014. — С. 40–49.

42. *Ефременко Д.* Коммуникация риска как научная проблема и как вызов системе образования // ALMA MATER. 2006. № 8. — С. 22–28.
43. *Ефременко Д. В.* Память о Второй мировой войне и дилемма мнемонической безопасности / 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. — СПб.: Нестор-история, 2020.
44. *Заиченко О. В.* Трансформации национальных мифов о «Герое» в Западной и Восточной Европе (сравнительно-исторический анализ на примере нарративов об Арминии и Александре Невском // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II-й междунар. науч. междисц. конференции. — Севастополь: филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 226–228.
45. *Зевелева Е. А., Казакова Л. К., Лепилин С. В. и др.* Патриотическое воспитание студенческой молодежи как важный элемент государственной молодежной политики // Патриотическое воспитание молодежи в современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию организации поискового движения на Белгородчине / Отв. ред. З. З. Мухина, С. В. Канныкин. — Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2019.
46. *Зенгер Х. фон.* Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1. — М.: Изд-во Эксмо, 2004.
47. *Иванченко Н. Ю.* Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Автореферат… диссертации канд. ист. наук. — СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2004.
48. *Ильин А. Н.* «Массовый» человек: его сущность и условия возникновения // Вестник Омского университета, 2009. № 4. — С. 51–58.
49. *Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи* // Россия в глобальной политике. Т. 18, № 1, 2020. — С. 59–80.
50. *Кемеров В. Е.* Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011, № 1. — С. 5–19.
51. *Козлов Н. Д.* Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны: Монография. — СПб.: Альтер Эго, 2008.
52. *Корнетов Г. Б.* Парадигма педагогики манипуляции // Школьные технологии. 2006. № 1. — С. 46–54.
53. *Кутыкова И. В.* Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации // Труды СПбГИК, 2015. Т. 208. Ч. 2. С. 7–15.
54. *Кутырев В. А.* Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) // Вопросы философии. 2000. № 5. — С. 15–32.
55. *Кутырёв В. А.* Парадигма педагогики манипуляции // Школьные технологии. 2006. № 1. — С. 61–69.
56. *Кутырёв В. А.* Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). — Смоленск: СмолГУ, 2006.
57. *Леопа А. В.* Историческое сознание как метод научного познания // Философия и культура. — 2012. — № 3 (51). — С. 108–114.

58. *Линченко А. А.* Знание о прошлом и историческое сознание молодежи в информационном обществе // Люди и тексты. Исторический альманах. — 2014. — № 5. — С. 51–82.
59. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — СПб.: Алетейя, 2014.
60. *Лихачев Д. С.* Земля родная. — М.: Просвещение, 1983.
61. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. — М.: Мысль, 2001.
62. *Лызь Н. А.* Развитие безопасной личности: психолого-педагогический подход // Педагогика. 2006. № 4. — С. 68–75.
63. *Лутовинов В. И.* Методические рекомендации по организации патриотического (военно-патриотического) воспитания. Под общей редакцией Н. В. Стаськова, доктора политических наук. — М.: АНО СПО «СОТИС», 2018.
64. *Магун В. С., Магун А. В.* Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений)// Общественные науки и современность. — 2009. — № 3. — С. 32–44.
65. *Маковецкий Е. А.* Социальная онтология ритма // Социальная аналитика ритма: Сборник материалов конференции. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 104–125.
66. *Малышев Е. В.* Научные основы исследования кризисных ситуаций, влияющих на национальную безопасность России // Технологии гражданской безопасности. 2013, Т. 10, № 2 (36). — С. 92–96.
67. *Мельникова Е.* Рецензия на кн. А. Ассман // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2017. Т. 9. № 2. — С. 169–177.
68. *Миллер А. И.* Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // Полития. 2019. № 3. — С. 87–102.
69. *Миронов Б. Н.* Этюды исторического оптимизма // Историческая экспертиза. 2020. № 3. — С. 362–376.
70. *Михайлов А. В.* Эстетические идеи немецкого романтизма. // Эстетика немецких романтиков. — М.: Искусство, 1987.
71. *Мишина И. В.* Эстетические переживания в практике личностного развития: современный контекст // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). — С. 104–108.
72. *Мясников В. С.* Антология хитроумных планов // Зенгер Х. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во Эксмо, 2004. — С. 5–27.
73. Невская битва 1240 г. вполне могла быть, но о ней рассказывает единственный источник: Интервью с И. Н. Данилевским // Историческая экспертиза. 2017. № 4. — С. 324–339.
74. *Никифоров А. Л.* Онтологический конструктивизм и эпистемологический агностицизм // Эпистемология и философия науки. 2014, № 4. — С. 36–40.
75. Новая философская энциклопедия. В 4-х. т. Т. 4. — М.: Мысль, 2001.
76. *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. 2012. — С. 40–74.

77. *Оришева О. Ф.* «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии // Труды БГТУ. Серия V. История, философия, филология. Вып. XVIII. 2010. — С. 136–139.
78. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. — М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008.
79. Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс: Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). — С. 22–49.
80. *Панюков А. И.* Историческое сознание: сущность, структура и тенденция развития, методологический анализ: Диссертация… канд. филос. наук. — Красноярск: КрасГПУ, 1995.
81. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. — М., 2003.
82. *Пархоменко Р. Н.* Субстанция и функция: функционализм в неокантианстве и у Э. Кассирера // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2017. № 11. — С. 52–60.
83. *Пивоваров Д. В.* Категории онтологии. В 2-х ч. Ч. 1: Учеб. пособие. — М.: Юрайт, 2020.
84. *Понасенков Е. Н.* Первая научная история войны 1812 года. — М.: АСТ-М, 2017.
85. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. — М.: Минувшее, 2008.
86. *Порус В. Н.* Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005, № 11. — С. 24–36.
87. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000.
88. *Резвицкий И. И.* Существует ли индивидуальная социальность, или На пути к индивидуализированной социальной теории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. — С. 62–79.
89. *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). — М.: ГУ ВШЭ, 2003.
90. *Рикёр П.* История и истина. — СПб.: Алетейя, 2002.
91. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Академический проект, 2008.
92. *Розен В. В.* Становление идей современного естествознания. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.
93. *Ростовская Т. К., Калиев Т. Б.* Ценностные ориентиры современной молодёжи: особенности и тенденции: Монография. — М.: РУСАЙНС, 2019.
94. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Направление исследований исторической памяти в России. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2, 2014. — С. 106–126.
95. *Руслина А. О.* Макиавеллизм и стратагемность в западной и восточной культурах // Человек. 2007. № 6. — С. 44–53.
96. *Рыбалкин Н. Н.* Философия безопасности: Учеб. пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.

97. *Рядинская М. В.* Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, История. 2010. № 2 (18). — С. 159–165.
98. *Сапронов П. А.* Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. — СПб: Лениздат: Союз, 2001.
99. *Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В.* Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука, 2020, № 2. — С. 66–86.
100. *Селиванов В. В., Мишина И. В.* Студенты в Эрмитаже // Музей — зритель. XXI век: Материалы конференции к 80-летию Научно-просветительского отдела. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006.
101. *Сидорова Л. О.* Педагогические условия воспитания исторической памяти у молодёжи в учреждениях культуры: концептуальный подход. // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. — М.: МГИКиИ, 2012.
102. *Скворцов А.* Основные проблемы военно-научных исследований в России сегодня // Вестник аналитики. 2002. № 4. — С. 69–79.
103. *Скоробогатый П.* Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. С. 50–54.
104. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: Из-во Уральского ун-та, 2001.
105. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004, № 1. — С. 29–34.
106. *Смирнов А.* О «сумме индивидов», «лингвистическом идеализме» и «носителе суверенитета»: Ответ Б. Г. Капустину // Логос. № 1 (57), 2007. — 210–217.
107. *Сунь-Цзы.* Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгара, 2006.
108. *Сургуладзе В. Ш.* Заступник земли Русской (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Проблемы национальной стратегии. № 4 (61), 2020. — С. 184–198.
109. *Сурков В.* Куда делся хаос? Распаковка стабильности/ Актуальные комментарии. 20.11.2021 г. // Режим доступа: https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336. html.
110. *Соколова М. В.* Педагогика исторической памяти: границы понятия // Ярославский педагогический вестник, 2013. № 1. Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 92–98.
111. Социальные технологии: Учеб. пособие / Под ред. И. Б. Орлова. — М.: Юрайт, 2021.
112. *Таранов П. С.* Интрига: способ выживания. М.: Эксмо, 2005.
113. *Тесля А.* Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи // Россия в глобальной политике. Т. 18, № 1, 2020. — С. 59–80.
114. *Томалинцев В. Н.* Экстремаль России: Прогноз развития. — СПб.: Фонд Отечество, 2007.

115. *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ соврем. Состояния // Новая и новейшая история. — 2000. — № 4. — С. 3–14.
116. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек: Монография. — М.: Юнити-Дана, 2008.
117. *Труфанова Н. А., Труфанов Н. И.* К вопросу о патриотическом самосознании современной молодежи // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Материалы 17-й Всероссийской научно-метод. конференции, Иркутск, 01 марта 2012 года. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2012. — С. 356–363.
118. *Фененко Ю. В.* Социология управления: Учебник. — М.: Юнити, 2011.
119. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). — Смоленск, 2006.
120. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
121. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. — М.: Весь Мир, 2008.
122. *Хайдеггер М.* Бытие и время. — СПб.: Наука, 2002.
123. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007.
124. *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и в науках о человеке. — М.: Канон+, 2009.
125. Ценностные ориентации российской молодёжи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования: Монография / Под общ. ред. С. В. Чуева. — М.: Издательский дом ГУУ, 2017.
126. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
127. *Шуб М. Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры, 2018. Т. 15, № 2. — С. 161–169.
128. *Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н.* Музейно-педагогическая мысль в России: Исторические очерки. — СПб.: СПбГУКиИ, 2006.
129. *Эрекаев В. Д.* Спецрелятивистские онтологии. Электронный философский журнал Vox. 2015. Вып. 18 (Июнь). — С. 261–275.
130. *Эрлль А.* Миры памяти в эпоху коронавируса // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (17). — С. 14–34.
131. *Ярская В. Н.* Время в эволюции культуры: философские очерки. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989.
132. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991.
133. *Ясперс К.* Разум и экзистенция. — М.: Канон +; РООИ реабилитация, 2013.

Официальные сайты и ресурсы сети Интернет

134. *Бергер Ш.* Национальные историографии в транснациональной перспективе: Европа в XIX и XX вв. Архив Гефтера // Режим доступа: http://gefter.ru/archive/6412.

135. Всероссийская перепись населения: Официальный сайт // Режим доступа: https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis-/.
136. ВЦИОМ: официальный сайт // История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд». 14.09.2017 г. // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud.
137. ВЦИОМ: официальный сайт // Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны // Режим доступа: https://old.wciom.ru/index. php?id=236&uid=10401.
138. ВЦИОМ: официальный сайт // Патриотизм сегодня. 11.06.2020. // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat.
139. *Ерофеев В.* Интервью «Эхо Москвы» 17 октября 2016 г. // Режим доступа: http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1856854-echo.
140. *Лаклау Э., Муфф Ш.* Гегемония и социалистическая стратегия. К радикальной демократической политике // Режим доступа: https://www.academia.edu/29433830.
141. *Новоселова Е.* Российские студенты не помнят героев Великой Отечественной войны // Российская газета. 12.06.2013 // Режим доступа: https://rg.ru/2013/06/19/pamyat-site. html.
142. *Сайт ВЦИОМ* // День России: чем и кем мы можем гордиться? 11.06.2013. // Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-chem-i-kem-my-mozhem-gorditsya
143. Сайт Министерства просвещения РФ. Национальный проект «Образование». Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Режим доступа: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot.
144. *Якушина О.* Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 1. 2012 // Режим доступа: https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранение и защита исторической памяти в современных условиях выступают фундаментальным основанием организации системы воспитательной работы в вузах. Защита исторической памяти является педагогической основой формирования гражданского, патриотического, нравственного сознания современного российского студенчества.

Как отметил Президент Российской Федерации В.В.Путин на ежегодной пресс-конференции 17 декабря 2020 г.: «Чтобы не допустить переписывания истории и вообще какого-либо переписывания, нам нужно быть самодостаточными, сильными во всех отношениях, прежде всего в экономическом плане. Нужно развивать нашу политическую систему, с тем чтобы мы внутри страны чувствовали себя уверенно, и граждане понимали, куда двигается страна, как она развивается, выстраивать отношения с нашими партнёрами на международной арене, исходя из наших интересов и учитывая их. Ну и, конечно, не забывать о подвиге, которым наши предки насытили нашу историю не только в период Второй мировой войны и Великой Отечественной, но и за предыдущие столетия. Нам есть чем гордиться»[243].

Целью воспитательной работы в современном вузе является создание условий для активной жизнедеятельности обучающихся, их гражданского самоопределения, профессионального становления и индивидуально-личностной самореализации в созидательной деятельности.

Основными направлениями воспитательной деятельности в вузе выступает деятельность, направленная:

- на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся;
- на формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности;
- на формирование у обучающихся чувства уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, уважения

[243] *Путин В.В.* Стенограмма ежегодной пресс-конференции 17 декабря 2020 // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64671.

к человеку труда и старшему поколению, уважения к закону и правопорядку;

- на формирование у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации;
- на профилактику деструктивного поведения обучающихся.

Приоритетными направлениями воспитания в вузе являются: гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, культурно-просветительское, научно-образовательное и физическое, а приоритетными видами деятельности обучающихся в воспитательной системе вуза выступают: проектная деятельность как коллективное творческое дело; волонтерская (добровольческая) деятельность; учебно-исследовательская и научно-исследовательская деятельность; деятельность студенческих объединений; досуговая, творческая и социально-культурная деятельность по организации и проведению значимых событий и мероприятий.

Реализация задач защиты исторической памяти как основания развития гражданской идентичности российского студенчества выдвигает перед организаторами воспитательной работы и преподавателями высшей школы требования разработки программ, проектов, применения методов и технологий, способных осуществить выполнение данных задач с учётом социально-психологических особенностей современного студенчества, на основе синтеза эффективного педагогического опыта и современных подходов, обусловленных действием факторов и угроз, заданных информационными процессами современной социокультурной среды.

Барышков Владимир Петрович
Вашурин Андрей Николаевич
Величко Галина Анатольевна
Кудряшов Сергей Витальевич
Мишина Ирина Васильевна

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗАХ

Под общей редакцией Т. Н. Барковой

Монография

Научное издание

Адрес редакции:
199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д. 13 литера А, к. 507

ISBN 978-5-6046439-9-0

Отпечатано в ООО «Типография Экспресс-Реклама»
196084, РФ, г. Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 5/1, литера А
тел.: (812) 646-33-77
Цифровая печать: www.express-promo.ru
Офсетная печать: www.er-print.ru

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1-8691-lv